

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДА В ПРАЗДНИКАХ И ОБРЯДАХ

Л.Г. Тимошенко

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО НАРОДА
В ПРАЗДНИКАХ
И ОБРЯДАХ**

Учебное пособие

**Институт развития образовательных систем РАО
Дворец народного творчества «Авангард»
Центр сибирского фольклора**

Т О М С К

2008

ББК 63.521 (= 411.2) – 426

Т 41

Печатается по решению Ученого Совета ИРОС РАО
от 29 ноября 2007г, протокол № 58

Тимошенко Л.Г.

Т 41 История русского народа в праздниках и обрядах

/Учебное пособие/. Под редакцией доктора педагогических наук
В.Н.Куровского. – Томск , 2008.- 146 с.

Это пособие посвящено актуальной сегодня теме – русской традиционной культуре, верованиям, праздникам и обрядам наших предков, их земледельческому календарю. Оно содержит материал по русской этнографии, фольклору и народным традициям различных областей России.

ОТ АВТОРА

В традиционном обществе праздники и обряды были неотделимы от основного хозяйственного уклада жизни. У русских земледельцев годовой цикл календарных праздников связан с надеждами и заботами о будущем урожае, с радостью от пробуждения природы и встречи солнечного дня.

Наши предки не знали слова «экология», но стремились жить в ладу с окружающим миром: в положенное время встречали и закликали весну, радовались солнцу и первым зеленым побегам. Христианские святцы в свое время были мудро соединены с древними представлениями славян об окружающем мире.

Календарные обряды у русских сибиряков томского края, как и многих других регионов Сибири, были принесены из Европейской России, главным образом из её северных районов, откуда и были родом первопоселенцы, составившие основу русского старожильского населения Сибири.

Годовой цикл народного календаря включал не только праздники, но и наблюдения, приметы на важнейшие рубежи в потоке времени, определяемые сменой времени года и сезонными чередованиями труда и отдыха крестьянина-земледельца. Календарные обычаи и обряды русских впитали в себя как христианские традиции, так и весь накопленный от предков – славян опыт общения с природой, в том числе представления об устройстве мира и месте человека в нем. Основой народного календаря стали христианские святцы с именами святых, которые наделялись функциями покровителей того или иного сезонного крестьянского труда. Святцы органично сочетались с многовековыми наблюдениями за движением солнца и луны, сроками солнцеворота и равноденствия. В результате получилась настоящая энциклопедия народной жизни.

Наши предки в положенное время приглашали – закликали весну и пекли «жаворонков» из теста, на Пасху любовались «игрой» - переливами солнца, на масленицу стремились «помочь» в извечной борьбе весны с зимой. На Троицу и Духов день давали отдых земле-кормилице, потому что и у неё бывает день именин. Верили, что со Сдвиженья земля засыпает на всю зиму до Благовещенья, и не тревожили её. В традиционной культуре передача знаний, обычаев, обрядов шла естественным путем, из уст в уста, от деда к внукам. Однако в наше время семейная преемственность уже прервана, поэтому особое значение приобретает передача знаний через школы, студии, творческие коллективы и учебно-методическую литературу.

ТРАДИЦИОННЫЕ РУССКИЕ ЗАБАВЫ

Гулянье (карагод, хоровод)

Весенне-летние собрания парней и девушек на открытом воздухе, форма общения холостой молодежи. Молодежные гулянья начинались обычно с Пасхальной недели и продолжались до Петрова дня включительно с перерывом на Петровский пост. Прекращение их после этого праздника объяснялось занятостью молодежи сначала на сенокосе, а затем на уборке зерновых. Гулянья проводились как в воскресные дни, так и в будни. Молодежь могла собираться на них утром, днем, вечером или ночью: от вечерней до утренней зари.

В гуляньях принимали участие парни и девушки брачного возраста, жившие в одной деревне или в нескольких расположенных неподалеку деревнях. Отсутствие же на них без уважительной причины рассматривалось как нарушение правил, принятых в обществе, и, более того, как большой грех, за который можно поплатиться безбрачием, бездетностью или ранним вдовством. Родители, не отпускавшие своих дочерей на гуляния, осуждались общественным мнением деревни. Гулянья молодежи обычно проходили на специально отведенных для этой цели местах и обязательно в присутствии зрителей: деревенских жителей, желавших посмотреть на молодежь. Как правило, это были пожилые женщины и мужчины, которые, не вмешиваясь в молодежную игру, с интересом следили за ее ходом, одобряя или не одобряя поведение гуляющих.

Весенне-летние гулянья, привлекавшие молодежь возможностью повеселиться, попеть, поплясать, покататься на качелях, представляли собой в то же время хорошо продуманное обрядовое действие. Они имели определенную структуру, игровой, песенный, танцевально-инструментальный репертуар, особые правила поведения. Молодежь, выполняя все предписанные традицией действия, участвовала в своеобразной обрядовой игре, целью которой было заключение брачного союза.

Открывались весенне-летние гулянья торжественным шествием девушек брачного возраста по главной улице села или деревни. Выстроившись в цепочку или ровными рядами, они медленно шли красивым шагом под протяжную песню по деревенской улице, давая возможность рассмотреть себя и свои наряды парням, заинтересованным в женитьбе, и их родителям, занятым выбором невестки. Затем шествие направлялось на площадку, где обычно происходили молодежные гулянья и стояли скамейки для зрителей. Девушки становились в две шеренги и начинали играть хоровод «Про-

со» - самый древний русский хоровод, открывавший почти по всей России весенне-летние развлечения молодежи.

Молодежные гулянья проводились в три перетекавших один в другой этапа. Первый их этап, начинаясь на Светлой неделе, продолжался до Троицы или Ивана Купалы с перерывом на Петровский пост. В это первое весеннее время главным развлечением молодежи были качели и хороводы. Главными участниками хороводов были девушки, парни могли в них войти только по приглашению. В это время исполнялись хороводы, в которых раскрывалась тема сеяния, роста, созревания, такие как «*А мы просо сеяли*», «*Мак*», «*Лен*», и лишь изредка игрались хороводы на любовную тематику.

Пляски, массовые, парные или сольные, почти не исполнялись, не плясались даже кадрили - любимый с последней трети XIX в. танец молодежи. На этом начальном этапе народная традиция предписывала проводить молодежную игру как игру целомудренную: парни приглядывались к девушкам, стараясь им понравиться, говорили им приятные комплименты, хвалили наряды, девушки старались показать себя скромными, застенчивыми.

На втором этапе гуляний, начинавшемся после Вознесения и длившемся до Троицы, молодежная игра получала ярко выраженный любовный характер, была насыщена эротикой, сексуальной силой, ожиданием счастья. Парни становились равноправными партнерами девушек, активно включались в хороводы. Среди хороводных игр на первое место выдвигались хороводы с любовной тематикой: «*Заинька*», «*Хмель*», «*Утошная*» и др., в которых рассказывалось о начале любовной игры между девицей и молодцем.

Игры в выбор невесты жениха пользовались очень большой популярностью. Среди них практически по всей России была известна игра «*Выбор невесты*». Девушки становились в два ряда, образуя коридор, по которому взад - вперед ходил молодец удалой, внимательно их разглядывая. Затем он выбирал одну девушку, брал ее за руку и расспрашивал подруг о ее достоинствах. Если отзывы были благоприятные, то парень с девушкой целовались и считались поженившимися.

После Троицы и особенно в период от Ивана Купалы до Петрова дня сближение парней и девушек в молодежной игре достигало наивысшей точки. Игрища на Иванов день (Иван Купала), приходившийся на день летнего солнцеворота, а особенно на Петров день, носили ярко выраженный языческий характер. В это время исполнялись

хороводы только на любовные темы, сопровождавшиеся поцелуями, такие как «Любушка», где парень уговаривает девушку стать его Любушкой, причем в них рассказывается, как им хорошо будет играть друг с другом. Это же время было временем парных или коллективных плясок, носивших эротический характер, например, такая парная пляска как «Голубец», заканчивавшаяся имитацией полового акта.

Следует также отметить, в этот период времени в хороводы приглашались молодухи – женщины первого года брака. Молодую ставили в середину хоровода. Она кланялась, приговаривая: *«Низко кланяюсь красным девушкам, молодым молодухам, молодцам холостеньким, дедушкам, дядюшкам, бабушкам, тетенькам! Сватам и сватам, всем одним махом! Прошу принять меня к себе, а не принять, отогнать от себя»*. Затем молодуха кланялась на все четыре стороны три раза: первый поклон поясной, второй – ниже пояса, третий – до земли. На третьем поклоне девушки начинали величальную молодухе. После величальной молодуха должна была благодарить: *«Благодарим покорно, красные девушки, молодые молодухи. У всех вас поравнено, у всех за едино. За Ваше угощение сорок одно почтение! Маленький поклончик примите, а большой поболе подождите»*. Этот обычай рассматривается как обычай символического приема молодухи в деревенское общество, знакомство ее с деревней и деревни с нею. Последний день гуляний назывался прощальным. Все кланялись друг другу, прощаясь до будущей весны.

Качели (качеля, кочуля, катило, арель, арели, рели)

Традиционное развлечение детей и молодежи в весенне-летний период. Чаще всего в русской деревне качание молодежи на общественных качелях начиналось с Пасхи и продолжалось до Троицы. Дети могли качаться на домашних качелях от весны до осени. Большие деревенские качели обновляли или сооружали заново каждый год накануне Пасхи или в первые дни Пасхальной недели. Обычно их устанавливали в каждой деревне на строго определенном месте, там, где проходили молодежные гуляния: в саду, на берегу реки или озера, у большой дороги, за деревней на холме, на гумне и т.д. В больших селах молодежь каждого конца улицы ставила свои качели.

При общем единообразии конструкции качелей в различных русских губерниях могли сосуществовать качели разных типов. Простейшей и в то же время наиболее древней конструкцией были так называемые «скакухи» - широкая длинная доска, положенная на перевернутый набок чурбан, способ «качания» на которой назывался

«скакание на досках». Иностранные путешественники, посещавшие Россию в XVII в., описывали также качели «в форме виселицы»: два врытых в землю столба, соединённых перекладиной, на которой крепилась веревка со съёмным сидением для одного человека. Перекладины могло и не быть, тогда веревку привязывали прямо к верхушкам столбов.

В городах и на ярмарках были широко распространены качели, которые немецкий путешественник XVII в. Герберштейн сравнивал с «колесом Фортуны». По конструкции они напоминали карусель, вращающуюся в вертикальной плоскости, и за эту свою особенность получили название «круглые». В строительстве качелей этого типа участвовали только парни, сооружавшие их для девушек, которые в благодарность одаривали их яйцами. По окончании строительства парни устраивали складчину, жарили яичницу – «колотуху».

Качели на «козлах» парни и девушки сооружали совместными усилиями. На одной из последних недель Великого поста парни устанавливали «козлы», при этом каждый вносил свою часть строительного материала. В некоторых местах строительство было обязанностью только тех парней, у которых были сестры на выданье. В предшествующий посту мясоед девушки на посиделках пряли грубые нитки, из которых в пост парни вили веревку. Двое парней натягивали нити, концы которых третий свивал и наматывал на специальное приспособление для витья веревок – «вьюшку», девушки при этом украшали – «убанчивали» веревку, вставляя между переплетающимися нитями яркие тряпочки.

Качаться начинали в зависимости от местной традиции или в день Пасхи после обеда, или в понедельник на Пасхальной неделе. Часто качание на качелях вместе с сопутствовавшим ему молодежным весельем следовало за прохождением «крестов» - обходом деревень с пасхальными молебнами.

Рядом с качелями устраивалось гуляние, играли гармошки, собиралась молодежь из разных деревень, но качаться разрешалось только местным парням и девушкам. Чужаки должны были ждать приглашения хозяев. Обычно парни усаживали девушек ближе к середине доски, а сами раскачивали качели, стоя или сидя на ее концах. В некоторых местах на качели девушку вел парень, с которым она гуляла. Они вставали с двух сторон на доску, и девушка подвязывала юбку под коленями поясом, чтобы она не развевалась, затем парень раскачивал качели.

ТРОИЦА (день Святой Троицы, Пятидесятница, День Сошествия Святого Духа на апостолов) - двенадесятый праздник православного календаря, отмечаемый на 50 день после Пасхи, на 10 день Вознесения. Великий двенадесятый праздник православного календаря в память о сошествии Святого Духа на апостолов, когда чествуются Святая Троица. На Руси Троица связана также с именем святого Сергия Радонежского. В народной традиции на Троицу славили цветущую растительность, завивали березку, кумились, устраивали девичьи гадания.

Праздник в честь Троицы, узаконенный церковью в IV веке, долгое время не был широко распространен в древней Руси. В XIV - XVI веках культ Троицы становится чрезвычайно популярным в русских землях, и связано это с деятельностью Сергия Радонежского, наиболее почитаемого в народе святого. Троицкое богослужение завершает 50-дневный праздничный период, следующий за Пасхой, и открывает новый цикл служб, которые включают исполнение молитв *«Видехом Свет истинный»* и *«Царю небесный»* и обязательное коленопреклонение, отменённые в пасхальные недели. От Пятидесятницы принято отсчитывать все последующие недели церковного года (1-ое воскресенье по Пятидесятнице и т.д.) вплоть до недели мытаря и фарисея (Великого поста); помимо этого изменяется недельный отсчет дней: воскресенье считается завершающим днем семидневного цикла.

На Троицу православные храмы украшаются свежей зеленью; молящиеся во время службы держат в руках березовые ветки и цветы; повсеместно распространен обычай освящения принесенной верующими зелени. Церковь считает, что зеленая ветка - это символ возобновленной весны и, вместе с тем, символ обновления людей силой нисходящего Духа Святого. В честь этого праздника священники нередко облачаются в фелони зеленого цвета, а церковная утварь украшается светло-зелеными тканями и лентами. На Троицу, так же, как на Рождество, Сретенье, Пасху, в церкви изготавливают и освящают свечи.

В народной традиции Троица входит в праздничный цикл, который начинается с Семика и заканчивается Духовым днем. Нередко Троицей называли весь праздничный промежуток времени, любой из его дней. В русском поэтическом творчестве Троица обыкновенно выступала в паре с Семиком:

*«У нас в году два праздника:
Семик да Троица.*

*Ай, лилѐ, да лилѐ,
Семик да Троица».*

В русской традиции праздник Троицы связывался, прежде всего, с почитанием растительности, расцвет которой приходился как раз на это время. Символом праздника, главным атрибутом многих обрядовых действий была береза. На растущих березах обычно «завивали» ветви, переплетая их друг с другом, с травой, цветами, лентами, полотенцами и т.д. Со временем их обязательно «развивали», считая, что в противном случае дерево может «обидеться». В некоторых местах березы срубали, украшали, рядили в девичью (женскую) одежду и вносили в поселения, в дома, совершали с ними обходы деревень, изб, засеянных полей, лугов. Участники трапез, проходивших около берез, устраивали ритуальное «кормление» деревьев. Девушки кумились с березой и называли ее в течение праздника «кумой»; ее использовали в гаданиях.

Часто троицкая березка становилась центром народного гулянья Троицкого дня. В этот день девушки надевали самые лучшие наряды, нередко сшитые специально для троицких гуляний. В Белгородской области на каждый день троицкого праздничного цикла полагалось особое платье: в троицкую субботу надевали красные рубахи, в воскресенье - старинные белые, в понедельник - сшитые из фабричной ткани. Повсеместно головы украшали венками из свежей зелени; в северных районах их заменяли головные уборы, вышитые золотыми нитями и металлическими пластинами, которые не носили в другие праздничные дни.

Нарядно одетые девушки прогуливались при всеобщем собрании народа вдоль своей или центральной деревни, а также собирались около приходского храма. В Можайском уезде Московской губернии в церковную службу Троицкого дня входил специальный девичий молебен. К этому дню были приурочены ритуальные действия, совершаемые образуемыми в весенне-летний период временными объединениями девушек и молодок: начальный или финальный этап кумления, крещения и похорон кукушки, ряд обрядов с березой, коллективный сбор лекарственных трав.

Среди ритуальных предметов, сопровождавших эти обряды, преобладали элементы девичьего/женского костюма: ленты, косники, нередко выплетаемые прямо из кос, снятые с головы платки, головные уборы и венки, украшения - бусы, серьги, кольца. Женский облик имели в большинстве случаев центральные персонажи троицких обрядов и игр - кукушка, березка (Троицкая береза) и т.д. Предполагается, что некогда в

Троицу совершали поминовение исключительно душ умерших младенцев, девушек и молодых женщин. Девичьи ритуалы сопровождала неременная трапеза, которая предполагала коллективный сбор продуктов: в складчину или по домам односельчан. Главными блюдами были яйца и яичница, а также изделия из теста; приготавливали их нередко старшие женщины.

В Орловской губернии пекли каравай, относили его в рощу и, украсив венками, клали на скатерть, вокруг которой водили хороводы. Затем делили каравай на части и раздавали их по семьям, где были девушки на выданье. Эти кусочки засушивали и использовали при изготовлении свадебного караваея, считая, что это принесет новой семье счастье и любовь. Скатерть из-под троцкого караваея также хранили, на смотринах - одном из важных этапов свадебного обряда, ее тайно клали на стол под верхнюю скатерть, считая, что таким образом можно крепче привязать парня к девушке.

Для Троицы характерны девичьи гадания на будущее с пусканием на воду троцких венков, завиванием берез, киданием обрядового деревца в реку. Дерево (в основном береза) использовалось в гаданиях и иначе: девушки бросали в него ложки; чья ложка упадет на землю, а не застрянет в ветвях, та девушка раньше других выйдет замуж. В некоторых местах существовал обычай спрашивать у кукушки в то время, когда она кукует, долго ли еще девушке оставаться в доме отца; сколько раз прокукует кукушка, столько лет ждать ей замужества. Гадая, девушки старались узнать направление, откуда может появиться жених. Для этого девушка кружилась вокруг своей оси и падала; или, получив свою часть при разламывании старого плуга, бросала ее, не глядя - в какую сторону упадет девушка или часть плуга, в той стороне жених будет. В ночь на Троицу девушки обязательно сжигали старые мужские штаны для того, чтобы невест в поселении было больше.

Со временем, когда выполнению девичьих ритуалов уже не придавалось такого значения как прежде, Троица стала осмысляться как праздник молодежи. Его характерной чертой были всеобщие молодежные гулянья, на которые сходились представители нескольких деревень. Гулянья нередко продолжались всю ночь, при этом обычно жгли костры. Почти повсеместно были распространены обходы деревень и домов.

Деревенские обходы включали и опахивание селения, практиковавшееся в ночь на Троицу. Для совершения этого обряда девушки надевали специально сшитые белые рубахи и сарафаны, распускали косы и повязывали поверх них белые платки; парни

запасались пастушьими хлыстами и тайно выносили у кого-нибудь со двора соху или плуг. В 12 часов ночи молодежь выходила за деревню. Девуцы впрягались в соху или в плуг, впереди с иконой вставала девушка или специально приглашенная вдова, по сторонам - парни с кнутами. При движении процессии плугом проводили борозду вокруг деревни, при этом отваливая пласты земли от поселения. На перекрестках пропашивали крест, клали на его перекрестье ладан, иногда можжевельник, кусочки хлеба, веточки березки; парни били кнутами по земле, после этого процессия продолжала движение, пока не возвращалась на исходное место. Действие проходило в полном молчании. После опашивания из плугов, саней и других предметов, тайком унесенных молодежью со дворов односельчан, в центре поселения «строили новую деревню», чтобы скотина утром не смогла пройти. Троица завершала пасхальный праздничный цикл: в этот день заканчивали катать яйца, в ряде мест переставали водить хороводы, делая перерыв до Успенья.

Троица являлась также своеобразным разделом весны и лета. Во многих местах к Троице заканчивались все весенние сельскохозяйственные работы. Как и в другие пограничные дни, в Троицу, по поверьям, активизировались потусторонние силы. В некоторых локальных традициях Троица осмыслялась как последний день разгула русалок, в других – как последний день перед выходом русалок на землю. Олицетворением нечисти, разгуливавшей по земле, были ряженные, которых в Белгородской области называли «*дяды*». В ночь с Троицы на Духов день и в течение последующих трех ночей мужики, одевшись во все старое, рваное, привязав горб, усы и бороду, взяв косы и палки, отправлялись гулять по деревне. Внезапно появившись, «*молчаком*» «*дяды*» нападали на людей: они махали палками, били в косы, грохотали, стегали хворостинной. Чтобы защитить свои дома от влияний нечистой силы, калужские крестьяне в Троицу мелом ставили над окнами и дверьми кресты.

Троицкая зелень

Ритуальная растительность - свежие травы, цветы, деревья, ветки деревьев и кустов, традиционно используемая у русских в качестве украшения внутреннего и внешнего пространства поселения в праздничный цикл Семик-Троица. Употребление зелени в весенне-летних ритуалах связано с представлением об особой магической силе растений в период их наивысшего роста и созревания, приобщение к которой должно было способствовать получению урожая и благополучию человеческого мира в целом.

В свежей зелени видели также души умерших. Поэтому в ряде мест бытовал запрет косить траву и рубить деревья, исключения делались только для деревьев, использовавшихся в обрядовых действиях Семика-Троицы. Считалось также, что прикосновение железных режущих предметов, обладающих символикой защитного средства против нечистой силы, может нарушить магическую силу растений.

Заготавливали троицкую зелень накануне праздника, перед Семиком, Троицкой субботой, Троицей. С этой целью молодежь отправлялась в лес: парни вырубали деревья, девушки отламывали ветки, рвали траву и цветы. Иногда девушки обособлялись от парней и, объединившись в группы, уходили в лес на целую ночь или посвящали этому занятию весь день.

В заготовке троицкой зелени принимали участие некоторые богомольные крестьяне. Местами к сбору трав готовились заранее. Специально для церковной службы в садах выращивали цветы, с которыми затем шли в храм.

Повсеместно срубленные березы, клены, рябины и липы высаживали вдоль деревенских улиц так, что они образовывали целые аллеи. Каждый крестьянский двор также был украшен ими; в локальных традициях места установления деревьев и их количество разнились. Обычно ими полностью окружали жилой дом, ставили у калитки, крыльца и окон - от одного до трех, по углам дома - по одному, березку прибавляли также над входной дверью.

Троицкую зелень употребляли и в качестве элемента ряженья, свойственного обрядовым действиям Семика и Троицы. Так, в Астраханской области зеленью убирали девушку, которая руководила всеми действиями в обряде с троицкой березкой. Нередко деревья, ветки деревьев использовали для изготовления обрядовых кукол – «березки» (Троицкая березка), «кукушки», Семика, Костромы.

Через три дня после праздника травы выметали из домов; зелень обычно украшала поселение в течение 3-7 дней. По листьям воткнутой в землю берез крестьяне судили о погоде: если листья на деревьях завянут, то лето грядет сухое и крестьяне успеют высушить сено, если нет – то лето будет дождливое и сено не высохнет. Затем деревья и ветви собирали, сжигали в печке или за деревней, или использовали в качестве оберега: клали под сено в сарае, чтобы сено в гурте не портилось, или, чтоб его не ели мыши, бросали в подвал, чтобы защититься от крыс.

Засушенные троицкие травы и цветы также клали под свежее сено и в житницу, *«чтоб не водились мыши; в норы на грядках - от землероек, на чердак - от пожаров»*.

Впоследствии зелень употреблялась и в качестве лечебного средства. Для этого цветы иногда растирали в ступе и хранили в виде порошка. Травы и цветы кипятили с водой и пили как целебный настой; считали, что с их помощью можно изгонять бесов из людей, т.е. лечить душевнобольных, например, кликуш. Дымом трав и травяного порошка окуривали больных животных и людей; во время эпидемий - падежа скота - окуривали все стадо. В случае наведения на скотину порчи калужские крестьянки spryskivali ee do trekh raz vodoy, triжды спущенной с *«троицкого венчика»*, т.е. сохранных у икон трав и цветов; при этом следовало сказать: *"От лихого глаза хвороба (худоба), как с буренушки вода"*.

Троицкая (семицкая) берёзка (*кума, гостейка, венок, столб, семик, сад, весна, баба, девичья красота, лиль, цветок, «обыгранная березка»*)

Ритуальное дерево - срубленная береза, главный атрибут троицко-семицких обрядов; служила центром молодежных гуляний праздников Семик-Троица. Употребление березы в весенне-летних ритуалах обусловлено значимостью ее образа в традиционном мировоззрении русских: она считалась одним из наиболее почитаемых деревьев. В мифопоэтическом творчестве русского народа береза выступает как Мировое древо, которое является центром мироздания, универсальной моделью Вселенной. Вершина дерева достигает небес и связана с Богом, Солнцем, птицами; корни уходят глубоко в землю, соприкасаются с преисподней, где обитает нечистая сила; средняя часть отождествляется с земным пространством.

В троицко-семицком цикле в обрядовом деревце-березке также просматривается образ Мирового древа, древа жизни, в нем видят воплощение плодородия живой природы, нить, связывающую мир живых и мир умерших, временное вместилище для душ умерших и мифологических персонажей, мифический родовой центр, слившийся в глуби древности с женским божеством-предком.

По народным представлениям, береза и ее ветви обладают особой растительной силой, что связано как с особенностями дерева вообще - способностью к плодоношению, постоянному обновлению и т.д., так и с природными свойствами растения: на березе листья появляются раньше, чем на других деревьях.

В период начала расцвета природы дерево тщательно оберегалось: повсеместно существовал запрет «*колошить*»/ломать березу. Он соблюдался до праздников Семик-Троица, которые в народном сознании связаны с моментом наиболее бурного роста растительности, когда возникала возможность передать продуцирующую силу дерева земле (полям), что является жизненно необходимым для земледельца, и людям.

В весенне-летних обрядах так же, как в поверьях, фольклорных текстах, береза является символом женского начала. В это время девушки и женщины относились к ней как к своей покровительнице. С березой кумились (*кумление*), просили у нее доли, кормили ее, посвящали в свои тайны, обращались к ней с пожеланиями, умывались ее соком для красоты и здоровья, верили, что, если сесть в тень троицкой березки, загадав желание, оно обязательно исполнится, а если сесть первой в тень завитой березы, то выйдешь замуж в текущем году. Существует предположение, что в образе березы женщины и девушки обращаются к божеству-прародительнице, которое и наделяет их потомством.

У русских поселенцев Забайкалья деревце сначала держала девушка, затем молодка, живущая первый год замужем, и, наконец, девочка-подросток. Троицкую березку могли носить девушка и парень вместе. В ряде мест для ношения березки приглашали парня или мальчика, а в Барнауле - пожилую женщину. В Нижегородской губернии девушку или парня, шествующих с березкой, рядили в «*шутовской наряд барабанщика*». Участники шествия двигались парами или хороводом, окружая березку со всех сторон. В Костромской губернии каждая участница хоровода должна была держаться за свою ленту, привязанную к вершине дерева; при этом они кружились вокруг березки, вращая таким образом и ее.

Русальная неделя (*русальская, грядная*)

По народным представлениям, время пребывания русалок на земле. В течение этого периода русалки находятся в непосредственной близости от человеческого жилья и могут вступать с человеком в контакт.

В рамках народного календаря Русальная неделя ориентирована на Троицу. Она приходится на неделю, предшествующую празднику, и совпадает с так называемой Семицкой или Троицкой неделей, или, что встречается чаще, начинается после Троицкого воскресенья с Духова дня и заканчивается днем всех святых.

По представлениям русских, время разгула русалок соответствовало периоду цветения ржи. Русальная неделя была насыщена обрядами, обычаями, запретами, соблюдение которых связывалось в народном сознании с временным появлением русалок на земле и обуславливалось желанием крестьян избежать их вредоносного воздействия. Она осмыслялась как праздничное время: устраивались общие трапезы, гулянья с хороводами, танцами и играми.

Повсеместно бытовал запрет на большие (полевые) работы; крестьяне старались не ходить в лес и по посевам в одиночестве, не водить в лес лошадей и скотину, не купаться, особенно в полдень и полночь. Женщины считали, что на Русальной неделе нельзя полоскать белье, белить холсты, заниматься работами, связанными с прядением, ткачеством, шитьем.

В Рязанской губернии в молодежной среде существовал обычай каждый день в течение Русальной недели рядиться русалками и совершать в этом виде хождение по поселениям. Несколько наиболее смелых и бойких девушек в одних рубахах с распущенными волосами, закрывавшими лицо, выходили вечером на улицу, бродили по задворкам деревень, изредка появляясь перед домами, прятались в конопле. Повстречав одинокого прохожего, особенно ребенка, они старались напугать его. Иногда они специально выслеживали маленьких детей, ловили и, подобно настоящим русалкам, трясли их.

Почитание праздника русалок, соблюдение определенных норм поведения гарантировало помощь русалок. Кроме того, чтобы обеспечить расположение русалок, их задабривали. Развешивали по деревьям в лесах и по кустам, растущим около рек, холсты на рубахи, бросали в лесах при виде нагих женщин и детей платки, части одежды. Желая вернуть потерявшуюся в течение Русальной недели скотину, смоленские крестьяне делали русалкам, которые, по поверьям, и были виноваты в пропаже, «относ» - в лесу на дереве оставляли лапти, онучи из новой женской рубахи, хлеб и соль, завернутые в чистую тряпку; при этом обычно приговаривали:

*«Прошу вас, русалки,
Мой дар примите,
А скотину возвратите».*

Русалка

Женский демонологический персонаж восточнославянской мифологии. Поверья и былички о нем бытовали повсеместно, но наиболее широко они были распространены в южных и западных губерниях России; по сравнению с северными, их отличали красочность описаний и разнообразие сюжетов. В календарной обрядности образ русалки встречался в весенне-летнем ритуале «проводы-похороны», с ним были связаны нормы поведения крестьян в весенне-летний период.

По народным воззрениям, русалками становились умершие до замужества девушки и некрещеные младенцы. К ним также причисляли женщин, особенно молодых, погибших без покаяния и отпевания - удавившихся, утопившихся, пропавших без вести, детей, проклятых родителями или рожденных от нечистой силы и подмененных на человеческих. Ряды русалок пополняли дочери девушек, решивших наложить на себя руки из-за несчастной любви и погибших в состоянии беременности, по поверью, они рожали уже после своей смерти. В быличках говорится о возможности перехода таких русалок (реже утопленниц) в человеческий мир - для этого необходимо было набросить им на шею крест. Представление о том, что русалкой после смерти могут стать и мужчины, встречается редко.

Но и в этом случае это непременно умершие, которым *«заклятия не было, погребенья не служили...»*. У русских известны русалки двух видов. Для южнорусской традиции наиболее характерен образ молодой привлекательной девушки-русалки с волосами зеленого цвета, появлявшейся обнаженной или одетой в белую рубаху, с венком из осоки и кувшинчиков на голове. Она обладала необыкновенной красотой и вечной юностью. Орловские крестьяне говорили, что русалки *«ходят голые без обуви и без покрова на голове. Тело у них белое, как снег; лицо светлое, как восходящая луна; волосы красновато-светлые и длинными локонами расстилаются по плечам. Они легки, как пух...»*.

Одновременно в народном воображении существовала русалка, чей внешний облик описывается как страшный и даже безобразный. Она отличалась высоким ростом, крупным телосложением и толстотой или, наоборот, невероятной худобой, обрюзглостью, непомерно большими грудями, которые закидывала за плечи, косматыми зелеными волосами, распущенными по плечам. Демонический облик дополняли огромные расчески в виде бороны. Для обоих видов русалок характерны признаки покойника-

нечистика: они бледнолицы, руки у них холодные, волосы распущенные, глаза закрыты. Как и другие представители нечистой силы, русалки могли оборачиваться рыбами, земноводными, птицами.

Согласно калужским поверьям, русалок возглавляет *«наибольший черт»*, от него погибшие женщины получают красоту, перед которой не может устоять ни один мужчина, и вечную юность; с этой целью *«главный начальник злых духов дает повеление варить их в котле с разными снадобьями и зельями»*.

Местом обитания русалок считались глубины рек, озер, запруд, болот, они жили на облаках, скрывались в «подземном царстве», в гробах на кладбищах или просто под землей, где, по поверью, спали в течение почти всего года. Один раз в году они появлялись на земле. Выходили из вод за неделю до Троицы, в Семик, в Троицу, в Духов день и вскоре возвращались обратно. Время их пребывания ограничивалось неделей или периодом цветения ржи. Они могли покинуть землю в Петров день или гулять до осени, безмолвно катаясь *«на волнах нивы»*.

Существовало также представление, что русалки, кроме Русальной недели, выходили из воды на Светлое Воскресенье (Пасха) в момент, когда кругом церкви обносят плащаницу. Поэтому необходимо было *«запирать двери в храме как можно крепче из опасения как бы не набежали русалки»*.

Представления об опасности встреч с русалками бытовали повсеместно. Русалки могли защекотать до смерти, напугать, утопить одинокого человека, если он не соблюдает в это время предосторожностей. В народе говорили, что русалки заманивают к себе прохожих красивым голосом. Их пение *«имеет силу до того очаровывать человека, что он может слушать его несколько лет, не сходя с места»*. Русалочьи песни были похожи на песни девушек, но отличались тем, что к ним примешивалось стрекотание сороки, это и служило предупреждением для человека. Своей красотой русалки заманивали в водоемы или в глубь леса парней или молодых вдовцов. В лесу они тихонько подкрадывались к человеку сзади и щекотали под мышками до тех пор, пока тот не задохнется от смеха. На голову умершего русалки возлагали венок из осоки и кувшинчиков, его руки связывали березовой веткой, а затем каждую ночь водили вокруг него хороводы. В народе полагали, что все это время покойник не подвергается гниению и начинает разлагаться только после прикосновения к нему человеческой руки. Если русалке удавалось затащить человека в воду, то она обволакивала его своими

длинными волосами и топила. Такой утопленник, по поверьям, служил русалкам: его заставляли чесать лен, а по ночам развлекать их игрой на каком-нибудь музыкальном инструменте.

Часто описываемые в быличках любовные отношения мужчин с красавицами-русалками нередко вели к смерти человека. Говорили, что познавший любовь русалки или хоть раз поцелованный ею вскоре умирал от тоски или кончал жизнь самоубийством. Встреча с русалкой могла закончиться для человека продолжительной болезнью: у него начиналась лихорадка, судороги сотрясали его тело, а лицо перекашивала страшная гримаса.

Чтобы обезопасить человека от неблагоприятных последствий, вызванных встречей с русалкой, существовала система оберегов и защитных действий, подобная приемам, традиционно используемым против нечистой силы. Увидев русалок, необходимо было осенить себя крестным знамением или очертить круг около себя и закрестить его. Советовали также отмахиваться от русалок вальком (рубелем), ударить палкой их тень или быстро сказать сколько зубцов в бороне. Русалки не могли подойти к человеку, а значит и причинить ему вред в том случае, если на шее у него висят два креста: один на груди, другой - на спине, т.к. русалка обычно подкрадывается сзади, или, если подъехать к ним верхом на кочерге. По старинному поверью, русалки, как и ведьмы, боятся крапивы, полыни и осины.

Семик (Зеленые Святки, Русалка, Четверток, Тюлпа)

Праздник весенне-летнего календарного периода; отмечается на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы; открывает обрядовый комплекс троицко-семицкого празднества. Распространен в России повсеместно. Семик считается языческой основой праздника, приходящегося на седьмую неделю Пасхи. Предположительно, в древности он входил в единый весенний праздничный цикл, начинала который Масленица, и был его завершением. Представление о взаимосвязи двух праздников нашло отражение в фольклоре: в речевых оборотах и пословицах указывается на особые, даже родственные, отношения мифологизированных образов Семика и Масленицы: *«Честь ей и хвала, что она (Масляна) Семика в гости звала»*.

Некоторые обрядовые песни исполнялись только два раза в год - на Масленицу и в Семик; среди них песня о *«непряхе»*, поставившей *«кросна - девятую весну»*, в которых прорастает трава и заводятся куры. Так же, как и Масленица, Семик представлял

календарный период, маркирующий пограничное состояние природы - окончание весны, предвестие лета.

Семицкий обрядовый комплекс был пронизан переходной символикой, а основная функциональная роль в нем отводилась молодежи, социальный статус которой также определялся как переходный; подобное состояние молодежи, особенно девушек, сопоставимо с состоянием природы поздней весной - природы расцветающей, но еще не плодоносящей.

С принятием христианства Семику, как и другим языческим празднествам, стала соответствовать одна из церковных знаменательных дат - Троица; при этом древние традиции, определяющие языческий характер праздника, сохранились. Праздник Семика был посвящен началу расцвета природных сил; он отмечался в период зеленения растительности, созревания ржи; с ним связывали новый этап сельскохозяйственных работ - посев ячменя (в некоторых местах его предпочитали сеять или в Семика или в троицкую субботу), льна, конопли, посадку овощей. Обряды, приуроченные к этому времени, были направлены на стимуляцию роста плодов земли и охрану их от неблагоприятных воздействий. Крестьяне совершали различные ритуальные действия с зеленью, обходы полей, величание ржи, обращались за помощью к предкам. Свойственная земледельческим традициям идея воскресения-умирания божества растительности проявлялась в ритуалах похороны-проводы (Всесвятская неделя).

Важное значение в аграрной магии придавалось гуляниям молодежи в полях с неперенной обрядовой трапезой, главным блюдом которой были яйца или яичницы, сделанные «на урожай». О магической роли хождения в посевы девушек и молодых говорится в семицких песнях. В целом особое значение женского компонента в земледельческих обрядах связано с мифологическим представлением о женской природе земли. В ряд молодежных развлечений входили круговые игры с мотивами сеяния, роста, созревания («Мак», «Просо», «Лен»); наиболее популярные в это время песни с любовно-эротической тематикой в данной обрядовой ситуации могли рассматриваться как заклинание на урожай.

Составляя часть аграрно-магического действия, ритуальное объединение девушек, а часто и молодых, во время праздничных шествий, гуляний, кумления, качания на качелях, катания яиц, вождения хороводов имело и некоторое специфическое значение, отражающее, возможно, более древние представления. Согласно им, девушки и мо-

лодки принадлежали к одной половозрастной группе, социальный статус которой определялся их физиологическим состоянием перехода от девичества к материнству. Обряд был призван манифестировать девичью силу, пик девичьей зрелости, и готовность к браку и рождению детей. Впервые в нем принимали участие девушки-подростки, достигшие этого возрастного периода, что характеризовало их как полноправных членов молодежного коллектива.

Инициационный характер проявлялся, например, в семицких играх и хороводах с прядильно-ткацкой символикой. Так, в Пермской губернии отдельные фигуры девичьего хоровода носили название процессов ткачества: навивать, сновать, кишку снимать (кишка - основа для холста, снятая со сновалок), надевать, ткать. Участие в нем символизировало причастность молодой девушки к миру важнейших женских занятий, ее владение ими, что являлось важнейшим критерием качественной характеристики любой крестьянки. В результате за Семиком закрепилось название девичьего праздника: *«Четверг перед днем святой Троицы ... почитается девушками как исключительно их праздник... «Мужики» в этот день бывают заняты работой».*

Отличительной чертой Семика было поминовение «заложных», к которым причисляли умерших «не своей» смертью (скоропостижной, насильственной). Семицкое поминовение совершалось в доме, на кладбище, в часовнях, на местах боев и массовых погребений, сопровождалось обычно веселыми гуляньями; оно носило характер индивидуального и коллективного действия.

Похороны Костромы

Весенне-летний обряд, относящийся к ритуалу проводы-похороны, в центре которого персонаж по имени Кострома. Обряд совершался обычно в конце всевятской недели - в воскресенье, известное в локальных традициях как Русальное, Петровское, Всевятское Заговенье, иногда приурочивался к Троице или Духову дню.

Кострому обычно изображали девушка или молодая женщина, выбранные своими сверстницами, или парень, ряженный молодой девушкой, одеянием служили белые простыни, закрывавшие человека с головы до ног, а атрибутом была зеленая ветвь дуба. В ряде мест девушки и молодки иногда при участии парней делали антропоморфное чучело из соломы, на которое надевали девичью/женскую рубаху, пояс, сарафан (реже), платок, башмаки. Таким же образом наряжали связанный соломенный сноп.

Характерной чертой наряда Костромы, человека или куклы, было полное или частичное украшение его зеленью и цветами. В Муромском уезде Владимирской губернии соломенное чучело было одето в костюм молодого мужчины. Кострому - чучело или человека, лежащего неподвижно, - под пение песен с поклонами укладывали в «гроб» - на носилки, доску или в корыто - и несли к реке или в лес. Шествие, как правило, представляло собой инсценированную похоронную процессию. Девушки и молодые женщины, выполнявшие функции носильщиков «гроба», покрывали головы белыми платками. Двигавшиеся впереди них парни рядились священниками, каждый из них махал «кадилом» - старым лаптем. Еще одна группа девушек представляла плакальщиц:

*«Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гроб легла.
И к тебе ль, Кострома,
Сошлись незваные сюда.
Стали Кострому
Собирать, одевать,
Собирать, одевать
И оплакивать...»*

Обряд завершался ритуальным разорением и потоплением соломенного чучела, насильственным купанием ряженных, изображавших Кострому, оставлением «гроба» с Костромой в лесу. Перед уничтожением с чучела обычно снимали предметы его убранства.

Заключительная часть обрядового действия сопровождалась безудержным весельем, совместным купанием, играми. В некоторых местах всеобщая радость объяснялась представлением о воскрешении Костромы.

Исследователи обряда связывают его с символикой весны, весеннего возрождения сил природы; с магическими ритуалами, направленными на получение урожая, где Кострома представляет собой символ плодородия; с идеей изгнания из человеческого пространства существ потустороннего мира, к которым относят Кострому как персона-

жа, по ряду признаков (женская природа, молодость, черты нежити и т.д.) ассоциировавшегося с русалками.

Ряженье

Один из наиболее ярких элементов традиционной культуры, основными чертами которого являются, прежде всего, изменение внешнего облика человека и особая игровая форма поведения, носящая ритуальный характер.

У русских ряженье входило в состав как календарной обрядности, так и в ритуалы жизненного цикла. Повсеместно и наиболее разнообразно эта форма поведения представлена в святочный период. Масленичное ряженье было распространено локально в центральной России и Сибири и связывалось в основном с последним днем сырной недели - с обрядом проводов Масленицы. В отдельных местных традициях типологически близким масленичному являлось ряженье в рамках обрядов весенне-летнего цикла: здесь оно также использовалось в структуре ритуальных процессий-проводов соответствующего празднику персонажа (чаще в троичной обрядности: русальная неделя, Семик, Духов день, всесвятская неделя - реже в егорьевских, пасхальных, петровских обрядах).

Осеннее ряженье - в Кузьминки, Сергиев день - с одной стороны, соотносится с сезоном молодежных посиделок и представляет собой, с точки зрения тематики и системы персонажей, сокращенный вариант святочного ряженья; с другой стороны, в единичных случаях ряженье приходится на даты осенних «родительских» дней, т.е. дней поминовения всех умерших.

В структуре ритуалов жизненного цикла человека феномен ряженья практиковался в свадебном обряде почти повсеместно. Ряженные останавливали свадебный поезд по дороге от венца и требовали выкуп; на второй день свадьбы будили молодых, вымывали сажей всех участников свадебного стола; на второй или третий день «*пастухи*» из дома невесты искали «*ярку*», «*овцу*», «*телку*». В Пермской, Рязанской, Саратовской губерниях имели место случаи ряженья. В рамках похоронно-поминальной обрядности они представляли собой инсценированный уход покойника или его души в «иной» мир.

Способы номинации ряженных - основных участников ряженья - в значительной степени раскрывают внешнюю и внутреннюю суть этого явления. Так, ряженных называли «*рядихи*», «*нарядихи*», «*наряжухи*», «*нарятки*», что указывает на основной принцип

ряженья - изменение внешнего облика с помощью того или иного костюма. Тот же смысл содержится в названиях «*окрутники*», «*окрутки*». Л.М. Ивлева, автор наиболее фундаментального исследования по обрядам ряженья, связывает номинации, образованные от корня «крут», с феноменом оборотничества / превращения в народных представлениях на основе того, что идея оборотничества содержится в самом этом корне.

Более конкретное продолжение этой темы реализуется в севернорусских названиях типа «*щеголь*», «*машкара*», «*тряпосьники*», «*хари*», «*харюшки*», «*личины*», «*пужала*», «*пугалашки*», «*страшки*», «*хухольники*», отражающих материал ряженья (тряпки, маски) и содержащих оценочные характеристики, связанные большей частью с отрицательными чертами ряженных - некрасивые, пугающие, страшные.

В некоторых названиях указывается календарная приуроченность ряженья; например, номинации «*святошники*», «*святки*», «*тусники*» отсылают к святочному периоду; в последнем случае отражена связь ряженных с обрядом колядования, или «*таусеньканья*».

При создании ряженого персонажа одним из основных являлся принцип противопоставления «своего» «чужому». Точка отсчета – «свое» - представляла собой целый пучок признаков, каждый из которых, отдельно взятый или вкупе с другими и наделенный затем противоположным значением, «рождал» тот или иной образ в системе ряженья.

Существенными были, например, противопоставления:

- по полу: девушки и женщины могли рядиться в мужчин, и наоборот;
- по возрасту: дети и молодежь одевались стариками, пожилые - женихом и невестой;
- по природе: человек / животное. Ряд персонажей-животных в ряжение чрезвычайно обширен: медведь / медведица с медвежатами, бык / тур, коза, баран, лошадь / конь / лось, собака, волк, боровок / поросенок; журавль / гусь / страус, курица / петух; лягушки; осы / пчелы;
- по принадлежности к миру живых и миру мертвых: покойник / умрун / белька / беляк, белая баба / Баба-Яга / Смерть;
- по принадлежности к миру людей и «иному» миру (по природе - человек / мифологическое существо): шишок, шиликун, кикимора, черт и т.п.;

- по этнической принадлежности: цыгане, мордвины, малороссы, остяки, вотяки, самоеды, татары, турки, испанцы, тирольцы, китайцы и др.

Главным в изображении «этнических» персонажей являлась не внешняя демонстрация характерных национальных черт (представители разных этносов могли изображаться одинаково, отличалось только их именование в местных традициях), а идея их «чуждости» русским как иноземцев, иноверцев, а также как живущих иным укладом и занятиями;

- по принадлежности к разным ступеням социальной иерархии: а) социальный «верх»: барин, становой, урядник, воевода, ревизоры, судья, писарь - органы власти, уклад жизни и занятия которых отличались от крестьянского труда. б) социальный «низ»: нищие, странники, разбойники, бродяги-горбуны, отличающиеся от крестьян локальной незакрепленностью и соотносимые с идеей постоянного пути, в связи с чем образы нищего и странника, например, в мифопоэтических представлениях наделяются особым знанием и, соответственно, магической силой;

- по принадлежности к полной или неполной семье: сиротка;

- по принадлежности к жизни мирской или духовной: попы / священники;

- по принадлежности к жизни мирской или военной / походной: солдат / драгун / улан / гусар / боец / стрелок / казачок. Образ солдата в традиционных представлениях также связан с мотивом дороги и особыми умениями и знаниями;

- по причастности к разного рода занятиям - представители разных профессий, отличающихся от традиционного крестьянского занятия - земледелия: кузнец, мельник, коновал, плотник, печник, рыбак, охотник, шерстобит / котовал (т.е. валяющий коты, род обуви), сапожник, пекарь, лекарь / доктор / врач и др. Многие из представителей отмеченных профессий, по народным представлениям, наделялись магическим знанием, умением общаться с нечистой силой и противостоять ей.

Некоторые из персонажей сочетали в себе ряд признаков, отличающих их от «обычного, нормального человека-крестьянина». Так, например, «цыгане» оказывались «чужими» и по этническому признаку, и по иному укладу жизни (не оседлый, а кочующий), и по занятиям (выпрашивание, воровство), и по владению особым знанием (умение гадать, предсказывать судьбу).

Вместе с тем, в ряжение было важно не изображение реальных жизненных типов, а акцентирование внимания на тех мифопоэтических представлениях, которые с

этими типажами соотносятся и актуализируются в то время, когда по традиции можно и нужно было рядиться. Так, ряжение как элемент святочной обрядности обусловлено характером самого периода Святков: это время хаоса и взаимопроникновения чуждых друг другу миров, являющихся необходимостью (механизмом) восстановления мирового порядка. Отсюда восприятие в народном сознании ряженных как существ, приходящих из иных миров и, соответственно своей природе, обладающих магическими свойствами и могущих обеспечить жизненные силы для формирующегося в данное время мироустройства.

Если нарушение обычными людьми запрета прясть, молотить, сбивать масло, молоть в жерновах, являвшееся в мифопоэтических представлениях вторжением в космогонические процессы, могло привести к негативным последствиям в судьбах нарушителей, социума и природы, то переведение этих бытовых действий в условно-игровой план и совершение их ряжеными как представителями «иного» мира (природного) осмыслялось, по всей видимости, как необходимое и продуцирующее эти процессы и, соответственно, обеспечивающее жизнь и благополучие на новый годовой цикл.

Особой стороной святочного ряженья является его насыщенность сексуальной символикой на уровне костюма (или его полного отсутствия), слова, жеста, контакта со «зрителями». В некоторых местных традициях - в Тверской, Костромской, Вологодской, Пермской губерниях - игры с эротической направленностью составляли значительную часть или даже доминировали в общем составе действий ряженных на игрищах молодежи.

Основным объектом действий в играх такого типа являлись достигшие совершеннолетия парни и, в еще большей степени, девушки. Обязательным элементом этих игр был контакт ряженных с присутствующими на игрище девушками, носящий подчеркнуто эротический характер. Контакт мог осуществляться в форме поцелуя, удара (по спине или ниже пояса), щипания, хватания и т.п.; во многих сюжетах обыгрывались фаллический символ и ситуация полового акта - в условных действиях или на словесном уровне. Показательно также и то, что контакту, как правило, принудительному, подвергались абсолютно все девушки: специально назначенные «*придверники*» запирали двери избы и следили, чтобы никто не уклонился от участия в игре. В некоторых играх со стороны ряженных проявлялась откровенная жестокость по отношению к девушкам и

парням, особенно к тем, кто упорствовал в нежелании выполнять предписанную «роль» или прятался. Часть игр сводилась именно к истязанию: укалывание иголкой, щипание за ноги, битье по спине, щелканье по лбу или затылку.

Помимо того, что эротические игры вызывали эмоциональное состояние страха, стыда и отвращения у тех, кого в них вовлекали, они заставляли испытывать и физическую боль. Иногда знание того, как нужно себя вести в подобной ситуации, избавляло девушек и парней от лишних переживаний. Все вышесказанное свидетельствует о том, что игры ряженных в молодежной среде носили ритуальный, а, следовательно, обязательный характер. Этот вывод представляется закономерным, если учесть приуроченность игр эротического свойства к Святкам как периоду формирования брачных пар, за которым начинался мясоед - время свадеб. По сути, игры ряженных представляли собой испытание парней и девушек, достигших брачного возраста, на зрелость в области сексуальных отношений.

Внешняя сторона ряженья находит выражение на разных уровнях:

- изобразительном: использование шуб, одежды, тряпок, зачастую старых, и подобных материалов для создания костюмов; деревянных, берестяных, бумажных, тряпочных масок, мела / муки / саж, платков для скрывания лица; разнообразных бытовых предметов, превращающихся в атрибуты того или иного ряженого персонажа, и т.п.;

- вербальном: произнесение монологов, вовлечение зрителей в диалог, использование этикетных формул и разнообразных, соответствующих ситуации клише, ритмически оформленных конструкций;

- звуковым: исполнение песен, частушек; музыкальное сопровождение с помощью дудки, волынки, балалайки, гармони, а также импровизированных инструментов - печных заслонок, ведер, ложек, палок, сковородок, «шаркунков» - колокольцев и т.п., создающих специфический звуковой фон ряженья: звон, лязг, грохот, треск, стук, скрежет; изменение голоса или его отсутствие вовсе, т. е. молчание;

- акциональном: мимика и жестикуляция; особая специфика танцевальных движений (то отчетливые и ладные, то жеманные, то угловатые, карикатурные, прыжки, кувыркания, вихляния, верчения, ужимки), набор действий, соответствующий тому или иному игровому сюжету.

Относительно специфической хореографии ряженных следует отметить, что взмахи

руками и ногами, подпрыгивания, верчение и подобные движения обладают, по народным представлениям, продуцирующей силой и в ритуальной сфере нашли широкое применение в магических действиях, направленных на воспроизводство: урожай, приплод скота, деторождение. В этом смысле акциональный план выражения ряженья тоже, несомненно, связан с идеей продуцирования и жизнеутверждения. Многократность повторения действия или игровой ситуации, направленных со стороны ряженных на зрителей в каждом доме при обходных обрядах или на каждого из присутствующих на игрище, по мнению исследователей, также рассчитана на эффект ритуальной ответственности. Тем самым игра обеспечивает всеобщую причастность к определенному внеигровому результату.

Несмотря на то, что ряжение являлось необходимым и обязательным как обрядовое действие, отношение к нему в народной среде имело двойственный характер. Осуждение ряженья основывалось на его причастности к «иному» миру и непосредственной опасности для самих ряженных, особенно для тех, кто надевал на лицо маску. Так, например, в народе верили, что каждый, кто изображает покойников, будет схвачен ими в лесу, утащен и отдан во власть дьявола. Изменение внешности, по народным представлениям, изменяло и внутреннюю сущность ряженого, что проявлялось в его поведении, признаваемом только в рамках обрядности и совершенно неприемлемом в повседневности.

При маскировании индивидуальные черты человека как бы исчезали, исчезал и он сам, а появлялось другое существо - ряженный персонаж. В этой связи следует отметить часто упоминаемое в этнографических источниках стремление ряженных к неузнаваемости, что достигалось с помощью костюма, маски, изменения индивидуальных особенностей движений, голоса человека (или молчания), а также оборонительных действий от зрителей: поколачивание тех, кто приближался, батогами, камнями, обернутыми в тряпицу, колотье шилом. Если ряженого узнавали и называли по имени, он либо убегал и больше не появлялся на беседе, либо получал шуточное наказание: его качали, били, давали какое-либо смешное задание, требовали выкуп (песенный, танцевальный или денежный). Разоблаченный ряженный, по-видимому, не мог, не имел права продолжать игру, так как, по народным представлениям, нельзя было быть одновременно и ряженым персонажем, который всегда воспринимался как чужой и, следовательно, неведомый, и конкретным, известным всей деревне, своим человеком.

Возможно, продолжение ведения игры в ситуации разоблачения ряженого могло нарушить исконную природу человека, поскольку крестьяне верили, что надеть маску означает надеть лицо черта. «Срамное» поведение – «игра» в стиле окрутничества - по традиционным представлениям, возможно для ряженого персонажа, но отнюдь не для узнанного всеми человека.

Восприятие в народном сознании маски как опасного предмета, воплощающего в себе средоточие нечистой силы, обусловило использование ее далеко не всеми ряжеными (по большей части, специально сделанные маски надевали мужчины; женщины же маскировали лицо иными способами: с помощью платка, сетки, полотенца и т.п.), а также и то, что маски не хранили в доме, считая, что они могут принести несчастье.

Посиделка (беседа, бесёда, вечорка, посиды, супрядка)

Собрание парней и девушек в закрытом помещении в осенне-зимний период, форма общения холостой молодежи. Посиделки начинались после уборки урожая, в разных деревнях в разное время: со **дня Иоанна Богослова - 26 сентября (9 октября)***, с Покрова Богородицы (см. Покров день), на Козьму и Демьяна, с Введения Богородицы, а заканчивались к Рождеству Христову. Они устраивались обычно в будние и воскресные дни по вечерам в специально снятой для этой цели избе или поочередно в домах девушек.

Участниками посиделок были только парни и девушки одной деревни или группы рядом расположенных маленьких деревень. Появление парней из других деревень воспринималось местными парнями недоброжелательно. В лучшем случае их старались мирно выпроводить домой, взять с них деньги в пользу посиделки, в худшем случае посиделка заканчивалась дракой между чужаками и местными парнями, недовольными их приходом.

Посиделочное время делилось на две части: рабочее и праздное. Рабочее время проходило в девичьем составе. Девушки пряли, вязали, шили, тихо разговаривая друг с другом, пели протяжные песни.

Праздная часть начиналась с появления парней. Их приход обычно ритуально обставлялся. Парням полагалось входить в избу гурьбой, останавливаться у порога и, сняв шапки, кланяться низким поклоном девушкам, приветствуя их: «*Здравствуйте,*

*Здесь и дальше в скобках указана дата по новому стилю.

красные девушки!» или *«Посиделке вашей, лебеди белые!»*. Девушки должны были встать с лавок, отдать поклон: *«Здравствуйте, молодцы хорошие!»*, *«Бог на посиделку!»*. Ритуал требовал, чтобы затем каждый парень выбрал себе среди сидевших девушек пару для посиделочной игры. Приглядев девушку, он должен был подойти к ней, приподнять шляпу, поклониться, назвать по имени и отчеству, сказать приветливые слова и слегка ударить по плечу. Девушка обязана была, если парень ей понравился, встать, поклониться и пригласить сесть рядом.

Такие игровые пары назывались *беседниками, занимальщиками, игральщиками, почётниками*. Обычно парень, раз выбрав для игры понравившуюся ему девушку, должен был выбирать ее на каждой посиделке. Измена почётников друг другу не одобрялась, а частая смена игровых партнеров во время одного осенне-зимнего сезона осуждалась молодежным общественным мнением.

На посиделках молодежь водила хороводы, занималась различными спокойными играми, заканчивавшимися поцелуями. Содержание хороводов отражало, как правило, тему семьи, семейной жизни, взаимоотношений между мужем и женой. В них с помощью пантомимы, хореографических движений, песен разыгрывались любовные отношения между мужем и женой, сцены семейных ссор, наказание неверной или строптивой жены. Так, самым распространенным и любимым игровым хороводом посиделок был хоровод *«Женина любовь»*. Он рассказывал о том, как муж собирается в город погулять, поразвлечься и привезти жене много подарков. «Жена», находящаяся в центре хороводного круга, отмахивается от своего стоящего рядом «мужа», сердится на него, не хочет ничего слышать. Хор укоризненно поет: *«Посмотрите, добры люди, как жена мужа не любит: где не сойдется, не поклонится, отворотится!»*. После этого рассерженный поведением «жены» «муж» произносит: *«Я куплю тебе, жена, шелковую плетку»*. «Жена» сразу же разыгрывает любовь и ласку по отношению к нему. Хор поет: *«Посмотрите, добры люди, как жена мужа любит: где не сойдется, все поклонится, не отворотится»*.

Поведение молодежи на посиделках отличалось от поведения на весенне-летних гуляниях. Здесь разрешалось довольно вольное поведение парней и девушек. На них допускались и даже поощрялись нескромные разговоры, сомнительные шутки, острооты, неприличные песни. Парни и девушки могли целоваться, обниматься, а когда устраивались *«гаски»*, т.е. когда гасили свет, то объятия парней и девушек, по словам

людей, видевших посиделки, могли «становиться слишком жгучими». Зачастую посиделки кончались «ночлежкой», т.е. совместной ночёвкой всех присутствовавших. Групповое поведение молодежи должно было оставаться тайной для односельчан. Хозяевам избы даже платили особые деньги «за молчан», а свое собственное молчание заклинали песней: *«Вы не сказывайте дома матерям, что который со которой говорил, что который со которой сидел»*.

Посиделки являлись продолжением молодежной игры, начатой в весенне-летний период. Однако они были более спокойные, не столь бурные, чем весенне-летние гуляния. Это соответствовало общему умиранию природы в этот период времени, некоторому успокоению, «сну» окружающего людей мира. Кроме того, свое влияние оказывал начинавшийся с **15 (28 ноября) Филиппов (Рождественский) пост**, во время которого были запрещены все шумные развлечения. Молодежь продолжала свою символическую игру, но это уже была игра не в любовь, а в семью.

Пляска

Необходимый компонент любого русского праздника, средства развлечения и общения. Пляски могли быть массовыми или групповыми, мужскими или женскими, парными или сольными. Пляски в русской деревне проводились почти всегда под музыку и довольно редко под песню. Инструментальные наигрыши исполнялись на балалайке, но чаще на гармошке. Хорошим гармонистом считался тот, кто играл эмоционально, быстро, отчетливо, хорошо пристраивался к плясавшим. Про таких музыкантов говорили, что он *«лихо берет»*.

Пляски, исполнявшиеся русскими людьми, всегда носили импровизационный характер. Они составлялись из плясовых фигур, представлявших собой последовательность нескольких движений, соответствовавших одному музыкальному предложению. В основе пляски лежало несколько характерных приемов: шаг, верчение, присядка. Шаг мог состоять из множества элементов. Пляшущий человек мог идти, наступая на краешек стопы, при этом пятка отделялась от земли, мог делать шаги, выдвинув одну ногу вперед, отталкиваясь от ноги, находящейся сзади, дробить, т.е. делать быстрые движения ногами, стоя на одном месте или продвигаясь вперед. Плясовой прием «верчение» предполагал вращение человека на двух прямых ногах, с руками, вытянутыми для равновесия в сторону, вращение на одной ноге, с упором в землю пяткой и отталкиванием другой ногой, а также безостановочное вращение на носке левой ноги,

с приподниманием правой полусогнутой. Во время присядок человек делал довольно сложные комбинации, включавшие в себя различные трюки: выбрасывание вперед одновременно или поочередно ног, закидывание в сидячем положении одной согнутой ноги на колено другой, перекувыркивания с носка на колени и с коленей на носки, приседание на одной ноге со взмахами другой, шпагат и т.д.. Все эти движения часто сопровождались ударами в ладоши, ладонью по колену или подошве, присвистыванием и выкриками.

Пляска включала в себя также движения, производимые головой, руками и плечами. Особенно выразительными были движения руками. Ими взмахивали в наиболее эмоциональные моменты пляски, хлопали, заменяя ударные инструменты, ударяли ладонями по собственному телу, по голенищам сапог и т.п. Выбор во время пляски всех этих коленцев, движений руками, головой зависел только от желания и умения плясавшего, а его передвижение по плясовому полю не было регламентировано..

Пляски могли быть массовыми, включавшими в себя множество людей, фактически всех, находившихся в этот момент на улице или в избе. Они обычно устраивались к концу праздничного пиршества, когда веселье достигало своего апогея, и были чрезвычайно бурными, темпераментными. Крестьяне говорили, что плясать надо было тогда *«в три ноги»*, *«ажно пыль столбом стоит»*, так, что *«полавочье трясется, половица приговаривает»*. Кроме массовых плясок были еще так называемые групповые пляски, в которых принимала участие только часть присутствовавших на празднике людей, остальные играли роль зрителей, подзадоривая пляшущих.

Массовые и групповые пляски могли быть только мужскими, только женскими или смешанными. Женские пляски отличались от мужских. Они были более лирическими, в них преобладали движения руками, плечами, головой, покачивания бедрами, красивый мелкий шаг, дробление ногами. В старинной русской песне о таких плясках говорилось:

*«Пред Петрушкой
Пойду рёбрушком,
Пред добрыми людьми
Пойду белыми грудьми,
Перед мальчиками
Пойду пальчиками».*

Одним из самых красивых женских групповых танцев был танец, называвшийся «Бычок», исполнявшийся молодыми женщинами. Женщины становились друг против друга в две шеренги – «стенки». «Стенки» шли навстречу друг другу плавным красивым шагом, изредка прерывавшимся постукиванием, а затем отходили на первоначально занятую линию. Двигаясь в пляске, женщины поводили плечами, застенчиво опускали голову, прикрывая лицо вышитыми полотенчиками, слегка покачивали бедрами. В конце пляски все обменивались поцелуями. В пляске женщины старались покрасоваться, продемонстрировать плавность движений, грацию, женственность, застенчивость, смущение перед собравшимися зрителями. Свое название пляска получила от диалектного слова «*бычиться*», т.е. проявлять смущение, скромничать.

Мужские пляски отличались быстротой и некоторой агрессивностью, для них были характерны быстрые коленца: присядки, резкие взмахи руками, притоптывания, верчения. Хороший танцор, с точки зрения крестьян - это тот, для которого характерна «*живность*», «*лихость*», «*вёртость*». Трепак - пляска, исполнявшаяся в очень быстром темпе, отличавшаяся лихостью, разудалостью и некоторой грубоватостью. Его плясали, когда мужчины были в ударе от выпитого вина, заздравных чаш, сытой еды, разбойничьих и «срамных» песен.

Трепак начинался обычно с «выхода». Желавший сплясать мужчина выходил на середину круга, выпрямлялся, откинув слегка назад голову, упирал руки в бока или скрещивал их на груди и стоял так некоторое время, сосредотачиваясь перед пляской и давая возможность зрителям почувствовать важность момента. Через несколько секунд ему навстречу выходил другой танцор и занимал такую же позу. Гармонисты резко растягивали меха гармоней, первый плясун ударял подметкой о землю, широко взмахивал руками, при этом правая рука подбрасывалась выше левой, и начиналась пляска. Мужчины плясали попеременно, но по-разному.

Один стоял на месте, выделявая разные коленца ногами, двигая плечами и всей верхней частью торса. Другой же плясун вертелся волчком на месте, бросался на колени, носился вприсядку, ползунком, вывертами, дрыгал ногами в разные стороны. Все это исполнялось с азартом, увлечением, с полной отдачей.

Наряду с массовыми и групповыми плясками в деревнях были распространены пляски парные и сольные. Парные пляски могли исполняться женщиной и мужчиной или двумя женщинами, двумя мужчинами. При этом они всегда имели состязательный

характер: каждый старался показать свое умение в пляске – «переплясать» своего соперника.

Дуэтная пляска мужчины и женщины носила зачастую ярко выраженный эротический характер: мужчина домогался женщины, которая ему сначала отказывала в его притязаниях, а затем шла навстречу его желаниям. Характерной пляской такого рода была старинная пляска «Голубец». Она начиналась в очень медленном темпе. Женщина стояла на одном месте, стараясь отвернуть лицо от мужчины, который ходил вокруг нее, подражая голубю, ухаживающему весной за голубкой. Затем темп музыки и танца убыстрялся, мужчина начинал более энергично наступать на женщину, выделявая разнообразные коленца, стараясь показать себя. Женщина уже не старалась уйти от мужчины, шла ему навстречу, покачивая бедрами, плечами, плавно взмахивая руками. Кончалась пляска имитацией соития женщины и мужчины. Пляска позволяла человеку прочувствовать всю полноту и радость праздника, осознать себя свободным от забот и тревог будней.

Чаепитие

Застолье с чаем. Трапеза за чайным столом была одним из необходимых компонентов праздничного препровождения времени. Чай в праздники пили в интеллигентных городских семьях, в купеческих домах, в избах крестьян. Наибольшее же распространение этот напиток получил в России в последней трети XIX в., особенно после строительства Сибирской железной магистрали, значительно удешевившей транспортировку чая. С этого времени чаепития у самовара стали рассматриваться как элемент национального бытового уклада. Русские люди пили чай как в праздничной, так и будничной обстановке, в домашних условиях, в чайных, трактирах, в дороге на постоянных дворах. Его пили после бани, «с холоду» «с устатку», «с дороги». Чай, считалось, веселил человека в грустную минуту, успокаивал после бурных событий жизни, утешал в беде: *«Чашка за чашкой, и вот мало-помалу во всем существе, по всем жилкам и суставам разливается неизъяснимое самодовольствие; тепло становится жить на свете, легче и веселее на сердце; ни забота, ни печаль не смеют подступиться к тебе в эти блаженные минуты».*

В домашних условиях самовар с заварочным чайником ставился на подносе на общий стол или на специальный круглый столик, приставленный к нему. Рядом расставлялись чашки на блюдечках с обязательными чайными ложечками, положенными

на блюде черенком к ручке чашки. К чаю подавались сахар, мед, варенье, пироги, булочки, пышки, колобки, шанежки.

По обычаю чай полагалось разливать хозяйке дома или старшей дочери. В чашки наливалась крепкая заварка, разбавлявшаяся кипятком из самовара. Количество заварки определялось гостем, которому предназначалась чашка. На носике заварочного чайника всегда висело ситечко, предохранявшее от попадания в чашку чаинок. В крестьянских семьях чашка наполнялась чаем с краями, чтобы *«жизнь была полная»* и чтобы гости не вздумали положить в чай сахар. В дворянских и купеческих домах, где к чаю подавались сливки и много сахара, чашку принято было заполнять не полностью. Обычно русские пили чай из блюдечка, придерживая его в поднятых вверх и слегка раздвинутых пальцах правой руки. Это было обусловлено привычкой пить чай из самовара, где вода всегда держалась на уровне кипения. Перелитый из чашки в блюдо чай был менее обжигающим.

В городских семьях сахар подавался на стол колотым или пиленным. Хозяева и гости пили чай внакладку, опуская кусочки сахара в чашку или вприкуску, раскалывая его на мелкие кусочки щипчиками. Купцы, крестьяне старались покупать сахар головками, т.е. в виде конусов разных размеров. Стоящая на столе головка сахара наглядно демонстрировала пришедшим гостям достаток и благополучие дома. Колот сахар обычно мужчина. Он брал головку левой рукой за ее верхнюю часть, а правой рукой с зажатым в ней тупым ножом ударял по свободному концу. Головка разваливалась на две части, которые потом раскалывались с помощью сахарных щипчиков. Крошки от сахара сыпали в блюдечко. Чай с сахаром крестьяне пили всегда вприкуску, питье внакладку считалось большим расточительством.

Гостя полагалось потчевать чаем, убеждая его выпить еще одну чашечку и еще одну, оказать тем самым честь и уважение хозяевам. При каждой новой просьбе чая чашку полагалось ополаскивать кипятком, чтобы напиток, налитый в нее, сразу не остывал. Известный исследователь середины XIX в. А.В. Терещенко очень ярко описал деревенское чаепитие: *«На севере России чай заменяет приятное препровождение времени: там, сидя за чаем, разговаривают и пьют вприкуску с таким искусством, что небольшой кусочек сахара достаёт для полдюжины стаканов. С мужика льёт пот градом, он пьёт, не переводя духу; оботрётся полкой и снова за чашечку»*.

Чаепитие в деревнях долгое время считалось уделом только праздничных дней.

Для будней этот напиток считался дорогим удовольствием: «Где нам, дуракам, в будни чай пить», - говорили русские крестьяне. Пить чай садились к концу пиршества, когда гости уже устали от еды, хмельных напитков, шума, веселья, пения и плясок. Совместное питье чая успокаивало разгулявшихся мужчин и женщин, придавало своего рода благопристойность пиршеству, снимало напряжение праздника. Однако со временем, когда чай подешевел, он стал употребляться и в будние дни.

Русские люди считали, что совместное чаепитие поддерживает любовь и дружбу между членами семьи, скрепляет родственные и дружеские связи, а самовар, кипящий на столе, создает атмосферу уюта, благополучия и счастья: *«Вот и самовар заводит обычную свою песню на разные голоса. То затянет ее дребезжащим голосом подгулявшего старика, то хватит пронзительного дисканта, то возьмет мягкого тенора, из него возвысится до громкого basso - cantante и вдруг спустится в певучее mezzo-soprano, замолкнет на минуту, как будто раздумывая о чем-то, и зальется опять звонкой песней, то радостной, то заунывной. Какой же смысл таится в ней?»*

Вертеп

Народный кукольный театр, являвшийся в ряде мест России элементом святочных развлечений. Слово «вертеп» в старославянском языке означало пещера. Такое название этот тип театра получил в связи с тем, что первоначально основное разыгрываемое в нем действие отражало евангельский рассказ, согласно которому Мария и Иосиф с только что появившимся на свет Иисусом Христом скрывались в пещере во время бегства из Иордании в Египет от царя Ирода, повелевшего убить всех младенцев, чтобы погубить новорожденного Христа.

Изначально вертепные представления имели религиозную направленность и связывались прежде всего с рождественской тематикой; но со временем, расширив свой репертуар, они превратились в настоящий народный театр. Истоки вертепа восходят к западноевропейской средневековой традиции устанавливать в церквях на Рождество ясли и фигурки Богородицы, младенца Иисуса Христа, пастухов, осла и быка. Позднее фигурки стали делать подвижными, а кукольные представления переместились из церквей на площади; их стали показывать в переносных ящиках.

Вертепные представления разыгрывали профессиональные бродячие кукольники или любители: крестьяне, солдаты, священнослужители, мещане. Как правило, вертепщики приурочивали представления к Святкам; но, например, в Сибири (в Иркутске)

с вертепом могли ходить по домам от Рождества до масленицы. Здесь же были известны не только переносные, но и стационарные кукольные театры такого типа; вход на представление стоил пять-десять копеек. Позже, в конце XIX - начале XX вв. разыгрывание вертепных спектаклей превратилось в профессиональный промысел. Так, выходцы из Новгородской губернии отправлялись на гастроли по разным местностям России, ориентируясь уже не на святочный период, а на время проведения ярмарок. Так, известному этнографу Н.Н. Виноградову в начале 1900-х годов случилось наблюдать вертепное представление новгородских кукольников, плывших на волжском пароходе и направлявшихся на Нижегородскую ярмарку.

Переносной ящик для вертепа изготавливался из досок или из картона. Как правило, он состоял из двух ярусов, реже - из одного или трех. Обращенная к зрителям сторона вертепного ящика закрывалась тканью-занавесом яркого цвета или ставнем, опускавшимся вниз и закрывавшим манипуляции, производимые руками вертепщика. В «полу» обоих ярусов проделывались прорезы для того, чтобы куклы, закрепленные на стержнях, могли двигаться. Пол покрывался мехом, и поэтому прорезы в нем не были заметны. Для рук вертепщика, водившего кукол, было предусмотрено пустое пространство между верхним и нижним ярусами, заклеенное со стороны зрителя бумагой. По бокам и сверху ящика подвешивали несколько разноцветных фонариков для освещения сцены в вечернее время.

Куклы изготавливались из дерева, реже лепились из глины. Их вырезали высотой в восемнадцать-двадцать сантиметров, довольно четко отражая особенности строения человеческого тела или животных, рисовали красками лицо, одевали в одежду из тканей и бумаги; к ноге крепили деревянный или проволочный стержень. Вертепщик сам проговаривал все роли, изменяя голос в зависимости от характера персонажа. Он скрывался за ящиком, где также могли находиться музыканты и хор.

У русских вертепное представление четко делилось на две части: религиозную и бытовую; причем со временем первая значительно сократилась и приобрела местный колорит: так, кукла, изображающая Рахиль, выглядела как обычная русская крестьянка, а иногда - как барыня в модном платье. Вторая часть вертепа, совершенно не связанная с рождественской тематикой, включала без особого порядка разнообразные сценки на основе местного материала: бытовые анекдоты, исторические эпизоды, просто танцы кукол, изображающих людей разных национальностей. Очень популярны

были шуточные и сатирические сценки, высмеивающие человеческие пороки: глупость, жадность, кичливость и проч. Среди персонажей бытовой части вертепного театра были: Межевой (землемер) и Межевая, в сценке с которыми смех вызывал диссонанс между умными речами и танцем под забористого «Чижика»; девицы из Валдая, баранчицы, танцующие «Комаринского»; Цыган, выпрашивающий плату за представление, перемежая нормальные слова с «тарабарскими»; глупая Барыня и пройдоха Доктор; молодая Жена (любовница Аришенька) и старый Муж (Старик-любовник) и другие.

Кулачный бой

Рукопашное состязание без применения оружия, праздничное развлечение парней и молодых мужчин. Кулачные бои устраивались зимой в период от Рождества до Крещения, на масленицу и иногда – в Семик. Предпочтение при этом отдавалось масленице, общий разгульный характер которой, сопровождавшийся демонстрацией молодости, силы, красоты, давал возможность мужской части деревни показать перед всеми свою удаль и молодечество.

Команды составлялись по социально-территориальной принадлежности людей. Друг с другом могли биться две деревни, два конца одного большого села, «монастырские» крестьяне с помещичьими и т.д. Кулачные бои готовились за одну-две недели: выбирали место для битвы, обычно гладкое, ровное, хорошо утрамбованное пространство, договаривались о правилах игры и количестве участников, выбирали атаманов. Кроме того, это время использовалось для моральной и физической подготовки бойцов.

Мужики и парни парились по несколько раз в неделю в банях, старались больше есть мяса и хлеба, которые, по поверью, придавали бойцу силу и смелость. Многие использовали различного рода магические приемы для увеличения бойцовой храбрости и мощи. Так, например, в одном из русских старинных лечебников давался такой совет: *«Убей змею черную саблей или ножом, да вынь из нее язык, да вверти в тафту зеленую и в черную, да положи в сапог в левый, а обуй на том же месте. Идя прочь, назад не оглядывайся, а кто спросит, где ты был, ты с ним ничего не говори».*

Кулачные бои в России могли проходить или на кулаках или на палках, при этом чаще выбиралась борьба на кулаках. Бойцам полагалось специальное обмундирование: толстые, подшитые куделью шапки и меховые рукавицы, которые смягчали удар. Бой на кулаках мог проводиться в двух вариантах: «стенка на стенку» и «сцеплялка –

свалка». При битве «стенка на стенку» бойцы, выстроившись в один ряд, должны были удержать его под давлением «стенки» противника. Это был бой, в котором использовались различного рода тактические приемы, известные на войне. Бойцы держали фронт, шли «*клином-свиньей*», меняли бойцов первого, второго, третьего рядов, отступали в засаду и т.п. Бой кончался прорывом стенки противника и бегством врагов. При битве «*сцеплялка-свалка*» каждый выбирал себе противника по силе и не отступал до полной победы, после чего «*сцеплялся*» в битву с другим.

Русский кулачный бой, в отличие от драки, шел с соблюдением определенных правил. Они гласили: «*не бить лежачего*», «*не биться по увечному*», «*мазку не бить*», т.е. в случае появления у противника крови кончать с ним бой; нельзя наносить удары сзади, с тыла; необходимо биться лицом к лицу. Важным моментом кулачного боя было также и то, что его участники всегда принадлежали к одной возрастной группе. Битву начинали обычно подростки, их сменяли на поле парни, а затем вступали в бой молодые женатые мужчины – «*сильные бойцы*». Это делалось для того, чтобы соблюдать равенство сил сторон.

Бой начинался с прохода главных бойцов, т.е. парней и мужиков в окружении подростков по деревенской улице на поле битвы. На поле парни становились двумя стенками - командами друг против друга, демонстрируя себя перед противником, слегка задирая его, принимая воинственные позы, подбадривая себя отдельными выкриками. В это время на середине поля подростки устраивали «сцеплялку-свалку», готовясь к будущим боям. Затем раздавался крик атамана, за ним рев, свист, крик: «*Даешь боя*», и начинался бой. Наиболее сильные бойцы включались в битву уже в самом конце. Наблюдавшие за кулачным боем старики обсуждали действия молодых, давали советы не вступившим пока еще в бой. Бой завершался бегством противника с поля и общей веселой попойкой участвовавших в нем парней и мужиков.

Кулачные бои воспитывали у мужчин такие необходимые качества, как выносливость, способность выдерживать удары, стойкость, ловкость и мужество. Участие в них считалось делом чести каждого парня и молодого мужчины. Подвиги бойцов восхвалялись на мужских пирушках, передавались от одного человека к другому и находили свое отражение в песнях, былинах:

*«Да съехались оны с копьями –
Только копь-а-ты в кольцах попригнулисе.*

*Да съехали богатыри палками,
Только палки по щербням отвернулисе.
Соскочили они со добрых коней
Да схватились оны на рукопашный бой».*

Рассказывание сказок

Сказочное говорение, подобно произнесению обрядовых текстов (например, колядок в обряде колядования), представляет собой особую речевую деятельность, оказывающуюся формой магического воздействия на реальную действительность. По всей видимости, рассказывание сказок имеет ту же функцию, что и загадывание загадок: огласовка традиционных представлений об устройстве мира, содержащихся в сказочных текстах, оказывает продуцирующее действие на формирование мира в реальности, которому, по народным представлениям, отводится календарное время Святков. Подобно закону сказочной действительности "*сказано - сделано*", здесь реализуется архаичное представление о возможности материализации слова, произносимого в благоприятной для этого процесса пространственно-временной ситуации. Кроме того, проговаривание событий жизни сказочного героя, представляющих собой идеальную модель поведения, закрепленную в традиции, является актом передачи знания молодому поколению. Сам сказочник является одновременно и героем сказки, роль которого актуализируется обычно в начале и в конце, реже - в середине повествования, и носителем законов сказки, воплощающим конкретный вариант сохраняемой традицией «картины мира», и реальным рассказчиком, осуществляющим посредническую функцию между аудиторией и миром сказки.

Загадывание загадок

В конце XIX - начале XX века это занятие воспринималось как одно из развлечений праздничного времени. Тем не менее истоки формирования самого жанра загадки восходят к глубокой древности, а приуроченность загадывания загадок к определенным временным моментам в рамках суток и годового цикла свидетельствует о ритуальном характере этого занятия.

О магическом значении загадок свидетельствует система запретов на их загадывание. Так, у многих народов и, в частности, у восточных славян, существовали запреты на загадывание загадок днем, то есть при дневном свете, летом и в Рождественский

пост, предшествующий Святкам. В некоторых местах на Украине этот запрет, приуроченный к посту, связывался с опасностью для молодняка скота, так как в этот период у домашних животных начинался окот; русские Пермской губернии считали, что при нарушении данного запрета коровы не будут возвращаться с поля домой, волк может их задрать, а сам человек заблудится в лесу.

Неблагоприятные последствия нарушения запрета возникают как реакция на несвоевременность произнесения текстов, отражающих в том или ином ракурсе вопросы мироустройства; слово, подобно действию, совершенному в неурочное время, вносит дисбаланс в установленном уже на данный годовой цикл миропорядке (о запрете на ряд действий и занятий в Святки - см. Святочные запреты). И если загадывание загадок преждевременно в летнее время или в Рождественский пост, то в период Святки проговаривание текстов-загадок, огласовка содержащихся в них основ миропорядка продуцирует их реализацию в подходящий, по традиционным представлениям, для этого момент.

Помимо того, что загадывание загадок способствовало «рождению» мира, оно являлось диалогом между старшими и младшими членами социума, в процессе которого совершалась передача знания от знающих к познающим (не случайно загадки, как в приведенной выше песне, назывались «мудреными»: в мифопоэтических текстах слово «мудрость» имеет то же значение, что и слово «знание»), что обеспечивало поддержание традиционных представлений в данной области.

Загадывание загадок в святочное время могло иметь место не только в чистом виде, но и включаться в вечерочные песни, в структуру гаданий. В последнем случае знание ответов, основанных на закрепленных традицией принципах соотнесения явлений из разных сфер жизни, зачастую оказывалось жизненно важным для гадающего при его встрече с «иным» миром.

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ЯНВАРЬ – слово не русское, оно пришло к нашим отцам из Византии, вместе с Юлианским календарем. Наши предки называли его: ПРОСИНЕЦ, СЕЧЕНЬ, НОВО-ЛЕТНИК, ЗИМНЕЦ, ЛЕДЕНЬ и др.

25 декабря (7 января) Великий двенадесятый праздник христианской церкви, когда отмечается рождение Иисуса Христа. По крестьянскому календарю знаменовал наступление Святков и начало роста светового дня.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО (Рождество по плоти Господа, Бога и Спаса нашего Иисуса Христа) - один из двенадцати главных, так называемых двенадесятых, праздников христианской церкви. В православном календаре по значимости Рождество Христово является вторым праздником после Пасхи. Оно приходится на **25 декабря (7 января)**. В этот день церковь отмечает рождение Иисуса Христа, воплощающего в религиозно-мифологической системе христианства образ богочеловека, в котором присутствуют одновременно и вся полнота божественной природы: Иисус Христос являет собой второе лицо Троицы (Бог-отец, Бог-сын, Дух Святой) и как Бог, соответственно, вечен и абсолютен, - и вся конкретность человеческой природы: иудей, рожденный в Вифлееме в начале современного летоисчисления, выступивший с проповедью в Галилее и казненный в возрасте 33 лет. До IV в. н.э. Рождество отмечалось церковью вместе с Богоявлением как единое событие появления Бога на земле в облике человека. Позже Рождество Христово было выделено как самостоятельный праздник.

Празднованию Рождества Христова предшествует сорокадневный пост, являющийся подготовкой христианина к этому событию. В канун Рождества в церкви совершаются службы Царские Часы (в три, шесть и девять часов утра и в три часа дня), во время которых исполняются псалмы, отражающие тему Страстей Христовых, и тропари, посвященные празднику Рождества Христова. В этот же день служитя Литургия св. Василия Великого, соединенная с Вечерней. На этих службах читаются ветхозаветные пророчества Мисхей о том, что Вифлеем станет местом рождения Спасителя и Исайи, предсказавшего приход Мессии и его облик.

Великое Повечерие накануне Рождества соединяется с рождественской утреней, составляя всенощное бдение. Повечерие начинается торжественным пением «С нами Бог» и пророчествами Исайи. Во время рождественской всенощной исполняется тропарь и кондак празднику, совершается крестный ход и лития - торжественное благо-

словение хлеба, пшеницы, вина, которые после службы раздаются молящимся, и елея (масло оливы или другое растительное масло), которым священник помазует прихожан в знак Божьего благословения. Во время рождественской утрени, продолжающей все-нощную, в Евангельском чтении от Матфея повествуется о Рождестве Христове, а также исполняются псалмы и песнопения, восхваляющие Иисуса Христа. На следующий день, начинаясь с псалмов восхваления празднику, совершается рождественская литургия.

В рамках крестьянского календаря Рождество Христово знаменовало наступление главного зимнего праздника - Святки. В земледельческом календаре, ориентированном на цикличность «жизни» солнца, начало годового круга отсчитывалось от периода «роста» солнца, то есть увеличения светового дня, которым как раз и характеризовалось время Святки. При наложении христианского культурного пласта на архаичную языческую основу празднования наступления нового года Рождество Христово было приурочено к моменту зимнего солнцестояния, то есть «рождения» солнца. Равновеликая значимость образов солнца и Богочеловека обусловили восприятие Иисуса Христа в христианской культуре как Солнца духовной жизни каждого верующего. Подобное осмысление нашло отражение в тропаре праздника Рождества Христова: *«Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий звездою учахуся, Тебе кланялися Солнцу правды и тебе ведети с высоты Востока: Господи, слава Тебе!»*.

В крестьянском быту подготовка к Рождеству Христову велась и накануне праздника. К рождественскому сочельнику хозяйки тщательно прибирали избы и горницы: мыли, белили свое жилище; завершали варку хмельного и травяного пива для святочных гуляний и приготовление пищи и сдобной выпечки как для разговления после рождественской литургии, так и для угощения гостей. Старики в сочельник отдыхали, а остальные домочадцы старались закончить все работы к обеденному времени, чтобы засветло успеть сходить в баню. В Сибири эта баня называлась «княжой» и готовилась женщинами.

Встречать праздник Рождества Христова, было принято в новой одежде, что отразилось в известной поговорке: *«На светлой рубаха хоть плохонька, да белехонька: к Рождеству хоть сурова, да нова»*.

В сочельник до появления первой звезды на небе повсеместно крестьяне, особен-

но пожилые, соблюдали строгий пост, то есть воздерживались от пищи. Перед закатом солнца все домочадцы собирались около стола в красном углу и совершали молитву. В некоторых местностях хозяин дома зажигал восковую свечу и, закрепив ее на одном из лежащих на столе хлебов, отправлялся во двор за вязанкой соломы или сена, которыми по возвращении застилал передний угол и лавку в нем. Солому покрывали чистой скатертью или полотенцем и на ткани, под самыми образами, устанавливали сноп ржи и кутью в горшке. После этих приготовлений семья вновь совершала молитву и, затушив свечи, в торжественном молчании наконец приступала к трапезе. В западно-русских губерниях, граничащих с Белоруссией, солому стелили на стол под скатерть.

Обязательным блюдом трапезы в рождественский сочельник являлась кутья. На сочельническом столе скоромная пища не допускалась: в Сибири, например, ели хлеб, капусту с квасом, тертый горох, хлебное сусло, переваренное с зернами пшеницы и сушеными ягодами черемухи (сусло - сладковатый навар на муке и солоде, то есть на пророщенном, а затем засушенном и смолотом хлебном зерне; при добавлении в сусло хмеля или дрожжей получается пиво. Сибирское блюдо из сусла с пшеницей и ягодами черемухи является аналогом кутьи). По причине употребления в рождественский сочельник только постных блюд трапеза получила название «голодной кутьи». К моменту торжественного ужина в некоторых местных традициях приурочивался архаичный обряд кликанья мороза.

Кликанье мороза - обряд зазывания мороза на трапезу и угощение его ритуальной пищей, приуроченный к некоторым переломным моментам в году, прежде всего к святочному периоду. **24 декабря/6 января (6 января/19 января).**

Обряд зазывания мороза на трапезу и его угощение ритуальной пищей обычно приурочивался к святочному периоду (канун Рождества, Васильев вечер, крещенский сочельник). В весеннее время кормление мороза, помимо Чистого четверга, совершалось во Владимирской и Московской губерниях на Пасху. Обряд кликанья мороза представлял собой вынос ритуальной пищи в определенное место и время, при котором произносилась специальная приговорная формула. Исполнителем обряда был, как правило, старший в доме либо по возрасту - мужчина или женщина, либо по статусу - хозяин или хозяйка.

В рамках суток кликанье производилось в полночь (перед сочельническими трапезами в Святки), утром (после пасхального разговления; после приготовления обрядо-

вой пищи в Чистый четверг) или днем (во время праздничного обеда в Пасху). Пища, которой угощали мороз, являлась обязательным блюдом соответствующих праздничных трапез. У русских наиболее распространено было кормление мороза овсяным киселем; но в западнорусских местностях - Смоленская, Псковская губернии - мороз зазывали, как и у белорусов, на кутью. В качестве угощения могли использовать и блины:

*«Дед Мороз, Дед Мороз!
Приходи блины есть и кутью!
А летом не ходи, огурцы не съедай,
Росу не убивай и ребятишек не гоняй.»*

В начале XX века в некоторых местах мороз закликали уже не с обрядовой пищей (кутья, кисель, блины), а с тем, что было на праздничном столе: похлебка или щи. Если обряд совершался до трапезы, то морозу отдавали первую ложку кутьи или киселя; если же по окончании - то выносили остатки обрядового блюда.

Знаменательны места, где совершалось кликанье мороза и где оставляли для него еду. Зазывали в открытое окно или выходили на порог, крыльцо или в огород. В Московской губернии звали мороз и в открытую печную трубу. Кисель или кутью оставляли также на окне снаружи, относили в подпол и ставили на подпольное окошко или выплескивали через порог на улицу, оставляли или выливали в огороде.

Все эти пространственные ориентиры в мифопоэтических представлениях отмечены знаком границы между «своим» и «чужим» мирами (окно, порог, крыльцо), являются «каналами» связи между «мирами» (печная труба) или местами, где могут появляться в определенное время разнообразные представители «иного» мира, в данной обрядовой ситуации - мороз (подпол - нежилая часть дома; огород, улица - чужое пространство за пределами своего дома).

Смысл обряда кликанья мороза в значительной мере проясняет его словесное оформление. Например:

*«Мороз, мороз,
Ступай к нам кисель есть;
Не бей рожь и житарь,
А на посконь воля твоя.»*

Обязательным элементом приговорных формул является приглашение придти «сейчас», т.е. когда совершается обряд, и поесть киселя или кутьи. Далее в приговоре

обычно следует просьба не приходить в другое время - летом, ранней весной, чтобы не морозить (не бить, не топтать) овес и рожь, не съедать огурцы, не убивать росу, не морозить «курчат» (цыплят), поросят, ребят, и далее следует отсылка бить (колотить, молотить, вейть) дуб, клен, бабий лен (коноплю, посконь), быльник, крапивник и нечистую траву.

Обрядовые представления о морозе, сохранившиеся в ритуале его кормления, легли в основу мифологического образа Мороза. В мифопоэтических текстах восточных славян природная стихия персонифицируется в образе старика низенького роста, с длинной седой бородой, который бежит по полям и вызывает стуком трескучие морозы. Народные поверья о морозе у русских нашли отражение в различных жанрах фольклора: сказках, пословицах, поговорках. В сказках мороз выступает в функции помощника (*Студенец*, *Трескунец*) и дарителя при правильном поведении сказочного героя (*Морозко*).

В конце XIX - начале XX века в городской среде под влиянием западноевропейских рождественских обычаев у русских возник образ Деда Мороза как сезонного (рождественского) мифологического персонажа. Позднее, в связи с сужением времени празднования перехода от старого года к новому, от двухнедельного святочного периода до одной ночи с *31 декабря* на *1 января*, Дед Мороз превратился в символ праздника Нового года, каковым остается и по сию пору.

Колядование («*козла петь*», «*кликать луг*», «*кликать авсень*», *таусенькать*) - один из магических святочных обрядов обходного характера, который совершался в рождественский сочельник, рано утром в Рождество или в день наступления Нового года, реже - накануне Крещенья, то есть в моменты, осмысляемые в народном сознании как рубежные, переходные от старого времени к новому.

Собравшись в назначенное время, группа *колядовщиков* выбирала *мехоношу* (несущего мешок) и направлялась к краю деревни. У первого дома обходчики останавливались под окном и кричали: «*Хозяин с хозяйшкой, можно ли коляду покликать?*». Получив разрешение, колядовщики начинали поздравительную песню, в которой крестьянский дом назывался теремом, а хозяин с хозяйкой и детьми сравнивались с месяцем, солнцем и частыми звездочками. Закончив величание, колядовщики требовали угощения, и благодарные за поздравление хозяева подавали обходчикам в окно разную снедь со стола и заранее приготовленные печенья и пироги. В ответ на обильные

дары колядовщики исполняли песню, в которой желали домочадцам и хорошего урожая, и приплода скота, и благополучия в хозяйстве в новом году, после чего отправлялись к другой избе, затем - к третьей, четвертой и так далее. Обойдя все дома деревни, колядовщики собирались в избе, выкупленной молодежью для святочных игрищ, и начинали дележ подарков. Из части продуктов обходчики готовили еду и угощались все вместе. Незаметно приближалось время игрища, и совместная трапеза с шутками и всеобщим весельем плавно переходила в посиделку.

Свое название обряд колядования получил от слова «коляда», в различных огласовках известное всем славянским и некоторым другим европейским народам. Оно, в свою очередь, восходит к латинскому слову «calare», означающему «выкликать»: в Древнем Риме существовал обычай выкликаания главным жрецом первого дня каждого нового лунного месяца; здесь же «календами» назывались первые десять дней каждого месяца. Со словом «календы» связано также происхождение слова «календарь». Другие названия обряда связаны либо с припевом (таусенькать - от «таусень» так же, как колядовать от «коляда»), либо с тем или иным образом (луг, плуг, козел), упоминаемом в песне, исполняемой колядовщиками.

Участниками обряда колядования являлись группы от трех до семи-десяти человек, иногда - больше: в Енисейской губернии - до тридцати, а в некоторых местах Вологодской и Вятской губерний - до ста человек. Половозрастной состав группы мог быть разным: только девушки или только парни, реже - смешанные группы, дети. Как правило, в каждую группу собирались индивиды одной возрастной категории: дети образовывали один коллектив, подростки - другой, достигшие совершеннолетия - третий. Это обуславливалось наличием в традиционной культуре у каждого возраста своей собственной компании для проведения свободного или праздничного времени, а также для участия в тех или иных занятиях.

На Русском Севере и в Сибири святочный обход с исполнением величально-поздравительных песен (виноградий), а также духовных стихов производили группы мужчин: на Пинеге - пожилые; в Поморье, Холмогорском районе - старики; на Мезени, в Вятской и Енисейской губерниях - взрослые мужчины; в Олонецкой губернии – «матерые».

Виноградье - один из типов величально-поздравительных песен (два других - колядка, овсень) магического характера; исполнялось во время святочного обходного

обряда колядования. Свое название этот тип песен получил по рефрену, повторяющемуся после каждой строки *«Виноградие красно-зеленое!»*. Образ винограда в традиционной русской культуре связан с представлениями о богатстве, любви и благополучии. В восточнославянском песенном фольклоре он является символом новобрачных. В Поморье и еще в некоторых местах на Русском Севере один из сюжетов виноградий имеет припев *«Из-за Дунай», «А Здунай мой, Здунай!»*. В отличие от колядок и овсеней виноградня могли исполняться в течение всего периода Святков, а не в один, два или три дня, закрепленных в традиции за обрядом колядования.

Виноградня были известны в Сибири и на Дальнем Востоке, в ряде районов Волго-Окского бассейна и Поволжья, в Псковской, Курской и Сумской областях. В отличие от колядок и овсеней с характерными для них хозяйственными и особенно аграрно-земледельческими мотивами, в винограднях преобладает свадебная и брачно-семейная тематика. Каждой группе виноградий (с точки зрения адресата) соответствовал определенный круг сюжетов. Для сюжетов виноградий парням свойственны мотивы одевания и расчесывания волос молодцем, собирающимся в церковь (следуют вопросы к молодцу, кто его породил, вскормил и кудри завил); охоты на птицу (птица просит не губить ее и обещает веселить свадьбу молодца); выранивания перстня молодцем в море (следует просьба к корабельщикам достать перстень; они трижды вытаскивают из моря разной «цены» окуней, которым есть *«оценищички»* - красна девушка).

Образ перстня, широко распространенный в песенном фольклоре как символ брака, встречается и в винограднях, адресованных не только парням, но и другим социальным группам. Так, в винограднях молодоженам образ перстня, катающегося в постели между *«князем молодым»* и *«его госпожой»* символизирует брачный союз и его цель - рождение ребенка.

В винограднях же женатым семейным, имеющим взрослых детей, образ перстня, а также образ жемчужины, перекатывающихся в постели между хозяином и хозяйкой, символизируют, соответственно, старшего сына и старшую дочь, которым предстоят женитьба и выход замуж.

Овсень (*авсень, баусень, таусень, усень*) - один из трех типов величально-поздравительных песен (два других - колядка, виноградня) магического характера; исполнялись во время святочного обходного обряда колядования. Свое название этот

тип песен получил по рефренному восклицанию «*Овсень!*», повторяющемуся после каждой строки.

25 декабря (7 января) – Святочный обряд в честь прихода волхвов по случаю Рождества Иисуса Христа. Дети, парни и девушки ходили по дворам с рождественской звездой, славили Христа, поздравляли хозяев с праздником, собирали угощение и деньги.

Славление Христа (Христославление) - святочный обряд, осмысляемый в традиционном сознании как приход волхвов по случаю Рождества Иисуса Христа. Соответственно славление Христа приурочивалось к первому дню Рождества, реже - ко второму. По большей части утром, но иногда и в течение всего дня славильщики ходили по дворам и пели христославления. Исполнителями обряда могли быть дети, парни и девушки, иногда взрослые мужчины. Славильщики группировались по возрасту и собирались по 5-6 человек, а иногда и больше - до 15-ти. Количество славильщиков зависело от качества главного атрибута шествия - рождественской звезды, символизирующей вифлеемскую звезду, осветившую Рождество Иисуса Христа и приведшую волхвов к месту его рождения. В изготовлении звезды участвовали все славильщики данной возрастной группы. Ее делали из палок, бумаги, слюды, оберток от конфет и проч. Обычно для основы звезды использовали обруч сита, внутри него пристраивали палочку с гнездом для свечи, которую зажигали во время шествия. Отверстие обруча и его верхнюю часть по кругу заклеивали промасленной разноцветной бумагой. На получившейся круглой поверхности рисовали или наклеивали на нее изображение на тему о рождении Иисуса Христа и поклонении волхвов; в Сибири популярным было изображение корабля, на котором стоял Илья Муромец, один или с товарищами. В последнем случае картинка соотносилась с сюжетом песни, исполняемой при ношении звезды (Илья Муромец с богатырями на Соколе-корабле побеждают турецкую силу-противника). К основе-обручу приделывали палки, на которые крепили конусообразные рожки - лучи звезды, украшенные на концах бахромой из бумаги. Звезда утверждалась на палке-рукоятке. В некоторых местах звезду устраивали так, что от движения руками она делала постоянные обороты, при которых полые внутри рожки-лучи освещались зажженной свечой. Если звезда была большой, богато украшенной, то и ходить с ней могло большее количество славильщиков. Предварительно участники обряда могли выбрать мехоношу, собиравшего в каждом доме подарки хозяев.

Посевание - обходный магический обряд, направленный на обеспечение урожая в новом году. Посевание производилось в дни, осмысляемые в сознании крестьян как начало нового этапа в хозяйственной деятельности, то есть в первый день Рождества или в Новый год. В этом плане обряд посева примыкает к другим ритуалам святочного периода (колядование, гадание и др.), освященным идеей магии первого дня: приуроченность действий к конкретному времени (первому дню, началу цикла) являлась одним из важнейших условий, обеспечивающих действенность данной акции по отношению к будущим результатам, в случае посева - урожай хлебов.

Исполнителями обряда были в основном дети, по большей части мальчики, что, возможно, связано с закреплением в традиции функции сеятеля за представителями мужского пола. В южнорусских губерниях в роли посеващика выступал деревенский пастух. Показательно, что в обоих случаях при посеве семена возвращались к крестьянину через посредников (детей, пастуха), которые сами не участвовали в процессе их выращивания: так, дети, вероятно, брали зерно у взрослых, а пастух получал его за свою работу в конце сезона пастбы.

*«Сею, рассеваю
Овсом, рожью,
Милостью божьей!
На крутой творожок
Пастуху пирожок!"*

1 января – Васильев день (14 января). Для русских девиц весьма важный день, т.к. святочные гадания были в самом разгаре. Наши бабушки думали, что святочные гадания на Васильев день всегда сбывались.

Васильев вечер (*Коляда*) - канун Нового года, приходился на 31 декабря по старому стилю. Свое название вечер получил по имени св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Капподакийской, память которого христианская церковь чтит 1 января (Васильев день). Другое, более архаичное, название праздничного вечера - "*Коляда*" - связано с воплощением новогоднего цикла и одноименным мифологическим существом, которые имеют место в мифопоэтических текстах и представлениях славянских народов. У некоторых славян еще в XIX веке образ Коляды находил материальное воплощение: у поляков, белорусов, западных украинцев Коляду изображал сноп, принесенный в дом на Рождество. Аналогичный обычай ставить на Рождество в красный угол

сноп ржи существовал у русских (см. Рождество Христово). У хорватов было принято изготавливать куклу «*колед*», которую колядующие носили с собой из дома в дом. У русского народа упоминания о Коляде сохранились в новогодних величальных песнях-колядках.

Помимо того, что Васильев вечер являлся конкретной точкой отсчета дней нового года, в рамках святочного цикла он делил весь переходный период к новому годовому кругу на две части: на «*святые вечера*», освященные событием Рождества Христова, и «*страшные вечера*», отмеченные особым разгулом нечистой силы и активизацией пагубной деятельности колдунов.

В этой связи ряд действий и обрядов Васильева вечера носил охранительный характер. Так, домашний скот старались пораньше запереть в хлев и «заговорить» с помощью молитвы: «*Господи, благослови, Христос*». С этой же целью на дверях домов и хлевов писали смолой кресты. В Пермской губернии хозяйки в Васильев вечер трижды «*ездили*» на «*ожоге*» - палке вместо кочерги, то есть, по всей видимости, «объезжали» дом, обращаясь при этом к св. Василию с просьбой, чтобы новый год был счастлив и благополучен. По форме и по сути этот обряд аналогичен очистительно-охранительным акциям, совершаемым в Чистый четверг.

Как с непосредственным рубежным моментом в переходе от старого года к новому, с Васильевым вечером и с Васильевым днем были связаны представления о так называемой магии первого дня. Эти представления реализовались в самых разнообразных сферах жизни человека, если не сказать во всех, так как неукоснительное соблюдение сложившихся в традиции правил поведения, связанных с магией первого дня, если это только зависело от человека, обеспечивало, по народным представлениям, благополучие на следующий год во всем. Так, например, чтобы хорошо одеваться круглый год, в Васильев вечер для встречи Нового года следовало надеть хорошую, новую одежду. Повсеместно у русских существовало также убеждение в том, что если проводить старый год и встретить новый как можно веселее, то он пройдет счастливо. В Новый год не давали денег в долг, чтобы в течение года в них не было недостатка; получить же деньги в этот день считалось очень удачным, так как это предвещало прибыль в новом году. Даже дети на том же основании не давали займы костыг и бабок - игровых эквивалентов денег.

Утром в день Нового года примечали: если первой в дом войдет женщина, это, по

традиционным представлениям, принесет несчастье; а если первым гостем будет мужчина, то - к добру. Магией первого дня обуславливалось также стремление к обильной и сытной еде в Васильев вечер. В определенной связи с магией первого дня находится обычай готовить в Васильев день кашу как обязательное праздничное блюдо, обставляя приготовление особыми обрядами, а затем по качеству каши судить о благополучии в наступающем году. В случае неудачного изготовления «*васильеву кашу*» не ели, а бросали в прорубь, что было своего рода шансом изменить predetermined на будущий год судьбу. Бросание каши именно в прорубь свидетельствует о жертвенном характере данной акции.

Как канун Нового года и конкретная граница между прошлым и будущим Васильев вечер считался в народе временем самых точных и верных гаданий, которые производились в течение всего святочного периода. Наиболее характерными новогодними гаданиями, а в некоторых местных традициях производимыми только в Васильев вечер были гадания на урожай, семейные гадания о судьбе и подблюдные гадания.

Большую роль в святочных гаданиях играл так называемый «*васильевский огарок*» - остаток обожженной лучины. Этот огарок заготавливали вечером накануне Нового года (отсюда название – «васильевский») особым образом. Первый огонь в этот вечер добывали непременно на лучину, которую зажигали угольями из печки, а не с помощью спичек. После того, как лучина обгорала, ею зажигали уже свечу или лампу. А сам огарок, по народным представлениям, обладал защитными свойствами, отгоняющими нечистую силу. Поэтому во время гаданий, предполагающих контакт с «иным» миром, девушка сначала зачерчивалась васильевским огарком, обводя вокруг себя круг, а в завершение гадания той же обгорелой лучиной «*расчерчивалась*», то есть проводила ею по обведенному ранее кругу, но уже в обратную сторону – «по солнцу».

Отсутствие при гадании васильевского огарка или неумение вовремя им расчеркнуться, по рассказам, могло привести к удушению гадальщицы нечистым.

Для смельчаков, не боящихся нечистой силы, Васильев вечер мог стать, по народным представлениям, моментом получения самого богатого клада во всем мире - неразменного рубля. По поверьям, этим рублем владеет сатана и выпускает его из рук лишь один раз в год - в ночь под Новый год. Особенность неразменного рубля состоит в следующем: что бы на него ни покупали, он, едва владелец выйдет из лавки, будет опять у него в кармане; только каждый раз при покупке у продавца надо брать сдачу,

хоть бы и одну копейку. Если владелец рубля забудет это сделать, то рубль вновь вернется к сатане. Чтобы добыть неразменный рубль, по поверьям, нужно в ночь на Новый год посадить в мешок черного кота и крепко завязать мешок на семь узлов, но не веревкой, а концами самого мешка и выйти в полночь на перекресток. К искателю удачи должен подойти посланник сатаны и просить у него продать кота, предлагая баснословные суммы, на что продавцу соглашаться не стоит. Нужно просить только неразменный рубль, и когда дьявол даст монету, продавцу должно бежать домой как можно быстрее и не оглядываться. В это время дьявол старается развязать узлы мешка, и если это ему удастся прежде, чем продавец дотронется до двери своего дома, хотя бы пальцем, то разорвет человека на куски. В противном случае продавец кота становится обладателем неразменного рубля.

Кесаретский поросенок - ритуальное блюдо, непременная принадлежность ужина в Васильев вечер, накануне Нового года. Свое название это блюдо получило, соответственно, по имени св. Василия Великого, или Кесарийского, день памяти которого приходился на 1 января по старому стилю. В народе св. Василий Великий назывался Кесаретским; особенно этого святого чтили пастухи, так как он считался покровителем свиней. В этой же связи Васильев день крестьяне называли еще «*свиным праздником*».

Закалывать свиней полагалось **30 декабря**; в этот же день варили свиные желудки, а так как это был день памяти мученицы Анисьи, у русских он получил название «*Анисьи-желудочки*». По печени и селезенке свиней крестьяне гадали о зиме: ровная и гладкая селезенка - зима будет суровая; если она к спине толще - холода наступят в конце зимы; печень, толстая в середине – стужа начнется с половины зимы; расширение печени к брюху - морозы будут с перезимья, то есть после зимы.

В Курской губернии прежде, чем приступить к поросенку и к ужину вообще, на стол насыпали семена различных зерновых культур так, что они представляли собой изображение креста в круге. Эти семена покрывали скатертью и уж затем садились ужинать. Сначала ели горячее (борщ), а после все вставали, и старший трижды поднимал блюдо с поросенком к иконе и ставил на то место, где под скатертью находились семена. После постановки блюда на место все присутствующие молились Василию Великому, чтобы в хозяйстве водились и свиньи, и другая скотина. Троекратно повторив действия с блюдом и чтение молитвы, семья садилась за стол и продолжала ужин. Во

время вкушения кесаретского поросенка один из маленьких детей сидел под столом и хрюкал. Этого ребенка кормили жарким позже. В некоторых местных традициях глава семьи подавал хрюкающему ребенку кусок мяса под стол.

Использование в новогодней трапезе именно свинины объясняется традиционными представлениями об особой плодovitости свиньи, что подтверждается реальной действительностью: из всех домашних животных свинья приносит наибольший по количеству приплод. Вкушение пищи, приготовленной из такого животного, являлось актом приобщения человека к силам и способностям, которыми животное наделялось в народном сознании.

Обряд съедания кесаретского поросенка представлял собой магическое действие, направленное на вызывание плодovitости скота, урожая, изобилия и благополучия в хозяйстве. После трапезы кости от съеденного поросенка было принято уносить и оставлять в свином закутке; в некоторых местных традициях для этого выбирался кто-либо из гостей, и кости носили в свинарник по одной; в Орловской губернии это делала хозяйка дома.

Кесаретский поросенок являлся не только ритуальным блюдом новогодней трапезы. У зажиточных людей целую неделю от Рождества Христова до Нового года свиная голова стояла на столе. Вареные свиные ноги являлись традиционным угощением для колядующих.

2 января (15 января) – бабки-повитухи справляли в этот день «*смывание лихоманок*». Наши предки считали, что «лихоманки» выгоняются из ада на мороз и ищут пристанища по теплым избам, где есть виноватые люди. И если «лихоманка» отыщет виновного, то и сумеют потрясти и познобить его. Бабки-повитухи ходили по домам и обмывали притолоки. Подарки и угощения оканчивали обряд смывания.

2 января - день памяти св. Сильвестра Печерского. В народе считался **куриным праздником**, когда хозяева чистили и окуривали курятники, произносили заговоры от нечистой силы. В крестьянской среде день св. Сильвестра считался куриным праздником. В хозяйствах чистили курятники, подправляли и строили насесты; в защитных целях стены в помещениях для домашней птицы окуривали. Для того чтобы куры хорошо неслись, а выводки сохранялись и не погибали, в центральных и южно-русских губерниях в курятник помещали «*куриного бога*» - найденный в земле черный камень величиной с гусиное яйцо и с дыркой посередине. Через дырку продевали нитку

и подвешивали «*куриного бога*» на стене в курятнике. Во Владимирской губернии «*куриным богом*» считали не только камень с единственным природным отверстием, но и старый истоптанный лапоть. Его перебрасывали через нашест, на котором сидят куры. Считалось, что наличие «*куриного бога*» обеспечит также хорошее отношение к домашней птице со стороны домового, так как последний, по поверьям, любил попугать кур.

В крестьянском календаре Сильверстов день приходился на период «страшных вечеров», когда, по народным представлениям, особому разгулу предавалась нечистая сила, колдуны и ведьмы. Одним из проявлений воздействия нечистой силы на человека в народе считались болезни.

В Сильверстов день было принято заговаривать страдающих разными болезнями, которые в традиционном сознании олицетворялись в образах двенадцати лихоманок (лихорадок). По народным представлениям, лихорадки были дочерьми царя Ирода, предназначенными для мучения рода человеческого. Над больным произносили заговор, в котором перечислялись имена всех сестер-лихорадок, отражающие симптомы различных недугов: *Трясея, Огнея, Глядея (Глазея), Аваркуша, Храпуша (Хрипуша), Пухлея, Желтея, Авейя, Немея, Глухейя, Каркуша, Ломейя, Дремлея, Дреклея, Ветрея, Смутница, Зябуха*. Считалось, что после заговора лихорадки отступятся от больного.

В Тульской губернии чтобы избавить всех домашних от опасности заболеть, хозяйка скручивала из лоскутков двенадцать куколок размером 5-6 см, изображающих лихорадок, и прикрепляла их к печи.

4 января – любопытные девицы, желая испытать действие своих гаданий, выходили вечером на улицу примечать звезды. Старшая и почетная девушка – всегда дочь богатых родителей – выходила вперед с пирогом, а другие причитали:

*«Ах, звезды, звезды, звездочки!
Все вы звезды одной матушки,
Белорумяны вы и дородливы.
Засылайте сватей по миру крещеному;
Состряпайте свадебку
Для мира крещеного, для пира гостиного,
Для красной девицы,
Свет родимой Анны Ивановны».*

5 января – в деревнях под Крещение собирали снег со стогов, уверенные, что только он может выбелить любую холстину. Снег, собранный в Крещенский вечер, помогал сохранить в колодцах воду чистой весь год, а также исцелял различные болезни.

1-5 января. Наиболее опасные святочные гадания на стыке старого и нового года, когда, по народным представлениям, особенно буйствовала нечистая сила. **«Страшные» гадания** - самые опасные из всех святочных гаданий. Одной из причин опасности этих гаданий является их приуроченность к наиболее стихийному периоду Святков – «страшным» вечерам (с 1 по 5 января), когда кончался старый год и начинался новый. Именно в это время, характеризующееся хаотичностью, зыбкостью и неустойчивостью всего нового в процессе его формирования (времени, пространства, судеб), особую власть, по народным представлениям, получала нечистая сила. Некоторые «страшные» гадания совершались и в Крещение в полдень во время обедни: этот момент был последним рубежом действия нечистой силы.

Для «страшных» гаданий выбирались места, где жила или могла появляться нечисть: баня, овин, перекресток дорог, прорубь на реке, церковная паперть (церкви нередко находились в некотором отдалении от жилых домов и даже около кладбища). Такое гадание могло совершаться и в доме, но при этом не должно было быть никого, кроме гадающего.

«Страшные» гадания могли быть и групповыми, и одиночными, но, как правило, их участниками были девушки, достигшие брачного возраста. Они гадали и о судьбе на будущий год в целом, и о своем суженом. Причем особенностью самых «страшных» гаданий было то, что девушка могла максимально точно увидеть образ конкретного человека, своего жениха, которым во время обряда оборачивалась, по поверьям, нечистая сила.

Одно из «страшных» гаданий в бане или около овина, связанное с обращением соответственно к баннику или овиннику (нечистым духам, хозяевам этих строений), основано на тактильных ощущениях: если девушку по той или иной оголенной части тела погладят голой рукой, быть ей замужем за бедняком; мохнатой рукой тронут - за богатого выйдет, а если никто не тронет – «сидеть в девках» еще год.

Самые «страшные», но одновременно и самые точные гадания основаны на высматривании, так как зрительное восприятие является доминирующим в ориентации

человека в окружающем его мире, а во время гадания оно с исчерпывающей полнотой помогает узнать суженого, за зримым образом которого стоит потусторонняя сила. Наиболее опасны эти гадания и потому, что девушка остается один на один с нечистой силой.

По большей части высматривание осуществляется с помощью предметов и объектов, обладающих эффектом отражения: зеркала (одно или два), вода в колодце или в проруби. В последних случаях гадающая, заглядывая в воду, покрывается скатертью, символизирующей границу между потусторонним и «этим» миром, так что гадающая во время обряда, по сути, находится в пределах «иного» мира, откуда должен появиться образ ее будущего мужа.

Гадания с зеркалом, являющимся, по народным представлениям, одним из каналов связи с потусторонним миром, могли производиться на перекрестке дорог, в бане, под воротами (становятся между воротными столбами лицом к улице, между ног ставят зеркало так, чтобы в нем отражалась улица, и, наклоняясь вниз головой, смотрят в зеркало), дома около печи (одно зеркало кладут на шесток - место между устьем печи и площадкой для топки, другое просовывают рукой в трубу через выюшку – приспособление, закрывающее отверстие в трубе печи над топкой, туда же просовывают голову и смотрят в зеркало на шестке) или у стола, в подполье (стакан с водой ставят на зеркало и смотрят в него через воду).

Наиболее распространенным гаданием с зеркалом является обряд приглашения суженого на ужин в бане или нежилой комнате. Девушка подготавливает два прибора (ножи и вилки никогда не берут, так как в этом случае нечистый зарежет или заколет гадающую), ставит свечи и, смотря в зеркало на отражение окна за левым плечом, приглашает жениха отужинать. В некоторых местных традициях ставили два зеркала - одно напротив другого, и смотрели в образующийся с помощью зеркал коридор, откуда должен был возникнуть образ суженого.

Особенностью всех гаданий с высматриванием жениха является то, что его лицо показывается в том случае, если это незнакомый человек; если же знакомый - то можно увидеть только затылок.

По причине особой опасности «страшных» гаданий их совершали далеко не все, а лишь смелые и решительные девушки. Эти гадания, самые напряженные психологиче-

ски, являлись и наиболее яркими, и запоминающимися. Поэтому значительное количество рассказов о них сохранилось в таком фольклорном жанре, как былички.

6 января (19 января) – Крещенские морозы. Примечали, что если в этот день будет метель, то и на масленицу тоже. Девушки пекли пироги и выходили с ними вечером окликать суженого. **6–7 января (18–19 января)** - церковный обряд освящения воды в канун и в сам праздник Крещения.

Водосвятие (водокрещение - древнерусское, *водокреши* - народное, *водоосвящение* - церковное) - церковный обряд освящения воды, то есть призывания на воду Божьего благословения. Обряд сопровождается троекратным погружением в воду креста и соответствующими молитвами. Водосвятие, совершаемое в навечерие Крещения, особенно почиталось крестьянами: весь день выдерживался строгий пост, церкви во время вечерни были переполнены прихожанами.

Перед обрядом водосвятия деревенские женщины ставили около сосуда с освящаемой водой свечи, украшенные лентами или цветными нитками. После совершения обряда крестьяне старались поскорее набрать в сосуды воды, так как верили: чем раньше почерпнуть освященной воды, тем сильнее ее магические свойства.

Возвратясь домой после водосвятия, все члены семьи отпивали по несколько глотков святой воды, а затем ею с помощью освященной вербы, хранящейся в красном углу, окропляли весь дом, хозяйственные постройки, имущество с целью предохранить хозяйство от беды и сглаза. В некоторых местных традициях святую воду лили в колодцы, чтобы туда не забрались нечистые духи и не испортили воду; причем считалось, что от этого момента до водосвятия после крещенской обедни воду из колодца брать нельзя. После совершения всех очистительных обрядов святую воду ставили в красный угол, где хранили ее в течение всего года.

По народным представлениям, крещенская вода никогда не портится и всегда остается свежей. Верили также, что если ее заморозить, то на льду появится изображение креста. Крещенской воде в народе приписывали целебные, очистительные и апотропейные свойства: ее использовали при болезнях, давали пить тем, кто по каким-либо причинам не мог быть допущен к причастию, ею же окропляли вещи, скот и т.д.

Зимние святки издавна были одним из самых веселых и ярких праздничных периодов. В основу святочного праздничного цикла заложен языческий обряд – поклонение Солнцу, точнее, зимний солнцеворот, отмечаемый 25 декабря по старому стилю.

Именно зимний солнцеворот крестьяне считали началом нового солнечного года. Христианская церковь приурочила к зимнему солнцестоянию три больших праздника: Рождество, день Василия Великого и Крещение. В восприятии народа языческая коляда и христианское Рождество как бы слились в одно празднество и мирно уживаются в народных песнях.

Что же означает слово «коляда»? Некоторые считают, что оно восходит к слову «коло» - круг, как бы отмечая конец одного солнечного цикла и начало другого. Академик А. Н. Веселовский считал, что слово «коляда» связано с латинским названием первых дней каждого месяца – календы, то есть начало.

К последнему дню накануне Рождества – рождественскому сочельнику – заканчивали подготовку к празднику. Это был последний день Рождественского поста, и в качестве обрядового блюда готовили кашу, которой кормили не только домочадцев, но и домашнюю скотину, чтобы все были здоровы и сыты весь год. Зерно – это древний символ плодородия и возрождения новой жизни, и каша из цельных зерен была обрядовым блюдом славян-земледельцев.

К Рождеству пекли специальное обрядовое печенье – козульки или коровки в форме фигурок животных, которые символизировали пожелания благополучия хозяйству и домашнему скоту. Этим печеньем угощали гостей, а крошки добавляли в корм домашней скотине, чтобы лучше велась. Эта традиция была принесена с севера Европейской России, где она сохранялась до XX века.

Утром, после службы в церкви, разговлялись, начиная есть после поста мясную и молочную пищу, для чего готовили обильное угощение. С раннего утра, как только хозяйки начинали растапливать печь, чтобы опередить других, по домам начинали ходить христославы. Это были обычно группы ребятишек, человек по 5-6, которые специально готовились – спевались накануне. Они стучали в дверь или в окно, прося разрешения «*пославить*» хозяев дома. Хозяева охотно приглашали их в дом, хотя нередко группы детей шли друг за другом – одни в ворота, другие из ворот. Зайдя в дом, дети дружно пели рождественский псалом, начинающийся словами:

*«Рождество твое, Христе Боже наше,
Добрый вечер, добрые люди,
Добрый вечер, добрые люди,
Добрые люди, мы пришли».*

А потом поздравляли хозяев с праздником и желали долгих лет.

*«Пришла коляда
Накануне Рождества.
Зароди, Боже, пшеницу
На бычка и на телицу,
И на черную ягницу.
А хозяйке – блинка,
А хозяину – сынка.
С праздником вас,
Хозяин с хозяйшкой!»*

Святочные бесчинства - ритуализованная форма поведения, допускаемая в Святки, но осуждаемая в обычное время и в корне отличающаяся от повседневных норм поведения. Бесчинства нередко творились ряжеными: они опрокидывали в домах кадки с водой, квашни с тестом, обливали присутствующих водой и мазали сажей. Но основными участниками бесчинств были деревенские парни, расходившиеся с посиделок далеко за полночь, иногда - взрослые мужчины.

Так, во Владимирской губернии в ночь под Новый год парни ходили по улице и собирали всякие *«находящиеся не в порядке»* вещи: не убранные сани, сбрую, дрова, ведра, солому и прочее; все это стаскивали в одно место на улице же или за деревней в овраге, стараясь уложить в кучу так, чтобы разобрать вещи было как можно труднее. Иногда оставленные вещи забрасывали на крыши домов. Широко распространена была шутка с бужением хозяина дома, которого, еще не проснувшегося, но высунувшегося на стук из окна, пачкали разведенным в горячей воде навозом.

Молодежь и ряженные рассыпали поленницы, заливали окна снегом с водой, завешивали их оставленным во дворе бельем, замазывали овсяным киселем и навозом. Хозяев домов пугали, скребя чем-нибудь по стеклу или стуча бревнами в красный угол так, что дом ходил ходуном и иконы могли упасть с божницы; завалив ворота и двери избы всяким хламом, озорники для потехи забирались на крышу заваленной избы и выливали в трубу ведро воды; а тем, кого особенно не любили, в трубу сыпали сор, солому и снег, после чего труба замерзала, и оставалось только переложить ее заново.

Бесчинства как особая форма поведения, противостоящая общепринятым нормам,

соотносится со спецификой святочного периода, характеризующегося состоянием хаоса в процессе движения к упорядоченности и становлению миропорядка, а также с феноменом появления на земле в это время нечистой силы. Не случайно основными моментами бесчинств являлись два временных святочных рубежа: ночь на Новый год (начало формирования миропорядка) и ночь на Крещение Господне (праздник, завершающий Святки).

Святочные игрища (вечеринки, вечерки, пляски, повада, посиделки, посидки, сборище, субботка) - форма проведения молодежных собраний во время Святков.

В избу, где проходило игрище, в 5-6 часов вечера первыми собирались девушки, делали последние приготовления и переодевались в праздничные наряды. Чуть позже подходили парни и другие жители деревни. Постепенно вся изба наполнялась народом. Пока молодежь пела, водила хороводы, плясала и играла в игры, взрослое население рассматривало и оценивало наряды парней и девушек, следило за их развлечениями и обсуждало самые разнообразные вопросы. Одни приходили, другие уходили, но шум и веселье продолжались на игрище далеко за полночь. В самый разгар вечерки в избе вдруг появлялась ватага одетых в пестрые, самые немыслимые костюмы людей, которые на определенное время, иногда достаточно продолжительное, завладевали вниманием всех присутствующих.

Начинались игры ряженных, участниками которых становились по очереди все находящиеся в избе. После ухода ряженных пение и пляски возобновлялись.

Ближе к полуночи, когда основная часть взрослых расходилась по домам, молодежь, нередко под руководством пожилых знающих женщин, устраивала гадания. Наиболее смелые отправлялись узнавать свою судьбу в опасные в это время места - на перекресток дорог или к проруби, а самые отчаянные - в баню в полном одиночестве.

Обсуждение гаданий, рассказывание страшных историй, последние пляски и игры завершались к 4-5 часам ночи, и все потихоньку отправлялись по домам. Парни, проводив девушек, нередко продолжали развлечения, устраивая шум и переполох около домов спящих мирным сном хозяев, а также подшучивая над загулявшими мужичками, которые припозднились в гостях и надумали поздно возвращаться домой. К раннему же утру расходились и парни, чтобы отдохнуть и с новыми силами на следующий вечер продолжить гуляние на молодежном игрище.

В переходный период от старого года к новому **игрища** являлись завершающим

звеном в цепи посиделок-супрядок, одной из основных сторон которых было общение девушек и парней в свете формирования брачных пар следующего годового цикла. Если для обычных повседневных посиделок (бесед), начинавшихся почти повсеместно у русских с Покрова Богородицы, обязательным элементом были трудовые занятия девушек (прядение, вышивание), то в период Святков все время игрищ посвящалось разного рода развлечениям и действиям ритуального или ритуализованного характера.

В рамках святочного периода игрища проводились ежедневно, за исключением сочельников (рождественского и крещенского), кануна Нового года и праздника Рождества Христова. В некоторых местных традициях существовал запрет на вечеринки в течение первых трех рождественских дней. В случаях, когда игрища устраивались только до Нового года, молодежь собиралась два раза в день - утром и вечером. Дневные игрища были похожи на обычные гулянья. Вечерние же включали специальные игры и развлечения.

Проведению игрищ предшествовали подготовительно-организационные действия: молодежь нанимала просторную избу для беседы, обычно - у какой-нибудь вдовы или одиноких стариков. В одних случаях это была изба, выбранная еще осенью для девичьих супрядок на весь осенне-зимний сезон; в других - нанимаемая всем молодежным коллективом специально для святочных бесед, называемая «жировой». В зависимости от местной традиции расходы за наем помещения оплачивались либо парнями, либо и парнями, и девушками. Последние перед Святками начищали избу: скоблили полы, мыли лавки и стены. Если молодежи не удавалось снять помещение для игрищ, то девушки устраивали посиделки по очереди в своих избах.

Состав участников игрищ и присутствующих на них варьировал в зависимости от местных обычаев. Большей частью в «жировой» избе собирались представители почти всех половозрастных групп общины. Ведущая роль здесь принадлежала холостой молодежи. На игрищах часто присутствовали парни и девушки из соседних деревень. К гостям, как правило, относились с уважением и старались, чтобы на посиделке чужие девушки не скучали, а парням предоставляли возможность общаться с «баскими» (красивыми) девушками «первого сорта» - самыми пригожими. Тем не менее, с приходящих парней тоже обязательно брали плату за вход на игрище (2-4 копейки), которая шла в пользу хозяина дома. В случае, когда чужак ухаживал конкретно за местной девушкой, ему приходилось выставить «коренным» парням в качестве отступного водку,

иначе его могли побить и даже нанести увечье.

В Вологодской губернии собрание, на котором собиралось очень много чужих девушек, называлось уже не посиделкой, а «*повадой*». Дети на игрищах выступали в роли наблюдателей: младший брат нередко следил не только за общим ходом вечеринки, но и за тем, что происходит вокруг его взрослой сестры. Замужние женщины, женатые мужчины и старики непосредственного участия в забавах не принимали; оставаясь наблюдателями, они вели свои разговоры, обсуждали наряды и поведение молодежи. В результате этих обсуждений нередко складывалась репутация девушек и парней. Мужчины играли в карты и рассказывали анекдоты, сказки, загадки и прочее.

Все собравшиеся на игрище надевали свои лучшие одежды. Но особенно украшали вечеринку наряды молодежи. Девушки готовили к Святкам новые модные и богатые наряды и приносили их прямо в узлах в назначенную для игрищ избу. Бедные девушки старались занять хоть какие-нибудь наряды у подруг и знакомых или вовсе не приходили на святочную посиделку. На протяжении одного вечера было принято менять наряды несколько раз. В Вологодской губернии девушки договаривались одеваться в одежду одного цвета. Так, на игрище в первый день Рождества надевали красные сарафаны и кофты или парочки, на второй - белые, в Новый год - голубые и синие, в Крещение - розовые.

Основными развлечениями молодежи на игрищах было пение песен, пляски, вождение хороводов, игры. В некоторых местных традициях было принято начинать вечер с величания кого-нибудь из пришедших парней, для чего использовалась свадебная величальная песня. Тот, кому спели, должен был одарить девушек деньгами, которые шли в пользу хозяйки дома.

Большинство песен, звучавших на игрищах, не являлись календарно-обрядовыми, их пели и на обычных посиделках. Но особенностью исполнения их в святочный период было то, что все они разыгрывались, то есть сопровождались движениями: девушки, одни или с парнями, ходили рядами, кругами, завивались цепочкой, кланялись друг другу, целовались и т.п. Именно в варианте, когда происходило соединение песни с движением, они воспринимались в народе как святочные и назывались, соответственно, «*святковскими*». Лирические и свадебные песни, таким образом, становились игровыми, или хороводными. Как правило, финалом игры являлся поцелуй парня и девушки.

Традиционно игры с поцелуями были позволительны только в Святки, а на обычных посиделках практически не употреблялись.

Состав песен и последовательность их исполнения были разнообразны; с известной долей условности их можно разделить на три основных типа: наборные, собственно игровые и разборные. Широко были распространены так называемые песни с «отлевами», то есть построенные на вопросах и ответах или диалогах. В большинстве хороводных игр мимикой, жестами и движениями имитировалось то, о чем пелось в песне. Особенно популярны были танцевальные хороводы с прохождением участников под аркой, составляемой из множества пар рук. Большинство святочных хороводов основывалось на выборе пары: либо один или двое водящих ходили под песню внутри или снаружи круга и выбирали себе пару, которая становилась заменой водящего, либо парни, стоявшие в одной шеренге, вызывали к себе девушек из другой.

Мотив выбора пары являлся доминирующим в игровом репертуаре святочных посиделок; нередко на это указывают и сами названия игр «*женитьба*», «*свадьба*». Выбор пары в разных играх мог диктоваться и личными желаниями игроков, и случайным стечением обстоятельств: бросание жребия, угадывание. Распределение игроков парно позволяло создать наибольшую вероятность того, что в конечном счете каждый найдет себе пару по душе, если не благодаря личным симпатиям, то в результате случайного перебора партнеров.

В комплексе святочных игр в «женитьбу» значительная роль принадлежала социально-возрастной группе молодых женщин, вышедших замуж недавно. «Молодухи» и припевали парней к девушкам, перебирая всех по очереди; и руководили ходом каждого игрового сюжета. Иногда в инсценировке таких свадебных мотивов, как встреча парня и девушки, ухаживание, выбор невесты, мужскую роль брали на себя «молодки». Все это свидетельствует о своего рода передаче знаний в игровой форме от уже вышедших замуж тем, кому это предстояло в ближайшем будущем.

Посвяtitельный характер имели также игры ряженых, появление которых на игрище, благодаря их ярким костюмам и эмоциональной форме поведения, вызывало целый комплекс сильных ощущений у присутствующих: и смех, и страх, и стыд, и даже физическую боль. Действия ряженых в комической игровой форме, нередко сниженной и грубоватой, затрагивали сферу сексуальных отношений, вовлекая в свою игру всех находящихся в избе. Особенно это касалось молодежи: так или иначе, каждому парню

и каждой девушке в обязательном порядке, иногда насильственно приходилось вступать в контакт с ряжеными. Избежать этого испытания было практически невозможно, так как «*придверники*» из ряженных старательно охраняли специально закрытую дверь.

Пляски. В конце XIX - начале XX в. значительное место на святочных вечерках стали занимать *пляски* - кадрили, ланчик и др., исполняемые под частушки. Некоторые хороводные игры, относившиеся к старому танцевально-песенному стилю, постепенно тоже превращались в пляски. Считалось, что девушка во время пляски должна была сохранять чинность, держа голову чуть свысока, и сдержанность, не делая лишнего притопа, так, чтобы ни при едином движении сарафан не шелохнулся. Для парней пляска являлась возможностью продемонстрировать свою молодецкую удаль. Чем больше «колен» мог «продробить» танцор, тем большее уважение он вызывал у зрителей.

При всей популярности плясок у молодежи плясовые динамичные движения, резкие верчения, громкие притопывания воспринимались старшим поколением, особенно в старообрядческой среде, как «бесовские» и греховные, поскольку они делали танцующих похожими, по традиционным представлениям, на нечистую силу. В народе верили, что именно во время игрищ от Нового года до Крещенья нечистая сила бежит по улицам, пляшет, и ее привлекают собрания молодежи с плясками. Поэтому в некоторых местных традициях, например на вологодчине, не разрешалось плясать во время «страшных вечеров».

Парни и девушки сами опасались нечистой силы. Чтобы при возвращении с игрища никого «не завело», в Новгородской губернии, например, посиделку заканчивали «*крестом*»: все становились посреди избы так, чтобы получилась форма креста, и под пение менялись местами.

18 января – Афанасьевы морозы. В этот день знахари и колдуны предлагали свои услуги по изгнанию и уничтожению ведьм. Избавителей принимали с радостью, с подарками. Ровно в полночь они начинали заговаривать трубы – обыкновенный путь ведьм – забивать клинья, сыпать золу, а затем отправлялись на край села, где снова повторяли свои магические заклинания. Знахари утверждали, что именно в этот день ведьмы теряют память от излишнего веселья на шабаше.

28 января (10 февраля) – для усмирения домового после ужина в этот день оставляли на печке горшок каши, обкладывая его горячими угольками. Люди верили,

что болезни и несчастья, появляющиеся с этого дня, происходят от лихого домового, которого плохо угостили.

ФЕВРАЛЬ – слово пришло из Византии. Славяне называли его: СЕЧЕНЬ, ЛЮТЫЙ, ВТОРЫЙ, БОКОГРЕЙ, СВАДЕБНИК.

1 февраля (14 февраля) – в этот день необходимо было заклинять губителей стогов – мышей.

2 февраля – сретенские морозы. Оттепель в этот день предвещала холодную весну.

11 февраля – поселяне в этот день служили молебны св. мученику Власию и просили его о покровительстве и защите домашнего скота. Ночью проводили обряд «**опахивания**» - для прекращения коровьей смерти. Обряд проводили только женщины: запрягаясь в соху, троекратно обходили вокруг села с зажженными лучинами и обрядовыми песнями.

1 февраля (14 февраля) - Трифонов день - день памяти мученика Трифона из Фригии. В народной традиции св. Трифон считался охранителем полей и садов от червей, гадов, насекомых и мышей и, соответственно - пособником в земледелии. У русских в случае напасти на посевы червей было принято совершать обход полей с молебном Спасителю, Божьей Матери и угоднику Трифону.

По рассказам крестьян Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии, относящимся к концу XIX века, после принятия таких мер черви на полях иссыхали и пропадали или истреблялись налетавшими вдруг птицами. Подобные крестные ходы с особым молением св. Трифону совершались весной - на Красную горку. В Трифонов день во многих местностях у русских существовал обычай «**заклинать**» **мышей**, чтобы сохранить хлеб в скирдах от их нашествия. Так, для заклинания хозяева приглашали деревенского знахаря, который вынимал из середины скирды с четырех сторон по снопу, а из стога - по клоку сена. Все вытасченное складывалось в печь и поджигалось раскаленной кочергой. Оставшаяся от сожжения зола засыпалась в те места, откуда вытаскивали снопы и сено.

Совершая все эти действия, знахарь произносил заговоры и заклиная: *«Как железо на воде тонет, так и вам, гадам, сгинуть в преисподнюю, в смолу кипучую, в ад крошечный. Не жить вам на белом свете, не видать вам травы муравой, не топтать вам росы медяной, не есть вам белоярой пшеницы, не таскать вам золотого ячме-*

ня, не грызть вам полнотелой ржи, не таскать вам пахнучаго сена. Заклинаю вас, мышей, моим крепким словом на веки веков. Слово мое ничем не порушится.»

15 февраля - СРЕТЕНЬЕ ГОСПОДНЕ (Громницы, Сустретенье) - двенадесятый, то есть один из двенадцати важнейших праздников Христианской Церкви.

В этот день женщины отбирали лучший моток пряжи и выносили его на утреннюю зарю, для того чтобы вся пряжа была белой и крепкой. Этот обычай назывался – **зарнить пряжу**.

В основе праздника Сретенья Господня лежит рассказ евангелиста Луки о принесении сорокадневного младенца Иисуса в Иерусалимский Храм. Согласно древним обычаям, на сороковой день после рождения ребенка израильские женщины должны были совершить в храме послеродовое ритуальное очищение, вслед за которым проводился другой ветхозаветный обряд - посвящение ребенка-первенца Богу Яхве. Необходимость совершения этих обрядов явилась причиной посещения святым семейством храма в Иерусалиме, где и произошла знаменательная встреча Богомладенца с ветхозаветным праведником Симеоном, давшая название празднику.

У русских в крестьянской среде Сретенье не считалось большим праздником. В традиционном сознании название праздника связывалось с представлением о том, что в этот день происходит встреча зимы и лета. Осмысление дня Сретенья как календарного рубежа обусловило приурочение к нему большого количества земледельческих примет. Так, в народе говорили: *«На Сретеньев день снежок - весной дожжок»*.

Капель на Сретенье предвещала урожай пшеницы; тихая и ясная погода - хороший лен. Верили, что ветер в Сретенье отряхивает нечисть с деревьев, что должно обеспечить урожай фруктов. В связи с этим был распространен обычай после сретенской заутрени идти в сад и трясти руками фруктовые деревья. В этот же день хозяйки начинали усиленно кормить кур, чтобы они были носки. В связи с этим обычаем говорили: *«Корми в Сретенье кур овсом - весной и летом будешь с яйцом»*.

5 февраля (18 февраля) - день Святой мученицы Агафьи – покровительницы домашнего скота и пособницы ухода за ним. Чтобы уберечь коров от падежа, помимо совершения обряда опахивания, в хлевах вешали старые лапти, пропитанные дегтем; полагали, что эти предметы отпугивают «коровью смерть».

В некоторых местностях считали, что в день Агафьи Коровницы в дома через дымоходные трубы забирается нечистая сила. Чтобы предотвратить их проникновение в

избы, трубы в этот день закрывали или замазывали глиной, а загнеток печи окуривали чертополохом, которого, по народным представлениям, боится нечисть.

Этот день называли также *Агафьей-голендухой*, так как к этому времени в крестьянском хозяйстве подходили к концу все запасы прошлого года и наступала голендуха, то есть голод.

20 февраля – в этот день нельзя было смотреть на падающие звезды с неба, они предвещали смерть кому-нибудь из семьи.

МАСЛЕНИЦА (*масленка, масленичная неделя, сырная неделя, сырница, белая мясоедь, мясопуст*) - языческий праздник проводов зимы и встречи весны. Первое упоминание о масленице, с описанием всего происходящего в отпущенное ей время, известно только с XVI в., хотя Мясопуст упоминался уже в Несторовской летописи при описании эпидемии язвы в Киеве в 1090 году. Существующее название было, вероятно, связано с большим количеством употреблявшейся во время его проведения масляной жирной пищи.

Масленица относилась к числу аграрных праздников, составлявших подвижную часть народного календаря. Срок ее проведения зависел от даты главного христианского праздника Пасхи. По православным пасхалиям празднование масленицы начиналось за 56 дней до Пасхи и приходилось на время сыропустной недели, предшествовавшей началу Великого поста. Это соответствовало второй половине февраля - началу марта. Среди множества крестьянских календарных праздников Масленица занимала особое место. Она единственная не приурочивалась к конкретным дням христианского календаря и была древнейшим истинно народным праздником, отразившим в себе двойственность крестьянского мироощущения, вобравшего в себя элементы как христианских, так и языческих верований.

Как и любое традиционно значимое народное действие, складывавшееся на протяжении не одного столетия, масленица представляла собой сложный, многоплановый, четко регламентированный ритуал с большим количеством магических составляющих. Она впитала в себя особенности архаических аграрного и скотоводческого празднований проводов зимы и встречи весны, приуроченных ко времени весеннего равноденствия. В них нашли свое отражение и природные, и биологические циклы, которыми издавна определялась жизнь крестьянского общества.

Главной особенностью масленицы было совершение обрядов, имеющих непосред-

ственное отношение как к зимним, так и к весенним календарным праздникам. Период проведения масленицы, однако, не соответствовал в данном случае тому времени года, которому она посвящалась. Так, символическая встреча весны, которую в определенной мере обрядовые действия должны были символизировать и приближать, приходилась на время, когда вокруг исполняющих ритуальные действия людей лежал плотный снег, зима не утратила пока окончательно своей силы, а до действительного прихода весны было еще сравнительно далеко.

Вероятно, все это можно объяснить тем, что первоначально масленичные действия соотносились с началом Нового года, приходившегося по лунному календарю на март (после церковной реформы XVI века, оно было отнесено на 1 сентября - по старому стилю летоисчисления), и празднование масленицы продолжалось более двух недель, захватывая время начала пробуждения в природе. Тогда же, вероятно, Масленица и стала восприниматься как праздник проводов зимы и встречи весны.

Длинная череда постов, введенная христианской церковью до и после ее главного праздника Пасхи, принудила вынести некоторые древние языческие ритуальные действия, не регламентированные жестко по времени церковным календарем и предназначенные стимулировать природу в день солнцеворота, за начало запретного времени. Таким образом, период проведения масленицы сократился до одной недели, и она оказалась передвинутой в первую неделю облегченного поста, носившую в церковном календаре название «сырной» или «мясопуста» и предстоящую времени Великого Поста.

В сырную неделю мясо употреблять было уже нельзя, а сыр, масло, рыбу и яйца еще можно. Именно это временное положение позволяло исполнять главное правило масленицы - накрывать обильные сытные столы со всевозможной снедью и употреблять в пищу большое количество разнообразной молочной пищи: сметаны, сливок, творога, коровьего масла, молока, а также яиц, рыбы, различных круп, пирогов, блинов, кваса, пива и вина. Богатая масленичная еда, её подчеркнутая избыточность, вероятно, исторически имели непосредственное отношение к магии первого дня Нового года, когда они должны были символизировать собой весь окружающий мир и предназначались, возможно, для разделения его благ между всеми участвовавшими в ритуальных действиях.

Помимо обильного угощения обязательным условием масленицы было исполне -

ние различного рода обрядовых действий, направленных на благо крестьянской общины. Масленица вобрала в себя целый пласт разнообразных разновременных традиций, правил, обрядовых действий и развлечений. В ней переплелись аграрные и семейные обрядовые действия, отголоски языческих и христианских представлений о человеческом существе и устройстве окружающего мира. Наиболее важными ритуальными элементами, составлявшими суть праздника, были следующие: 1) поминальные: обряды, связанные с поминовением усопших родителей и родственников и употреблением ритуальной пищи: блинов, лепешек, оладий, пирогов, хвороста и пр.; 2) обычаи, связанные с молодоженами; смотры молодоженов, гостевание их у родственников и знакомых; 3) масленичные развлечения: катание с ледяных гор и на лошадях, строительство снежных городков; 4) проводы Масленицы: зажигание костров, проводы-похороны, масленичные поезда, ряженье.

Праздновать Масленицу начинали с понедельника следующей недели. Для всего русского населения предстоящие семь дней были самым веселым и любимым временем в году. Каждый из них имел собственное название: понедельник – *«встреча»*; вторник – *«заигрыши»*; среда – *«лакомка»*; четверг – *«разгул»*, *«перелом»*, *«широкий четверг»*; пятница – *«тещины вечерки»*; суббота – *«золовкины посиделки»*; воскресенье – *«проводы»*, *«прощенье»*, *«прощеный день»*, *«целовальник»*.

На основной территории России встреча масленицы, как правило, не отмечалась специальными ритуалами и не всегда даже происходила в первый день праздника. Но прихода ее очень ждали и к нему заранее тщательно готовились: заливали на морозе крутые склоны берегов рек, строили высокие ледяные и снежные катальные горы, снежные крепости и городки, висячие и круглые качели, на ярмарках сооружали балаганы для представлений кукольников.

Катальные горы начинали возводить примерно за одну-две недели до праздника. В этом процессе принимали широкое участие молодые незамужние люди обоего пола и молодые мужчины. К Масленице обязательно строили одну большую искусственную гору для всей деревни. Кроме нее могло существовать и еще несколько более мелких горок, а для детей заливали лед возле ворот домов.

Для верхней части горы - головы или гузна - вкапывали вертикально четыре высоких столба, от которых вниз, на наклонные слуги, полого начинали укладывать параллельно друг другу близкие по диаметру бревна. Всю конструкцию замазывали конским

навозом и покрывали утрамбованным снегом, который несколько раз поливали на морозе водой до появления толстой гладкой ледяной корки на катальной поверхности, имевшей невысокие защитные бортики и называвшейся скатом или катищем. Продолжением его служила специально расчищенная в снегу и залитая водой до замерзания длинная дорожка - улица, раскат, хвост. Если гора располагалась на берегу реки или озера, то раскатом служил расчищенный на них естественный лед.

По всей длине пробега гору и улицу с обеих сторон часто украшали вкопанными елками, вениками, снежными обледенелыми фигурами с нарисованными углем лицами, а в темное время освещали фонариками и зажженными факелами из намотанной на шесты пакли или очесов. Для катания использовались разнообразные специально заранее изготовленные приспособления: ледянки - обмазанные навозом и покрытые льдом решета; обледеневшие шкуры домашних животных и рогожи; катанки или буки - старые подмороженные корзины; лотки - распиленные пополам чурки с уплощенным подмороженным основанием и выдолбленным сверху углублением; козлы, скачки, подки, корежки - долбленые из дерева ладьи с сидением в середине; катульки - заостренные впереди и выдолбленные сверху доски; скамейки, салазки и пр. Все они затаскивались на гору при помощи привязанной впереди веревки.

Катание с ледяных гор было одним из обязательных зимних развлечений спортивно-ритуального типа во время масленицы. Это занятие получило широкое распространение на всей территории России, от крайнего Севера до южных губерний. Оно служило удобным поводом для знакомства и совместного времяпрепровождения молодой незамужней молодежи, а также своеобразного представления крестьянской общине недавно образованных новых брачных пар - молодоженов.

В течение всей зимы горы служили постоянным местом развлечения для детей, преимущественно мальчиков. В обычное время для катания использовали высокие естественные образования в виде холмов или берегов рек, но только с наступлением масленичной недели это занятие приобретало массовый характер и получало ритуальную окраску. Катание с гор в крестьянской традиции рассматривалось не только как праздничное развлечение, но и как определенное ритуальное действие. Поэтому первыми его начинали девушки и женщины. Девушки катались по одной или группами на донцах от прялок. По длине их пробега судили, как далеко от дома они выйдут замуж и кто из них лучше прядет. После них с магической целью, «на долгий лен» - для полу-

чения лучшего урожая льна – на перевернутых обледенелых скамейках, санях без оглобелей и таких же прялочных донцах под смех и свист зрителей начинали кататься замужние женщины.

После них горка предоставлялась для всех присутствующих, и тогда уже катались все, кто как хотел. На одну обледенелую кожу усаживалось иногда до десяти человек. Так как горы были излюбленным местом знакомства и подбора возможных брачных пар, молодые люди и их родители имели здесь возможность присмотреться друг к другу повнимательнее и показать себя с выгоднейшей стороны.

Парни приглашали кататься понравившихся им девушек на нарядных расписных салазках. Они усаживали одну или двоих из них к себе на колени и, отталкиваясь от стенок горы руками для лучшего разгона, начинали спуск. Если все проходило удачно, то парень имел право поцеловать девушку. Если же санки опрокидывались в снег, то он это право утрачивал. В некоторых губерниях парню разрешалось поцеловать девушку, которую он катал, только в последний день праздника. В некоторых местностях девушки при катании сажали на колени парней или, если умели хорошо управлять салазками сами, катали друг друга. Когда пара съезжала с горы на шкуре или рогоже, то парень садился впереди, а девушка становилась сзади на колени и обнимала его за шею. По деревенским правилам парню не полагалось катать одну и ту же девушку больше трех раз.

В некоторых богатых крестьянских семьях, где имелись девушки «на выданье», братья устраивали горы специально для сестер. В таких случаях посылали «*позваторок*» ко всей родне с приглашением присылать кататься своих детей и приходить самими угощаться блинами. Посланцев полагалось угостить вином и блинами. Отказываться в таких случаях считалось неприличным, но если визит не представлялся возможным, то отказ должен был быть хорошо аргументированным. Пришедших гостей с почестями встречали у ворот дома, а потом старались попотчевать как можно лучше. На подобных катаниях также было принято присматривать себе суженых.

Главным символом праздника являлось *масленичное чучело* - Масленица женского или мужского пола, одетая в традиционный крестьянский костюм соломенная или деревянная кукла, снежная баба или специально избранный для этой цели человек, наряженный самым фантастическим образом в разномастную старую одежду.

Этот персонаж мог быть представлен на празднике антропоморфной фигурой из

соломы или дерева, имевшей женский или мужской облик, или реальным человеком, исполнявшим ту же роль. Масленичные чучела были известны во многих регионах России, но наибольшее распространение они получили в южных губерниях страны. Делали как Масленицу, так и Масленика, которые использовались как обособленно, так и попарно. Готовили их в первые дни сыропустной недели молодые замужние женщины и девушки, собиравшиеся для этой цели в доме какой-нибудь пожилой крестьянки. На сноп соломы, служивший основой для туловища, привязывали оборкой голову и руки, также из жгутов соломы, и прикрепляли большие груди из пучков пеньковых очесов. Сверху на всю конструкцию надевали праздничную, украшенную полихромным браным ткачеством, вышивкой и аппликацией рубаху, яркий ситцевый сарафан или вышитую цветными шерстяными гарусными нитями клетчатую поневу и орнаментированный фартук. На голову концами назад повязывали красный ситцевый или шелковый фабричный платок. При изготовлении изображаемому персонажу старались не просто придать форму, ассоциирующуюся с человеческим телом, но и обязательно гипертрофировать присущие тому или иному полу особенности: У Масленицы изображали большую грудь, а у Масленика подчеркивали мужские признаки. Одним из важнейших обрядовых действий при изготовлении такой куклы было ее одевание. Костюм масленичного чучела должен был быть старым, ветхим, рваным, а иногда на него надевали еще и вывороченную мехом наружу шубу. При этом как солому для тела Масленицы, так и все предметы ее одежды следовало обязательно собирать из разных домов или покупать в складчину, превращая исполняемую размером в рост человека фигуру в обрядовый символ деревни или села и подчеркивая, таким образом, сопричастность с актом ее создания всех членов конкретной крестьянской общины. Как правило, персонаж наделяли еще и личным именем - Дуня, Авдотья, Гаранька и пр.

В середине XIX в. в некоторых местностях России было принято, чтобы роль Масленицы во время обрядовых действий праздника исполнял какой-либо крестьянин, специально выбранный для этого обществом. Его выряжали в ветхую и рваную разношерстную одежду своего или противоположного пола, снабжали многочисленными нелепыми аксессуарами и средствами передвижения. В Московской губернии такой человек, одетый самым фантастическим образом, с песнями и кривляньями выезжал в поле или в лес на лошади, убранный рогожами, мочалами, лаптями, рванными выцветшими половиками и т.п., запряженной в старые разваливающиеся сани. Его с шумом

сопровождала туда толпа односельчан. За деревней Масленица переодевался в обычное платье, и после этого все участники возвращались обратно в деревню.

В Вологодской деревне молодой парень, исполнявший ту же роль, разъезжал на детских санках, запряженных маленьким жеребенком в соломенной сбруе. В Пензенской губернии парня с помелом и кочергой в руках усаживали на пару перевернутых борон, запряженных телятами и жеребятами, и так возили по деревне.

Самыми важными считались последние четыре дня праздника, называвшиеся «широкой» или «разгульной масленицей». Накануне их следовало обязательно вымыться в бане и смыть с себя все тяготы и несчастья прошедшего года. В домах прекращали какую-либо постоянную работу, начинали ходить в гости к родственникам и знакомым, кататься с гор, развлекаться, ездить по ярмаркам и пр. К этому времени приурочивалось исполнение большого количества инициационных обрядов, связанных в основном с чествованием «новоженов» - молодых супругов, вступивших в брак в этом году. Их валяли в снегу, катали с гор на примороженных шкурах животных и саях, сажали на перевернутые бороны, заставляли «выкупать» друг друга у веселящихся односельчан и пр. Дети и подростки ходили по домам, где жили молодые, распевая специальные песни - колядки и требуя от хозяев угощения за свои старания:

*«Погляди на огневку –
не найдешь ли гривенку,
Погляди в сундучок –
не найдешь ли пяточок,
Кто не даст полушку - уведем телушку,
Кто не даст денежку - уведем девушку,
Кто не даст лепешку - разобьем окошки,
Кто не даст пирога, разобьем ворота,
Вот хозяин-господин графин водки выносил,
Стакан водки наливал, песенникам подавал».*

Хождение в гости и поглощение большого количества всевозможной жирной масляной пищи, присутствие в масленичной трапезе в качестве обязательного ее компонента блинов, блинчиков, оладий, пряженцов, хвороста, блинных пирогов, одаривание родственников подарками являлось неременным условием правильной и достойной встречи праздника. Для успешного сытого существования людей в наступающем году

следовало «*потешить масленицу*», что означало щедро ее встретить и достойно проводить. «*Хоть с себя что заложи, а масленицу проводи*».

Катание на лошадях начиналось с четверга или пятницы сырной (масленичной) недели и достигало своего апогея к последнему ее дню. Катались на лучших, преимущественно расписных, санях. В некоторые из них, имевшие борта, для удобства сидящих ставили скамьи. Выезды запрягали одной, двумя или тройкой лошадей. К этому времени крестьяне готовились особенно тщательно. Сбрую коней украшали металлическими бляшками, разноцветными нитяными или кожаными кистями, бумажными цветами, лоскутами ткани и бахромой; на расписные дуги подвешивали колокольчики с разным звучанием, бубенцы, шелковые банты, завязывали яркие платки, прикрепляли «бранные» вожжи. Сани застилали пестрыми коврами или меховыми полостями, свешивая большие их концы сзади для всеобщего обозрения. Гривы лошадей расчесывали или заплетали в косички, убирали лентами и различными подвесками.

Съезжие дни подчинялись определенному распорядку и происходили в деревнях и селах в заранее отведенные им дни. В это время туда и съезжались со всей округи все желающие повеселиться. Катание обычно начиналось с середины дня. Праздничные выезды с седоками медленно двигались по главной улице или вокруг деревни. В некоторых крупных селениях в съездках участвовало до 600-800 лошадей. Откатавшись в одной деревне до вечера, крестьяне на завтра перемещались в другую, а потом - в следующую. В воскресенье гуляющие отправлялись кататься на масленичную ярмарку в самое крупное село или небольшой волостной город. Там заранее готовились к такому важному событию. В начале и конце катального пути перед центральной площадью устанавливали специальные праздничные ворота, которые, как и всю трассу, украшали хвойными ветками, лентами и разноцветными висячими фонариками, заживавшимися с наступлением сумерек.

Катающиеся, среди которых преобладала незамужняя молодежь, обряжались в свои лучшие наряды: меховые крытые шубы и шапки, вышитые рубахи, яркие сарафаны и шали, новые валенки и пр. Женщины, несмотря на морозы, не надевали варежек, желая похвастаться кольцами на пальцах. Девушки, стремясь привлечь к себе внимание потенциальных женихов, белили и румянили лица, подворачивали полы у шуб, демонстрировали их меховые подбои. Одинокие молодые парни, как правило, ездили верхом, а не в санях.

В праздничном катании принимали участие и дети всех возрастов. Грудных детей тщательно укутывали, заворачивая в толстые шали, нарядные одеяла и шубы. Девочкам повязывали красные ситцевые платки, прикрепляли им на голову бумажные цветы и блестящие перья селезней. Иногда несколько девушек или девочек объединялись и нанимали для катания красивые сани с лошадьми и возницей у какого-нибудь богатого односельчанина. За это они должны были или отработать ему услугу летом или собрать оговоренное количество овса на прокорм лошади. Такие услуги за определенную плату так же, как и заимствование праздничной одежды для поездок, если своя казалась не особенно красивой, были достаточно широко распространены в крестьянской молодежной среде. Пожилые крестьяне катались отдельно от молодежи.

Развлекались и шутили на гулянье не только парни и девушки, но и люди среднего возраста. Иногда на сани ставили горящую печку, и какая-нибудь разбитная баба разъезжала на ней по деревне, выкрикивая прибаутки и выпекая на ходу блины. У загостившихся приезжих из другого села выпрягали из саней лошадь или подрезали ей хвост и т.д.

Во время катания некоторые упряжки выезжали из общего строя, и гуляющие направлялись в гости к родственникам, жившим в том селе, где проходил праздник. После положенного в таких случаях угощения они опять возвращались в общую компанию.

Наивысшей точки всеобщее веселье достигало в последний день праздника - воскресенье. Но с первым ударом вечернего церковного колокола все устремлялись в свои деревни, так как катание после этого считалось неуместным, и следовало уже начинать просить *«прощение»* у близких и знакомых, как того требовала традиция Масленицы. Начиналось заговенье на Великий пост.

Воскресенье являлось последним днем праздника. В этот сравнительно короткий отрезок времени совершалось значительное число наиболее значимых ритуальных действий. В разных регионах России они имели разное воплощение.

Сформировавшиеся в далеком прошлом в стройную ритуальную систему все масленичные обрядовые действия имели определенную аграрно-магическую направленность, которая должна была способствовать жизнеспособности и обильности нового урожая, процветанию деревни, успешной хозяйственной деятельности людей. Она включала в себя обряды, связанные с пробуждением земли и природы; очистительные

обряды, направленные на защиту благополучия людей и изгнание враждебных им сил за пределы конкретного жилого пространства и, хотя к XIX - началу XX века большая их часть утратила свое истинное ритуальное значение и носила уже почти чисто развлекательный характер, некоторые обряды еще сохраняли ярко выраженный языческий облик.

Пограничная сущность Масленицы, отмечавшей собой рубеж зимы и весны и сытой веселой жизни, с одной стороны, и аскетизм, голодание и покаяние Великого поста, с другой, превратили ее в один из обрядов устранения отжившего зла и продуцирования плодородия и изобилия, что во время ее проведения, несомненно, способствовало созданию атмосферы праздничного мироощущения. Масленица была временем, когда все было дозволено. Поэтому она давала большие возможности для выражения общественного мнения в различных формах осмеяния существовавших порядков, поведения отдельных личностей и т.п. Выработался и специфический язык этого праздника в виде определенных форм и символов, основой для появления которых послужили древние ритуальные языческие действия.

Масленичная обрядность с ее первоначальной яркой аграрной направленностью к концу XIX века уже в основном утратила свою строгую обрядовую структуру, но полностью еще сохранила всю присущую празднику игровую сторону. Веселье как обязательная часть ритуального действия, вероятно, должно было обеспечить всем участникам развлечений и представлений благополучное, сытое, безбедное существование в продолжение всего приближавшегося нового аграрного года.

Эротическая окраска многих обрядовых действий и шуток диктовалась их направленностью на повышение плодородия как природы, так и каждого конкретного человека. Исполнение песен, танцев, хороводов, ряжение в маски и нелепые одежды участников проводов масленицы также имело, несомненно, в прошлом магическое значение, утраченное со временем.

Проводы масленицы (*похороны, масленичный поезд*) - обрядовое действие, совершавшееся в последний день праздника. В XIX - начале XX века проводы Масленицы были отмечены исследователями во всех губерниях России. Однако на различных территориях ритуал этот имел значительные отличия. В одних местностях он был в форме сожжения масленичного чучела, в других - в виде проводов-похорон.

В северных, центральных и поволжских губерниях, таких как Архангельская, Воло-

годская, Петербургская, Ярославская, Владимирская, Тверская, Нижегородская, масленица в последний день праздника подвергалась ритуальному уничтожению огнем - сожжению на специальном костре.

Символ праздника участники масленичного поезда привозили или приносили насаженным на шест сразу после гуляния и объезда деревни, ближе к сумеркам. При этом все сопровождавшие громко пели, смеялись и кричали. Масленичный поезд насчитывал в иных местах несколько сот лошадей. Участники процессии часто обряжались в соломенные колпаки и кафтаны, которые также бросали позднее в костер. Масленица в этом поезде могла иметь различные воплощения: соломенной или деревянной куклы; снопа с нарисованным лицом, надетого на жердь; сосновой или еловой ветки, украшенной лентами, платками и бубенцами, или живого, выбранного для этого человека в определенном одеянии. В сожжении масленичной куклы принимало обязательное участие всё население данного села или деревни, но главным исполнителем ритуала являлась молодежь.

С привезенных украшенных веток девушки снимали перед сожжением платки и лоскуты ткани, которые выполняли, вероятно, ту же функцию, что и повешенные на надгробия поминальные полотенца, отвязывали бубенцы, по крестьянским представлениям, отпугивавшие своим звоном злых духов и привлекавшие внимание умерших предков. Все это действие сопровождалось жалобной песней:

*«Шли, пошли солдатушки из-за Дона,
Несли ружья заряжены,
Пускали пожар по дубраве,
Все елки, сосенки погорели,
И сама масленица опалилась...»*

После этого парни поджигали костер. Действие это обставляли со всей возможной торжественностью. В костры бросали блины, лепешки, яйца – предметы, издавна имевшие отношение к ритуальной погребальной трапезе. В знак расставания с Масленицей во многих местах с высокого места или берега реки сбрасывали или скатывали горящее тележное колесо, разбрасывавшее вокруг себя снопы искр.

В разных губерниях обряд этот проводился не одинаково, но общим для всех было театрализованное действие с привлечением большого количества участников обоого пола различных возрастных категорий, включавшее всех жителей деревни.

Особенной пышностью и выразительностью отличались масленичные поезда в селах и городах Сибири. Действие проводов здесь разыгрывали по различным сценариям. В одних поселениях Приангарья участники-мужчины имитировали привычные для крестьян сельскохозяйственные и подсобные работы: пахали и боронили снег, сеяли и жали хлеб, пряли пряжу, ловили рыбу. В других во время обряда они исполняли, наряду с привычными действиями, и вообще не свойственные им роли, разъезжая на санных: мяти в мялках лен, стирали в корыте белье, толкли в деревянной ступе угли, отбивали косы.

Главным смысловым значением подобной акции было очищение от влияния на жизнь крестьянского коллектива старого, отжившего времени года и создание нового мира, что и выражалось в смешении основных жизненно для него важных повседневных занятий и включении их в сакральное действие.

В некоторых районах в масленичном поезде шествие открывали сани с соломенным чучелом, признаки пола которого утрированно подчеркивали (в роли Масленицы мог также выступать живой человек). Его усаживали на колесо, надетое на закрепленный в центре саней вертикальный шест. В руках чучело «держало» бутылку, стакан и кусок коровьего масла. Там же помещали еще стол с выпивкой и закуской и деревянное корыто. На других санных везли лодку с рваным неводом. Поезд сопровождали по деревне «нарядчики» с вымазанными сажей лицами, одетые в лохмотья. Участники поезда изображали рыбаков, рыб, плещущуюся воду; били в пустые бочки, горланили песни, выкрикивали прибаутки - одним словом, всячески старались привлечь к себе внимание окружающих.

Процессия останавливалась у домов зажиточных крестьян и разыгрывала перед ними целые представления, где каждый из участников действовал в соответствии с заранее определенной ему ролью. Неводом перегораживали деревенскую улицу, и изображавший «рыбу» парень бился в нем, пока его не «убивал» растрепанным кнутом один из «рыбаков». После этого все участники поезда дружно пели величание хозяевам, за что обычно получали от них полагающееся в подобных случаях вознаграждение - водку, которую тут же выпивали, сидя в санных за столом и играя в карты. Затем вся толпа - участники вместе со зрителями - перемещалась к следующему дому.

Русское население Алтая для шествия в последний день масленичной недели организовывало целые поезда. Для них в деревнях использовали деревянные лодки, а в

селах - несколько соединенных вместе больших плетеных коробьев с высокими бортами, употреблявшихся для перевозки угля. Иногда первые сани поезда украшали воткнутыми вертикально метлами с привязанными на них полотенцами, изображавшими паруса. Сами же сани в таком случае называли «кораблем».

Особенно помпезно обставлялись такие выезды в горно-заводских районах. Средства передвижения, составлявшие масленичный экипаж, в количестве 4-5 штук, соединяли между собой досчатым помостом. На нем располагался человек, олицетворявший собой Масленицу, называвшийся «царь» и руководивший действиями участников поезда и толпы во время всего обрядового действия. Этому персонажу шествия позволялось больше, чем другим, и поэтому он вел себя крайне раскованно: подражал крикам животных, зверей и птиц; отпускал шутки эротического характера, горланил песни и старался при этом всячески подчеркнуть необычность своего положения и состояния. На том же помосте находился шумовой оркестр, состоящий из нескольких самодельных скрипок, бубнов, барабанов и стрёмен.

Во главе поезда шествовали старик со старухой. Первая приплясывала и перекидывала в руках запеленатую соломенную куклу, изображавшую младенца. Старик, одетый в мохнатый меховой костюм и высокий киргизский малахай, держал в руках лук со стрелой. Один конец ее прикреплялся к тетиве, а на другой была прицеплена маленькая металлическая воронка. Одежду старика украшали нашитые на нее тушки мертвых зайцев, ворон, воробьев. Он кривлялся и стрелял снегом в собравшихся. За стариком чинно шествовали «вельможи» в разноцветных бумажных костюмах и песенники, которые громко пели:

*«Шли наши ребята
Из Ново-города,
Красная девица
На улице стоит,
Всем молодцам
По поклону отдает,
Единому молодчику
Пониже всех...»*

По языческим поверьям, круг или колесо также воспринимались земными предметами, олицетворявшими собой образ столь почитаемого у крестьян небесного светила

- солнца. Суточное и годовое движение солнца объединяло в единый цикл времена года и делало возможной их повторяемость. Колесо было сходно с ним по своей геометрической форме и характеру вращательно- поступательного движения и поэтому воспринималось, вероятно, как предмет, способный объединять пространство, преодолеваемое им во времени.

В мифологии встречается также и образ весеннего солнечного героя, изображавшегося обычно в виде катившегося с горы колеса. Но в некоторых местностях колеса расписывали изображениями «темной силы». В таких случаях сожжение последнего могло, вероятно, восприниматься как избавление от их вредоносного влияния.

Прощёное воскресенье - (*проводы, прощальник, прощальное, прощёный день, целовник*) - последнее воскресенье масленицы, во время которого в крестьянской общине совершался обряд взаимного прощения грехов и обид, имевший религиозно-очистительный смысл и связанный с поминовением усопших. Сведения о нем известны по историческим источникам с конца XVII века. В этот день, а в некоторых местностях накануне его, в Родительскую субботу, крестьяне, преимущественно женщины, посещали могилы родственников, заказывали панихиды. Они собирались группами около десяти человек и в полном молчании шли на кладбище просить прощение у покойных за нанесенные им когда-то невольные и вольные обиды. Возле каждой могилы пришедшим положено было отбить три поклона, положить на могильный холмик принесенное из дома для умерших поминальное угощение - блины, покрошенные пряники, пшеничную крупу, иногда водку - и просить их разделить с ними ритуальную трапезу. После совершения положенных традицией всех обрядовых действий пришедшие так же молча уходили обратно в деревню.

В этот день замужние женщины для стимуляции будущего урожая льна для всей общины должны были до четырех часов дня три раза объехать вокруг деревни, закрывшись с головой платками, и успеть вернуться домой до начала церковной службы.

Молодоженам первого года жизни в прощёный день полагалось вместе ездить к отдельно живущим родителям, старшим родственникам, крестным матери и отцу, куму и куме прощаться и одаривать их подарками: полотенцами, платками, пряниками, брусками мыла. Родители новорожденных детей также ездили «прощаться» к кумовьям и одаривать их подарками за ризки и зубок.

Основные же обрядовые действия прощёного воскресенья происходили с нас-

туплением первых сумерек, после окончания ритуальных проводов масленицы, догорания праздничных костров и завершения всеобщего веселья. Суть их состояла в том, что все члены крестьянской общины, родственники, знакомые должны были повиниться друг перед другом и испросить прощение за все нанесенные в прошедшем году обиды. Так же следовало поступать и при встрече на улице с незнакомыми и случайными пришлыми людьми. Поэтому при первых же звуках «печального благовеста» - церковного колокола, созывавшего к вечерней службе, участники праздника, гулявшие как в своей деревне, так и оказавшиеся с санным поездом в другом месте, срочно спешили вернуться по домам.

После окончания церковной службы крестьяне начинали ходить к родственникам и знакомым, совершая положенный многовековой ритуал - давая милостыню. Традиция предписывала приход младших членов общины к старшим, бедных к богатым. Пришедший прощаться становился на колени у входа и обращался к хозяевам со словами: *«Простите меня со всем вашим семейством в чем я нагрубил вам в этом году!»*. Присутствовавшие должны были ему на это ответить: *«Бог вас простит и мы тут же!»*. После этого прощающий и прощенный целовались в знак примирения и угощались последний раз вместе.

После положенного числа посещений масленичная неделя и праздник считались законченными, и все расходились по домам на ужин - *заговины*. Там вся семья садилась за стол с последним перед Великим постом сытным обильным ужином, заключительным блюдом в котором обязательно была яичница. По завершении трапезы все члены семьи усердно молились и после этого выполняли обряд «прощения». Начинали его самые младшие, обращаясь по очереди с положенными многовековой традицией словами в порядке очередности к своим старшим братьям и сестрам, родителям, бабушкам и дедушкам. Все присутствовавшие должны были также повторять это действие по старшинству. В обратном порядке оно не совершалось, т.е. у младших просить прощения не полагалось. Последней «прощалась» мать с отцом. Глава же семьи не просил извинения ни у кого из своих близких.

Прощёные дни не являлись ритуальным действием, выполнявшимся только в крестьянской среде. В летописных источниках имеются сведения о том, как они проходили в среде царей и цариц и в их окружении. Как правило, «прощаться» там начинали с середины масленичной недели. С этого времени государь объезжал, поминая роди-

телей, все близлежащие городские и окраинные монастыри. Он со всей монастырской братией одаривал находившихся там паломников, калек, нищих и юродивых. В субботу в покои к государю, согласно установленному порядку, для исполнения обряда приходили патриарх со всем духовенством, бояре и прочие служилые люди. Вечером, простив всех, уже сам царь направлялся к патриарху испросить «прощения» для себя, своей семьи и народа. Эта церемония заканчивалась торжественным обедом, заключительным действием в котором являлась *«прощальная чаша»* с вином.

Устойчивость в народной среде традиции сохранения и отправления обрядовых действий прощеного воскресенья объясняется несомненной его связью с почитаемым крестьянством культом умерших предков. Сама церемония испрашивания прощения по своему смысловому значению и по сценарию исполнения напоминала ритуальное прощание с провожаемым на тот свет покойником. Умершие воспринимались в народном сознании, с одной стороны, как члены человеческого сообщества, связанные в силу определенных магических причин как с миром живых людей, так и с царством загробных теней. Поэтому их продолжали воспринимать членами семьи, составлявшими единое целое с ее живыми представителями. Поддержание с ними постоянной связи, уважительное отношение, стремление поделиться с ними плодами своего труда и угощением, по представлению крестьян, позволяло рассчитывать на ответное расположение и помощь предков при возникновении всевозможных житейских проблем, связанных с выращиванием и сохранением урожая, увеличением плодovitости скота, укрощением разрушительных сил природы. Связующим звеном между живыми людьми и их покойными предками являлись, по народным верованиям, старики.

Возможно, воскресенье выделилось в череде праздничных масленичных дней еще и потому, что, в соответствии с мифологическими христианскими представлениями о конце мира и человека, ожидалось светопреставление именно в воскресенье. Все вышеописанные причины превратили последний день разгульной шумной масленицы в важный подготовительный этап при переходе к строгому посту. Он не только напоминал людям о необходимости помнить мертвых, но и располагал их к милосердию к живым, приучая с детства к необходимости кормления нищих, сирых и убогих. Человек на время отстранялся от собственных житейских проблем и обращал свое главное внимание на духовное и физическое очищение. Духовная значимость прощеного воскресенья переносилась и на бытовую сторону жизни, что нашло свое отражение в пого-

ворках, связанных с обычными крестьянскими занятиями: «В Прощёный день ясно - в Христов день ведрено, в Целовник снег - к урожаю».

МАРТ – коренные славянские названия этого месяца БЕРЕЗОЛ, СУХИЙ, МАРЗЕЦ, ПОЗИМСКИЙ. В старину март считался первым месяцем в году, и этот счет изменился только в начале XV века, когда год начали считать с сентября, март был уже седьмым месяцем в году, а с 1700 года он стал по счету третьим месяцем в году.

Чистый понедельник - народное название первого дня первой недели Великого поста. Говорили, что в этот день *«ничто нечистое не должно ни входить в уста, ни выходить из уст»*. Основное церковное значение этого дня - это приобщение к святому, размежевание с предшествующим временным периодом, с греховной масленичной неделей. В этот день пост был особенно строг. Предписывалось *«сухоядение»*: не варили ничего горячего, употребляя только тертый хрен с квасом и солью. Встречаясь, крестьяне поздравляли друг друга с началом поста: *«Здорово заговелись на хрен, на редьку, на белую капусту»*.

Повсеместно в чистый понедельник было принято топить баню. Но мылись не только для очищения тела. Мытьё символизировало очищение души после разгула масленицы, её обновление в преддверии поста и исповеди. Оно также служило границей, отделяющей масленицу от поста.

Хозяйки, начиная с этого дня готовить постную пищу, «очищали» посуду от остатков скоромной: перемывали ее со щелоком, пережигали в печи, сковороды накаляли докрасна, обваривали кипятком, а затем натирали речным песком. Иногда старую посуду разбивали, но чаще всю посуду, в которой готовили и из которой ели скоромное, выносили в погреб или кладовку, доставая «постные» горшки, миски и ложки, которые хранились для поста отдельно в течение всего остального времени года.

Кое-где обязательно мыли также кадушку из-под питьевой воды, наполняя ее чистой ключевой или речной водой. Остатки скоромной пищи сушили, оставляя их до Пасхи в погребе, зарывая в закромах в пшеницу, или скармливали скоту и курам.

Тужилки по масленице (*«тужить по масленой», «малая масленица»*) - продолжение масленичного гулянья или проявление отдельных его элементов на первой неделе Великого поста, чаще в чистый понедельник, иногда в субботу или воскресенье, осмыслявшегося как сожаление, горевание об ушедшей масленице, окончательное размежевание с ней и очищение после ее греховного разгула в начале поста. Во

многих местах в субботу первой недели устраивались молодежные гулянья с угощением постными блинами.

Часто в этот день собирались только девушки и женщины с работой, при которой пение песен и веселье считалось грехом. В Вятской губернии существовала иная традиция: девушек из окрестных деревень подруги звали на гуляние в свою деревню уже через два дня после начала Великого поста, они жили в гостях по два - три дня и ходили на гулянья и «вечорки», на которых веселились, плясали и пели.

1 марта (14 марта) – окличка весны или плюшниха, день памяти святой преподобной мученицы Евдокии. В этот день в деревнях начинали кликать весну – женщины, парни и девки влезали на кровлю амбаров и пели:

«Весна красна!

Что ты нам принесла?

Красное летичко.»

После оттепели появляются «плюшки» - так называемые полосы, разделяющие лед и снег на клочки. Снег получает особую целительную силу, и для больных его собирали с пригорков и поили снеговой водой от различных недугов.

В старину Евдокию в народе называли «Весенницей», так как считали, что она заведовала у Бога весной и хранила ключи от весенних вод, которые по желанию выпускала на землю раньше или позже. Поэтому ее уважали, боялись и в день её памяти не работали. К XIX веку день Евдокии потерял свое прежнее значение и стал второстепенным церковным праздником, не отмеченным ни торжественной службой, ни запретом на работу.

День 1 марта предвещал, какой будет приближающаяся весна. «*Евдокия красна - и весна красна*». Если было холодно, весну ожидали позднюю: снег долго не сойдет, и скот придется кормить в стойлах на две недели дольше. И наоборот, если «*у Евдокии - вода*», то «*у Егория теплого - трава*». «*Если курочка на Евдокию напьется талой воды, то овечка на Егория наестся*».

О времени наступления и о характере весны судили также по направлению ветра: «*Отколь ветер на Плющиху подует, оттоль придет и весна*». По погоде этого дня предсказывали и погоду на лето: «*Если Евдокия с дождем, то быть лету мокрому*». Вообще ясная, хорошая погода в этот день предвещала хороший урожай.

4 марта – грачевники – в этот день прилетают грачи, первые весенние птицы. Обряд был связан с первым прилетом птиц и началом таяния снегов. Сопровождался пением закличек, действиями с жаворонками (ржаным печеньем) и очистительными обрядами.

Главными участниками обряда были дети и девушки. Начало весны связывалось в народе с такими природными явлениями как прилет птиц, капель, таяние снега, ледоход, разрушение санного пути, увеличение долготы дня и т.п. В зависимости от климатических условий в различных областях расселения русских эти признаки проявлялись в разное время, а следовательно и обычаи встречи весны, тесно связанные с природными условиями, благоприятными для начала сельскохозяйственных работ, были приурочены к различным датам православного календаря.

В мифопоэтических представлениях переход от зимы к весне осмыслялся как «пробуждение» земли. С давних пор главным среди признаков, предвещавших наступление весны, был прилет птиц. Появление перелетных птиц уже само по себе соотносилось с наступлением тепла, таянием снега. *«Как черная тропинка, так птички прилетают из теплых стран»*. В весенних закличках и хороводных песнях рассказывалось, как *«пташечка-полеташечка»*, кулик, галочка или ласточка–«ключница» летели к Богу, просили Его дать людям весну или приносили ключи, чтобы отпереть весну-лето и запереть зиму. Крестьяне верили, что перелетные птицы проводят зиму в стране *«вырей»*, находящейся за морем. Первыми возвращаются оттуда жаворонки или кулики, которые ведут за собой сорок птиц, несущих весну на своих крыльях. В старину страна *«вырей»* в народных представлениях связывалась с потусторонним миром, местом пребывания предков.

Прилет первых птиц обычно соотносили с одним из весенних праздником, в который и закликали весну. В этот период проводились превентивные ритуалы, направленные на изгнание нечисти и гадов (змей, насекомых и т.п.): сожжение старой соломы, мусора, обметание и мытье домов и дворов; обряды обновления жилища, утвари и пищи (мытьё дежи, разбивание старой посуды, обметание печи, заготовление нового помела, мутовок и т.п.); ритуалы обновления огня.

В целом, ритуалы ранневесеннего периода могут быть охарактеризованы как ритуалы пограничного типа, относящиеся к переходному ритуально-мифологическому комплексу, связанному со сменой старого и нового хозяйственного года.

9 марта (22 марта) – сорок сороков. С этого дня начинаются утренние морозы и продолжаются ровно 40 дней. Если эти утренние морозы будут продолжаться постоянно – лето будет теплое.

Народное название церковного дня памяти Сорока мучеников - христиан, которые под пытками иноверцев - язычников пошли на смерть, но не отреклись от своей веры. Особое значение этому дню придавала его близость к весеннему равноденствию - одной из ключевых точек календарного года. По народным представлениям, на Сороки сорок птиц на крыльях приносили весну.

В этот день из теста выпекали птичек, и с ними дети закликали весну. По народным представлениям, весну приносили на крыльях прилетавшие в этот день с юга 40 птиц, первой из которых был жаворонок или кулик. На юге России существовала поговорка: *«Прилетел кулик из-за моря, принес воду (весну) из неволя»*. При этом, жаворонки, прилетевшие раньше дня Сорока мучеников, по народным представлениям не означали наступление весны. В народе говорили: *«Они никудышные, прилетят и смерзнут, а уж тот, что на Сороки, тот настоящий»*.

На чье поле первое в день праздника опустятся жаворонки, тому сулили удачу и урожай. В большинстве русских губерний жаворонок занимал центральное место в обрядности встречи весны. Чтобы приблизить ее приход, хозяйки пекли из пресного или кислого теста птичек – «жаворонков», которых называли детьми или братьями перелетных птиц, их рассаживали на проталинах, крышах, деревьях и стогах, с ними закликали весну.

Хотя день Сорока мучеников часто считали началом весны, по народным приметам, он предвещал холода и заморозки. В некоторых местах бытовала легенда, что весенними утренниками наказали людей сорок праведников, замученных в Севастийском озере. *«Сорок мучеников торят путь-дорогу сорока утренникам»*, *«Сорок мучеников - сорок утренников»*, - говорили крестьяне, полагая, что настоящее весеннее тепло наступит только через 40 дней. При этом смотрели, пройдут ли 40 утренних заморозков подряд, тогда ожидали теплое лето. Чтобы окончательно прогнать зиму и обезопасить будущие всходы от неожиданных заморозков, в некоторых местах закликали мороз. В Новгородской губернии так же, как и во многих других, каждая хозяйка пекла 40 «орехов» из ржаной и овсяной муки, а потом на протяжении 40 дней по одному выбрасывала их на улицу с приговором: *«Мороз, Красный нос! Вот тебе хлеб и овес! А*

теперь убирайся подобру, поздорову».

Сорок шариков, испеченные из хлебного теста **9 марта**, имели особое ритуальное значение и в других сферах крестьянского хозяйства. Чтобы куры неслись дома и не ходили по чужим дворам, 40 «яичек» из теста укладывали во дворе в 40 маленьких гнездышек. В некоторых южнорусских деревнях 40 шариков, называвшихся, как и сам праздник – «*сороки*», хранили до Егорьева дня, когда скармливали их скоту, выгоняемому в первый раз на луга. Также, чтобы обеспечить благополучие скота, в некоторых местах в Сороки давали животным кусочки специально испеченного пирога или «жаворонка».

В Сибири день Сорока мучеников считали исключительно «*праздником баб и девок*», которые, почитая его, не работали, в то время как мужики и парни продолжали выполнять повседневные нетяжелые работы. Возможно, это объясняется ведущей ролью женщин в обрядах встречи весны.

АПРЕЛЬ – коренные славянские названия: ЦВЕТЕНЬ, ЧТЕРНИК, ТРАВЯНЫЙ, НАЛЕТНИЙ.

Вербное воскресенье - воскресенье на шестой неделе Великого поста, последнее воскресенье перед Пасхой. В этот день церковь отмечает двенадесятый Господний праздник - ***Вход Господень в Иерусалим***.

Суббота, предшествующая Вербному воскресенью, также считается праздничной, она называется Лазаревой, так как, по церковному преданию, в этот день Христос воскресил Лазаря, на нее приходятся основные приготовления к празднованию Вербного воскресенья.

Христианство связывает с Вербным воскресеньем идею милосердия и человеколюбия, которая в патриаршие времена находила в день праздника конкретное воплощение. После торжественного шествия патриарх принимал в своих палатах, в трапезной, калек, убогих и нищих, которых собственноручно с большим почтением к ним потчевал, затем омывал им ноги, а в завершение - одаривал милостыней.

В XIX веке празднование значительно упростилось. В субботу, а особенно в воскресенье, в церкви проводились праздничные службы и разрешалось послабление поста. В деревнях в эти дни старались не работать, а к празднику готовили разнообразные кушанья из рыбы, пироги - рыбники. В городах и в сибирских деревнях обязательным блюдом субботнего праздничного стола была икра. Канун Вербного воскресенья в

некоторых местах шумно и весело праздновала молодежь. За три-четыре дня девушки начинали собирать продукты, из которых в субботу варили брагу, готовили рыбный «курник», кашу и пекли гречневые блины. В полночь молодежь с пением песен выходила на улицу. Около ворот каждого дома, где жили новобрачные, парни и девушки останавливались и кричали: *«Отопри, отопри, молодая, вербушкою бить, здоровьем больше прежнего наделить»*. Молодая отпирала ворота, и толпа входила с песней: *«Был бы урожай хлеба, скота умноженья»*. В избе слегка ударяли спящих вербой, приговаривая: *«Верба хлест, бей до слез»*; *«Вставай рано, бей барана»*; *«Бьем, чтобы быть здоровым»*. Последней били молодую, когда она кланялась, провожая поющую молодежь за ворота. Вернувшись в избу, где заранее было приготовлено угощение, молодежь веселилась, ела блины и кашу, а остатками угощали мальчиков, пришедших наутро поздравлять с праздником.

В народе верба, освященная в этот праздник, считалась священной и наделялась магическими свойствами. Утром праздничного дня взрослые хлестали веточками вербы детей, приговаривая: *«Верба красна, бей до слез, будь здоров!»*. Освященные веточки хранили на божнице весь год или до Егорьева дня, когда ими выгоняли скот.

Магия пасхальной заутрени - магические действия и словесные формулы, совершаемые и произносимые в церкви во время пасхальной службы или во время её на «границе» с иным миром: на перекрестке, у воды. Более распространенными и менее предосудительными, с точки зрения народной христианской морали, считались приговоры, произносимые по ходу пасхальной службы. Когда перед открытием царских врат священник отдергивал занавеску, от чего был слышен шорох, крестьяне произносили про себя: *«Шаркни, Боже, по душе, по телу, по жене, по деткам, по моему здоровью»*, а крестьянки твердили: *«Шаркни, Боже, по батьке, по матке, по братьям, по сестрам, по моим животам, по моему здоровью»*.

Во время пасхальной службы девушки шептали: *«Воскресение Христово! Пошли мне жениха холостого, в чулочках да в порточках!»* или *«Дай Бог жениха хорошего, в сапогах да с галошами, не на корове, а на лошади!»*

Надо отметить, что отсутствие девушки на пасхальной службе могло сослужить ей плохую службу. Например, в Сибири считалось, если девушка проспит пасхальную заутреню, ей достанется плохой муж: бранливый, ревнивый и пьяница. Односельчане говорили о ней с укоризной: *«Христовску заутреню проспала»*. То же относилось и к парням.

Пасхальный крестный ход также считался благоприятным моментом для колдовства. Рыбаки Вятской губернии во время обхода вокруг храма – *«встречи Христа»* - отщипывали от своей свечи небольшой кусочек воска и клали его за пазуху, а саму свечу прилепляли, входя в церковь, к двери или к косяку, приговаривая про себя: *«Как сюда валит теперь народ, так бы шла летом и рыба в сети»*. Кусочек свечного воска приносили домой и хранили до начала рыбной ловли.

Для воров в тот же момент церковной службы предоставлялась возможность обеспечить себе успех на весь год. Считалось, если вор украдет хотя бы мелочь и никто этого не заметит, то его весь год не поймают.

ПАСХА (*Паска, Христов день, Великдень*) - великий двенадесятый праздник церковного православного календаря Светлое Христово Воскресенье, самый торжественный и радостный христианский праздник. Он символизирует обновление и спасение мира и человека, торжество жизни и бессмертия над смертью, добра и света над злом и тьмой.

В православии Пасха - наиболее важный для верующих праздник: *«царь дней», «праздник праздников», «торжество торжеств»* называет его церковь.

«Пасха» - слово древнееврейское, в переводе оно означает - переход, прохождение. По закону Моисея, празднование этого дня было установлено древними иудеями в память об исходе из египетского плена, в знак благодарности за освобождение и поддержание беглецов во время их долгого странствия.

Христианская Пасха является памятью об искупительной жертве Сына Божьего Иисуса Христа, о смерти его на кресте и воскрешении. Значение праздника в спасении всех верующих людей от духовной смерти, даровании им жизни вечной, благодаря искуплению Христом первородного греха Адама и его победе над силами зла, дьяволом, разрушению ада. Спасение, принесенное в мир Христом, как освобождение от греха, коснувшееся как уже умерших праведников, так и еще не родившихся, символизировало свободу выбора, а подвижничество и жизнь Христа указывали путь к Богу. Христианская Пасха отмечается после иудейской, так как по церковной истории накануне иудейской Пасхи после праздничной вечери Христос был предан апостолом Иудой Искариотом в Гефсиманском саду, обречен на муки и распят в первый день праздника (15 день месяца нисан по лунному иудейскому календарю), а воскрес в ночь с субботы на воскресенье.

Время празднования Пасхи рассчитано на много лет вперед и записано в таблицах - пасхалиях, через каждые 532 года числа, дни недели и фазы луны повторяются, следуя в том же порядке, они составляют великий пасхальный круг. По календарю празднование всегда приходится на промежуток между 4 апреля и 7 маем по новому стилю. О дате праздника русские крестьяне узнавали в церкви у священника или от церковного старосты. На западе России были известны и народные способы исчисления Пасхи. Так, зная, что Пасха всегда празднуется после полнолуния в последнюю четверть, а на «заговины» (прощеное воскресенье перед Великим постом) всегда приходится новолуние, наблюдали луну в Рождественские праздники и по количеству недель высчитывали длину мясоеда, а, следовательно, начало поста и Пасху.

В деревнях в пасхальную ночь, как только зазвонят колокола, возвещающие о воскресении, тут же все освещалось огнями. Здание церкви и колокольня покрывались огоньками фонариков, развешенных накануне, около церкви вспыхивали костры; за околицей деревни, на перекрестках дорог, на холмах и высоких берегах рек поджигали смоляные бочки, которые иногда поднимали на шестах. Угли, оставшиеся от костров, наутро собирали и закладывали под застрехи крыши, чтобы оградить дом от молнии и пожара. Свечу, с которой обходили крестным ходом вокруг церкви, также сохраняли, приписывая ей магические свойства. Во многих местах перед началом и по окончании праздничной литургии было принято стрелять из ружей. Кое-где стреляли преимущественно охотники, в уверенности, что непременно убьют выстрелом черта, и в то же время желая обеспечить себе удачную охоту в течение года.

После службы крестьяне, не успевшие освятить в Великую субботу разнообразную снедь для пасхальной домашней трапезы, выстраивались в церковной ограде в ожидании священника. Они стояли в два ряда, мужчины с непокрытыми головами, женщины в праздничной одежде, каждый держал в руках скатерть с куличом, на котором горела свеча.

За освящение «пасхи» крестьяне бросали в чашу со святой водой, из которой кропил священник, мелкую медную монету - гривенники и пятаки. На севере Новгородской губернии после окончания пасхальной службы и освящения куличей как можно быстрее бежали домой разговляться, так как верили, что тот, кто быстрее прибежит, раньше других управится с урожаем, все до последнего зернышка соберет со своего поля.

Во многих местах любые развлечения в день Пасхи - светские песни, пляски, игра на гармошке, выпивка - считались в народе неприличием и большим грехом. На Русском Севере и в Сибири в первый день праздника крестьяне старались избегать всяких удовольствий, сидели дома, проводя время в еде, питье и отдыхе. Хождение к соседям в гости в этот день или вообще считалось неприличным, или начиналось только под вечер – «с *пужинальной поры*». Основное празднование, начало молодежных гуляний – «игрищ» приходилось на следующий день праздника, который изобилдовал развлечениями. Но часто святая часть праздника отделялась от разгульной пасхальными молебнами, обходами домов прихожан крестным ходом: священником в сопровождении причта и крестьян с церковными иконами и крестами в руках.

После пасхальной трапезы только на следующий день начиналось праздничное гулянье. По окончании пасхальной литургии на церковной колокольне собирались мальчишки, парни, девушки, иногда взрослые мужики и бабы, благодаря их стараниям колокольный звон не смолкал с раннего утра и до 4 - 5 часов вечера с первого дня Пасхи до конца пасхальной недели (до субботы).

Празднично одетая молодежь собиралась на улице, где специально к Пасхе устанавливали качели. Играли гармошки, девушки и парни плясали, пели песни, парни и мужики соревновались в различных играх, в том числе и в играх с пасхальными яйцами, остальные жители деревни приходили посмотреть. Часто наибольшее празднество происходило в одной из деревень прихода, куда собирались гости, в особенности молодежь. В некоторых деревнях к этому дню также приурочивались ярмарки. Нередко с этого дня начинались девичьи хороводы. Взрослые, отправляясь в другую деревню, гостили у родственников, пили, угощались, пели застольные песни. Если же ходить в гости на Пасху в данной местности было не принято, тогда женщины и мужчины собирались компаниями отдельно друг от друга, бабы беседовали, мужики играли в карты.

Кое-где в этот день или в один из дней пасхальной недели родители обрученных приглашали друг друга в гости. Во время трапезы обрученные парень и девушка, сидевшие рядом в красном углу, становились центром всеобщего внимания, их угощали водкой, высказывали пожелания. Парень должен был при этом ухаживать за девушкой, обращаться к ней на «вы», по имени - отчеству или со словами «нареченная моя невеста», подавать на тарелке сладости. После обеда жених с невестой в обнимку катались на лошади по деревне.

В некоторых местах существовало поверье, что в первый день Пасхи можно увидеться с умершими родственниками и даже побеседовать с ними. Знающие люди советовали для этого незаметно спрятаться в храме со страстной свечой в руках в то время, когда все остальные выйдут крестным ходом из церкви. Когда она опустеет, души умерших начнут собираться, молиться и христосоваться между собой. Чтобы побеседовать с умершими, знающие люди прибегали к способу, называемому *«окликать покойников»*.

Пасха, по народным представлениям, характеризуется особым состоянием мира. Границы между реальным и потусторонним мирами становятся прозрачными, и появляется возможность общаться с умершими, видеть то, что ранее было недоступно. Крестьяне верили, что накануне праздника, после захода солнца, опасно выходить во двор, на улицу, так как там ходят черти-оборотни. Черти в это время особенно злы. С первыми ударами колокола они падают с колокольни, на которой до этого прятались, а после пасхальной заутрени оказываются связанными и замурованными на чердаках, в темных углах дворов, в церковных стенах. Если с зажженной пасхальной свечой прийти на чердак, то можно увидеть связанного черта, а услышать мучения и возню чертей в церковных стенах можно, приложив к стене ухо. Чтобы распознать ведьм, советовали встать с заговоренным творогом у церковных дверей, когда люди начнут собираться на службу. Если при этом держаться за дверную скобу, можно распознать проходящих мимо ведьм по хвостам. Другой способ - обернуться во время службы - все колдуны будут стоять спиной к алтарю. А если, одевшись во все новое, стоять с первым вынутым из-под курицы яйцом в руке, узнаешь всех колдунов по рогам.

С наступлением пасхального утра мир преображался. В аду переставали мучить грешников, двери рая раскрывались, поэтому умерший в этот день обязательно попадал в рай, каким бы грешником он не был. В народе верили, что в Светлое Христово Воскресенье вся природа ликует, а солнышко радуется. Рано утром выходили на улицу смотреть на него, забирались повыше на пригорки и крыши. Считалось, если солнышко «играет» - это к хорошей и здоровой жизни, к богатому урожаю и счастливым свадьбам, а если только чуть-чуть или не «играет» вовсе, говорили, что год плохой будет.

По свидетельству И.П. Сахарова, старушки на рассвете пасхального утра умывались с золота, серебра и пасхального яйца, чтобы разбогатеть и помолодеть, а старики

расчесывали волосы, приговаривая: *«Сколько в голове волосков, столько бы было и внучат»*.

С Пасхи начинался особый сорокадневный период, во время которого считалось, что ворота в раю не закрываются, так же как царские врата в церкви. В старину в народе рассказывали, что было время, когда солнце не заходило всю пасхальную неделю, и была она, как один день. В течение 40 дней (от Пасхи до Вознесения) по земле ходят апостолы во главе с Христом, переодетые нищими, и смотрят, как люди Бога помнят, закон Божий исполняют, ближнему помогают, поэтому на протяжении всего этого времени крестьяне привечали и потчевали нищих. По этой же причине в некоторых местах существовал запрет что-либо выбрасывать или выливать из окон, так как *«Христос под окнами ходит»*.

Яйцо - атрибут весенне-летних земледельческих обрядов. Крашеное освященное яйцо занимает центральное место в пасхальной обрядности. Оно стало знаком, символом праздника Пасхи. Церковь видит в нем символ гроба Господня и возникновения жизни в самых недрах его. При этом красный цвет, в который по традиции окрашивают пасхальные яйца, рассматривается как символ возрождения верующих *«кровью Христа»*. Подобным образом объясняли обычай красить яйца и русские крестьяне.

Согласно преданию, обычай обмениваться крашеными яйцами в Пасху был установлен Марией Магдалиной, подарившей красное яйцо императору Тиверию со словами: *«Христос воскрес!»*. В вологодской деревне существовало также убеждение, что сам Христос завещал красить яйца в красный цвет.

Окрашивать яйца начинали на Страстной неделе в Чистый четверг или в Страстную субботу, которую из-за этого кое-где называли *«Красильной»*. Наиболее часто их красили естественными красителями: луковой шелухой, березовыми листьями, чебрецом, отваром «зеленицы». С конца XIX века в широкий обиход начали входить покупные краски, а также кусочки красящей материи, которые использовали для этой цели, при этом яйца становились пестрыми. В некоторых местах яйца на Пасху красили не только в красный цвет. Использование с этой целью березовых листьев делало их зелеными или желтыми (в эти цвета их чаще окрашивали на Троицу). Освящали их в церкви вместе с куличом и творожной пасхой или в Страстную субботу, или по окончании пасхальной литургии в воскресенье.

В Сибири, как и во многих других местах, в каждой семье вечером Страстной субботы все сваренные и окрашенные яйца делились между старыми и малыми поровну. Каждый уносил свой пай и хранил его в неприкосновенности до следующего дня, когда мог распоряжаться им на свое усмотрение. Старая христианская традиция - обмениваться в церкви при христосовании крашеными яйцами в знак любви и братского единства верующих. Их дарили как в этот день, так и на протяжении Светлой недели родственникам, знакомым и соседям, приходившим поздравить с праздником, брали с собой, когда шли в гости, раздавали нищим за помин души. В пятницу на пасхальной неделе было принято угощать яйцами пришедших в гости к теще молодых, в особенности зятя, о чем говорилось и в поговорке: *«Есть зять - готовь решето яиц»*. На Пасху, когда, придя с заутрени, садились за трапезу разговляться, яйцо съедали первым.

Его брали на кладбище христосоваться с покойными, чтобы и они разговелись. При этом одно или пару яиц крошили на могилу или оставляли около креста целыми, а иногда даже закапывали. Крестьяне верили, что птицы, для которых на могилу клали раскошенное яйцо, помянут умершего и будут просить за него Бога, благодаря этому душа его получит облегчение на том свете.

Освященному яйцу приписывались магические свойства. С его помощью можно было приоткрыть завесу в потусторонний мир и увидеть то, что обычно не доступно человеческому глазу. Рассказывали, что, если выйти с пасхальным яйцом на перекресток и покатить его вдоль одной из дорог, выскочат черти и пропляшут трепака. Незаменимым считалось пасхальное яйцо и при поиске кладов. Нечистая сила, охраняя клад, не дает его в руки, обманывает человека, пугает, застилает ему глаза, но если подойти к месту, где зарыт клад, с освященным яйцом, черти сами испугаются, разбегутся, и клад сделается доступным. Если в первый день Пасхи вскоре после службы прокатить яйцо в каждом углу двора, можно найти черта в шапке-невидимке. Как только это случится, надо схватить шапку-невидимку и надеть её на себя, но при этом надо быть очень осторожным, чтобы черт не схватил охотника первым.

Если не могли долгое время найти утопленника, также прибегали к помощи пасхального яйца, его бросали в реку, и над тем местом, где находился утопленник, вода начинала крутиться.

В земледельческих обрядах пасхальное яйцо символизировало зарождение новой жизни, семя, его соприкосновение с землей должно было пробудить ее от зимнего сна,

оплодотворить. Таков смысл ритуальных действий, которые, по убеждению крестьян, способствовали получению богатого урожая. С этой целью во время пасхального обхода домов священником яйцо зарывали в зерно, которое он кропил святой водой и освящал.

Освященные на Пасху яйца клали в севалку с зерном и брали с собой в поле при засеве. Перед началом работы крестьянин или съедал яйцо сам, сидя на борозде, или закапывал в землю, или разбрасывал его кусочки по пашне. Верили, что эти действия предохраняют посевы от непогоды, болезней и вредителей. Такую же магическую силу приписывали и скорлупе от освященных яиц.

На Пасху обычно заготавливалось такое количество яиц, что зачастую съесть все на протяжении праздников не могли. В Рязанской губернии хозяйки солили оставшиеся яйца впрок: их разрезали пополам, складывали в кадку, пересыпая каждый слой яиц солью, сверху клали кружок и камень для гнета. Впоследствии соленые яйца ели с квасом и луком на завтрак или ужин во время полевых работ.

25 марта (7 апреля) - БЛАГОВЕЩЕНИЕ - великий двенадесятый богородичный праздник православной церкви (Благовещение Пресвятой Богородицы). Этот день посвящён благой вести, которую получила Дева Мария от архангела Гавриила – что она родит сына и зачатие будет непорочным.

Благовещение считается церковью третьим по важности праздником после Пасхи и Рождества. Церковное празднование его имеет разную продолжительность и зависит от того, приходится ли он до Лазаревой субботы или после. Если он предшествует ей, праздничное служение в церкви проводится в течение трех дней, если совпадает, то в течение двух, а если 25 марта выпадает на Страстную или Пасхальную неделю, его отмечают один день. Когда на это число приходится Пасха, сначала служат благовещенскую литургию и только потом приступают к пасхальной.

День, в который происходит это совпадение, называется *«кириопасха»*, то есть *«господственная»*, *«настоящая»* Пасха. В сам праздник в храме совершается литургия святого Иоанна Златоуста, отличающаяся от других служб Великого поста особой торжественностью. Тропари канона этой церковной службы представляют беседу архангела Гавриила и Девы Марии, а по ходу ее возглашается: *«Днесь спасения нашего главизна и еже от света таинства явление»*, так как в благовещении и зачатии Христа церковь полагает начало спасения рода человеческого.

Празднование этого дня на Руси имеет давние традиции и в прошлом во многом отличалось от известного в конце XIX - начале XX века. В Москве XVII века, накануне Благовещения в Верховном Благовещенском соборе патриарх совершал особый «чин хлеболомления». Благословив *«благодарные хлебы и вино»*, он делил на куски все, кроме одного, который целым подносил вместе с чашей вина государю, по ломтю благословленного хлеба раздавалось боярам, служилым людям и всем присутствующим в храме, часть хлебов и вина отсылалась в Палаты государыне, не присутствовавшей на службе. В день Благовещения царь, в большом царском наряде, в сопровождении бояр стоял обедню, после которой по его приказу в комнате и передней Царских палат, а также в помещениях Аптекарского приказа происходило кормление нищих и раздача денег.

В народном календаре XIX - XX веков Благовещение было одним из самых почитаемых праздников. Его нередко сопоставляли с Пасхой, важнейшим праздником для православных: *«Каково Благовещение, таково и Светлое Христово Воскресенье»*, а иногда даже ставили выше Пасхи: *«Благовещение - самый большой праздник у Бога, даже грешников в аду не мучают»*. Рассказывали, что однажды, когда Благовещение совпало с Пасхой, священники, забыв отслужить благовещенскую службу, сразу приступили к пасхальной. *«Христовску заутреню и обедню отслужили, а света никак дожидаться не могут, солнце не встает. Несколько раз принимались они за пасхальную службу, ничего не помогало до тех пор, пока не додумались отслужить благовещенскую, только тогда стало светать. Пригляделись, а солнце уже на западе, так и не пожелало оно светить в этот день людям»*.

Признавая важность праздника, народ, тем не менее, не отмечал его весельем, тем более что чаще всего день 7 апреля приходился на период Великого поста. Поведение человека в течение этого дня должно было наиболее приблизить его к Богу. Этому способствовало посещение церкви, строгое соблюдение запретов, отдых от дел, сосредоточенные раздумья о божественном, отвлеченность от насущных хозяйственных проблем, допускались только размеренные беседы о севе, пахоте, урожае. Нарушение этих предписаний считалось грехом и грозило несчастьями.

Рано утром крестьяне, нарядившись в лучшую, непременно чистую одежду (иначе считалось грехом прикасаться к священному), отправлялись в церковь к заутрене, а возвратившись садились обедать. Церковью в ознаменование праздника разрешалось

в этот день некоторое послабление поста: можно было есть рыбу, пироги - рыбники и растительное масло. Крестьяне также не считали грехом пить в этот день вино.

Большое значение в народных представлениях Благовещение имело еще и потому, что это одна из четырех ключевых точек года, связанных с солярным циклом: Рождество - зимний солнцеворот, Благовещение - весеннее равноденствие, Иванов день (Иван Купала) - летнее солнцестояние и Воздвижение - осеннее равноденствие. На Благовещение земля «просыпалась», начинался период наибольшей активности всего живого, заканчивающийся на Воздвижение, после которого земля снова «засыпала» на зиму. Как все праздники переходного календарного периода, Благовещение было важной временной границей. В народе, считавшем Благовещение началом весны, говорили: *«Щука хвостом лед разбивает»*, *«Весна зиму поборола»*. В этот день пробудившаяся ото сна земля открывалась и выпускала на поверхность гадов - змей, лягушек, мышей, насекомых, а также нечистую силу. К этому празднику приурочивали прилет птиц, пробуждение пчел, мух, медведя. Но, если они обнаруживали себя до наступления Благовещения, это сулило холодную весну, голодный год. По этой же причине до наступления Благовещения нельзя было тревожить землю: копать, рыть, сеять, сажать, устанавливать столбы или чинить заборы; ходить в лес, вывешивать на дворе одежду.

Во многих местах весну на Благовещение не только встречали, но и приглашали, кликали, гукали, зазывали ее угощением - хлебом и пирогами. В Калужской губернии женщины и девушки после праздничной службы, собравшись вместе, «закликали весну»: *«Зво'нок колокол благовещенский; потиху звонит, далеко слышен; зарецкие, перерецкие, передайте на нашу сторону, на нашей стороне три барина, три хорошие, три барыни, три хорошие и т.п.»*, трижды прокричав эти слова, они расходились по домам праздновать.

Одной из примет весны крестьяне считали «игру» солнца и приговаривали: *«И солнышко радуется празднику»*, когда оно на восходе трепетало, играло лучами и переливалось разными красками. На солнце ходили смотреть также на Пасху и на Ивана Купалу, по его игре предсказывали характер предстоящего года. Часто при этом его приветствовали песенками - закличками, которые в прошлом являлись составной частью обрядности встречи весны. В Саратовской губернии дети, которые рано утром на Благовещение ходили смотреть, как солнце «играет», обращались к нему: *«Солнышко,*

ведрушко! Просвети-ка, прогляни: твои дети на повети есть хотят, пить просят».

Запрет на зажигание огня вечером праздничного дня был известен повсеместно. Тульские крестьяне объясняли его тем, что огонь или горящая керосиновая лампа может закоптить в этот день лик Божий и тем самым вызвать Божий гнев; пчеловоды при этом опасались, что за нарушение запрета Бог во время медосбора поразит слепотой пчел. В Пензенской губернии огня в благовещенский вечер не зажигали из боязни быть убитым летом молнией. Во многих местах крестьяне верили, что нельзя зажигать в доме огонь, чтобы не обидеть праздник, иначе в дом ударит молния или пшеница заболит головней, а на пчел нападет ленивое роение, из-за чего будет мало меда. Но кое-где о вечере, предшествующем празднику, бытовало обратное убеждение. В Тамбовской губернии под Благовещение огня в избах, наоборот, не тушили, считая, что от этого лен уродится лучше, а если пренебречь этим, посевы может сжечь молния.

Во многих местах на Благовещение проводились очистительные обряды, назначение которых состояло в отпугивании появившейся из-под земли нечисти и гадов. В ночь накануне праздника сжигали старые лапти, а в Сибири - соломенные тюфяки, постели, на которых спала семья. Через этот костер прыгали, что должно было на весь год истребить болезни, дымом его окуривали одежду, чтобы избавиться от сглаза и получить защиту от чар колдунов. В Пензенской губернии соломенную подстилку, на которой спали, сжигали обязательно в клети или амбаре, а дымом окуривали углы избы, чтобы изгнать нечистую силу и оградиться от болезней. Чтобы избавиться от мух, блох и других насекомых, на Благовещение русские Забайкалья жгли в подполье тряпку. А для того чтобы защититься от змей, в Пензенской области запрещалось брать в руки и даже смотреть на веретено, кросна и пряжу. В Тульской губернии подобный запрет распространялся, прежде всего, на суровую, небеленую пряжу, а в Пермской губернии с этой же целью старались не смотреть на какие-либо острые предметы (иглы, шила, веретена). Считалось, если увидишь иглу, обязательно встретишься со змеей, а если уколешься, то она тебя укусит.

Благовещение открывало сезон полевых работ. Русские крестьяне говорили: «Бог благословил землю на сеяние». Поэтому в некоторых местах крестьяне сами старались освятить зерно, предназначенное для посева: для этого икону, посвященную празднику, ставили в кадку с зерном и приговаривали:

*«Матерь Божья!
Гавриил Архангел!
Благовестите, благоволите,
Нас урожаем благословите.
Овсом да рожью, ячменем, пшеницей
И всякого жита сторицей!»*

3 апреля (16 апреля) - день памяти преподобного Никиты. Одна из дат **начала ледохода**, отмечавшихся рыбаками как начало промыслового сезона. По народному поверию водяной, который всю зиму лежит на дне и спит крепким сном, просыпается от зимней спячки 1 апреля в день Марии Египетской. Изголодавшийся за зиму и сердитый, он требует от рыбаков угощения, а дожидаясь его в течение трех дней, вплоть до дня Никиты, ломает лед, мучает рыбу: малую доводит до смерти, а большая убегает от него в другие реки. Если жертвоприношение не последует или с ним запоздают, весь сезон водяной будет рвать сети, выпускать рыбу и топить рыбацкие лодки или, истребив всю рыбу в реке, уйдет куда-нибудь сам. Желание водяного получить гостинец, по мнению рыбаков, проявлялось в сильном колыхании воды и в слышимых над ней глухих подземных столах. На Оке приметку гнева водяного видели в затянувшемся ледоходе и по нему судили, что рыба в этом году будет плохо ловиться.

23 апреля (6 мая) - **первый весенний выгон скота** на пастбище, обычно приуроченный к Егорьеву дню. Сопровождался традиционными обрядами до восхода или на восходе солнца: троекратным обходом и ритуальным кормлением скота, одариванием пастуха, молитвами.

Повсеместно скот старались выгнать на подножный корм при первой возможности, так как к середине весны в крестьянском хозяйстве заканчивались запасы корма. Но для успеха пастбищного сезона первый выгон старались приурочить к особенной, ключевой дате земледельческого календаря. Для русских на большинстве территорий такой датой стал **день Егория Вешнего - 23 апреля**, который сохранял свое ритуальное значение даже в том случае, если, в зависимости от погодных условий, скот выгоняли до или после праздника.

Как все действия магического характера, ритуалы первого выгона осуществлялись на восходе или до восхода солнца. В южнорусских губерниях ранний выгон скотины объясняли тем, что святой Георгий, объезжающий рано утром поля, лучше бережет от

зверей и болезней ту скотину, которую застанет в это время в поле. В соответствии с магией первого дня, определяющего весь дальнейший год, в день первого выгона, по убеждению крестьян, надо было опасаться сглаза и порчи, поэтому в Егорьев день запрещалось что-либо давать из дома. В народе рассказывали быличку об одной неразумной хозяйке, которая три года подряд в Егорьев день по просьбе соседки давала ей займы различные вещи, при этом каждый год на ее скотину нападали или дикие звери, или болезни, пока к концу третьего года в хозяйстве не осталось ни одного животного.

Поднявшись раньше чем обычно, вся семья собиралась для молитвы, прежде чем отправиться в хлев. В Егорьев день молились особенно долго, произносили более длинные тексты воскресных молитв. Хозяйка накрывала стол белой праздничной скатертью, поверх которой клала хлеб и ставила полную солонку соли, хозяин зажигал перед иконами страстную или пасхальную свечу. Часто на стол ставили решето, наполненное предметами, с которыми затем обходили скот. Все усаживались за стол и, крестясь, молились, окончив молитву, вставали и, прежде чем выйти из избы, молились стоя. После этого хозяин вынимал из божницы икону Святого Георгия и брал, стараясь не затушить, страстную свечу, хозяйка брала со стола хлеб с солью, и шли во двор обходить скотину. Наиболее распространенными предметами, использовавшимися при обходе, были хлеб, соль и яйцо (пасхальное или специально окрашенное для праздника в зеленый цвет). На севере Вологодской области, где коров перед выгоном обходила хозяйка, в решето или лукошко клали хлеб, яйцо, иконку. Обходя скот, хозяйка легонько покачивала лукошко, стараясь, чтобы яйцо все время без остановки крутилось вокруг хлеба или иконки. Делалось это с приговором: *«Как кругом яичко катается по решету, так бы скотинка кругом своей избушки знала и ходила домой, нигде не оставалась»*. В Новгородской губернии в решето клали не только полный круглый каравай с вырезанным в верхушке отверстием для четверговой соли, но и нарезанные ломти хлеба по числу животных.

Предметы, участвовавшие в обходе, использовали в дальнейших ритуальных действиях. Когда был завершен третий круг, по спине коровы проводили крест-накрест иконой, через спину трижды перебрасывали топор, ножом вырезали на земле по сторонам четыре креста, солью или зерном «обсыпали» животное, т.е. с четырех сторон перебрасывали через него горстями, яйца «крестом» (с четырех сторон) подкатывали

под корову с приговором. В народе эти действия осмыслились как благословение, которое сможет защитить корову от любой беды.

Хлеб, с которым совершался обход, хозяйка в некоторых случаях относила в церковь для причта или раздавала после обедни нищим, но чаще с ним осуществлялся немало-важный в структуре обрядности первого выгона и широко известный ритуал «*закармливания*» скота. В народном сознании хлеб наделялся способностью дать скоту силу и здоровье, обеспечить приплод, но в конце XIX века в ритуале «закармливания» чаще видели средство привязать животных к дому или заставить их держаться вместе.

Наиболее важным ритуалом в обрядности первого выгона скота был обход стада пастухом. Почти повсеместно за околлицей в поле пастух, один или в сопровождении священника и подпасков, трижды обходил стадо с магическими предметами и молитвой. С крестьянской точки зрения особую значимость и действенность ритуалу придавало пастушеское «знание», выражавшееся не только в практических навыках, но и в колдовской силе, посреднической связи с лешим.

Комплекс пастушеских обрядово-магических действий, атрибутов и слов, хранившийся в строгой тайне, на Русском Севере известен под названием «*обход*» или «*отпуск*».

С 23 апреля (6 мая) по 9(22 мая) - магические действия накануне или в день начала сева. День заσεвок считался праздничным, сопровождался молебнами и праздничными трапезами.

С конца апреля и до конца мая почти каждый день православного календаря указывал на необходимость сева той или иной земледельческой культуры. Одним из наиболее распространенных сроков для ритуального начала посева яровых ржи и пшеницы являлось **1 мая(14 мая)** - *день пророка Иеремии*, в народе - **Еремей запрягальник**. В Сибири даже, если земля к этому дню еще не была готова к севу, приговаривали «*хоть малость, а посеять нады*». В некоторых местах оба Еремеева дня (1 мая/14 мая и 31 мая /13 июня) служили границами всей весенней посевной: «*На Еремея запрягальника подними сетево (севалку), а на Еремея распрягальника опусти сетево*», - приговаривали крестьяне. В некоторых местах началом массового сева считался второй день мая, посвященный церковью памяти перенесения мощей святых угодников Бориса и Глеба (2 мая/15 мая). В связи с важностью этого дня в кругу хозяйственных работ народ именовал святых Сеятелями, а об этом дне говорил: «*Борис и Глеб сеют хлеб*».

К Николину дню полагалось управиться с ранними зерновыми. В день Пахома Бокотрея (15 мая/28 мая) в Европейской России начинался поздний сев пшеницы. Нижняя граница сева ярового хлеба находилась в тесной связи с погодными условиями. При ранней весне ею считались либо день Иоанна Богослова (8 мая/21 мая), либо святых Федора и Вита (16 мая/29 мая) – *«На Вита сей: кто сеет после Вита, плохо будет жито»*, а при поздней весне и, соответственно, севе - 20 мая/2 июня - Алексеев день или день Константина и Елены.

Выбирая наилучший день для засева, крестьяне также руководствовались лунным календарем, стремясь подгадать, чтобы сев пришелся на полнолуние. Из дней недели выбирался наиболее удачный - легкий и непостный день: вторник, четверг или суббота. В Пензенской губернии о дне наиболее удачного засева гадали под Новый год. Если в новогоднюю ночь выпадал иней, то крестьяне полагали, что яровое нужно сеять именно в этот день недели. Если же весной по какой-либо причине не удавалось начать сев в этот день, то признавалось необходимым, чтобы уродился хлеб, хотя бы вывезти семена в поле.

Начало сева считалось общественным делом. Прежде чем приступить к посеву на семейных участках, крестьянский сход выбирал человека, которому предстояло первым засеять для всей деревни. Это событие часто приурочивалось к празднику, сопровождалось молебном, семейными, а иногда и коллективными праздничными трапезами.

На сход собирались все женатые мужчины - хозяева, за исключением больных, и при помощи голосования или жребия избирали человека с «легкой рукой». В Новгородской губернии это происходило следующим образом: в шляпу кидали косточки, и каждый хозяин, обнажив голову, вытаскивал одну. Тот, кому доставалась косая косточка - становился *засевальщиком*. Обычно в сеятели избирали богобоязненного и благочестивого человека, семья которого считалась наиболее благополучной, дружной и удачливой. В случае успеха он мог засеять не один год подряд, а после его смерти право на первый сев переходило по наследству к его сыновьям. В некоторых местах из числа претендентов исключали стариков, приговаривая, что их *«черед уже вышел»*, а в других, наоборот, - им отдавалось предпочтение. Самого старого жителя деревни, даже если он уже не мог ходить, сыновья привозили на телеге в поле и выводили, поддерживая под руки, на пашню. Старик брал горсть из лукошка, в котором смешали свое

зерно все хозяева деревни, и бросал ее на пашню, после чего каждый мог свободно начинать сев на своей полосе.

Должность засевалящика считалась очень почетной, а человек, её исполняющий, слыл счастливчиком. В его избрании видели особую богоизбранность, проявление милости Божьей, поэтому часто в качестве общественного засевалящика избирали священника – «*божьего человека*».

Требование чистоты отразилось и в обычаях, предшествовавших выезду сеятеля в поле: он обязательно мылся в бане, надевал чистую праздничную одежду, иногда рубаху, в которой принимал причастие; хозяйка наводила в доме чистоту и порядок, покрывала стол чистой скатертью. Эти действия чаще всего объясняли стремлением сохранить хлеба, которым предстояло уродиться, чистыми, лишенными сорняков.

Накануне сева, а в особенности в день его начала поведение засевалящика и всей его семьи строго регламентировалось. Сеять не разрешалось вовсе, пока в деревне был не захороненный покойник. Крестьяне старались также не засеивать одновременно с соседями, тем более если их полосы земли находились рядом, иначе у одного посеянное не взойдет. Существовал запрет сеять одновременно новыми и старыми семенами или засеивать новое поле семенами со старого. Чтобы не отдать удачу, не разрешалось никому ничего давать взаймы или продавать в день засевов. Наиболее опасались продавать кому-нибудь для засева семена, особенно пшеницу. В Тюменском округе Сибири считали, что от такой продажи хлеб выводится, а в пшенице заводятся сорняки и она болеет головней. В то же время покупка такого хлеба, наоборот, могла бы быть очень удачной и приносить каждый год большие урожаи на протяжении нескольких лет, что обычно являлось поводом для обвинений покупателя в колдовстве.

Особую важность в засевных ритуалах имел различного вида испеченный хлеб, чаще всего освященный в церкви. «*Святой хлеб*» - каравай или пасхальный кулич, отправляясь на поле, клали в севалку в семена, затем иногда выкладывали на пашню, а перед засевом или после него съедали. В Архангельской губернии из зерна первого обмолота делали специальные «*засевальные хлебы*», которые хранили на божнице, а ближе к началу посевной клали в закрома. Во время сева их раскладывали по четырем углам пашни, а один оставляли в севалке. Повсеместно особое значение при севе имела благовещенская просфора, употребление ее в этом качестве упоминается еще в Тамбовской грамоте 1652 года. Её привязывали к севалке, раскрошив, разбрасывали

по полю, после засева съедали сами, иногда делили между членами семьи или, как, например, в Калужской губернии, один ее кусочек давали лошади, а другой закапывали на пашне вместе с бутылкой святой крещенской воды, чтобы уберечь всходы от града.

Особое значение хлеба в ритуалах первого сева было predetermined существовавшими в древности представлениями о его способности возродиться заново, накормить землю, вернуть ей силу, затраченную на его рождение в прошлом году. Возможно, что в более раннее время хлеб предназначался земле и в качестве жертвы. Одним из неперенных предметов, который клали в севалку, а затем съедали или закапывали на пашне, было пасхальное яйцо или специально по этому случаю сваренное и окрашенное в красный цвет. Считалось, что оно магически влияет на увеличение вегетативной силы земли, величину и полноту зерна нового урожая. В Иркутской губернии вместо яйца в семена добавляли толченую скорлупу, а чтобы еще более увеличить их магическую силу, к севалке привязывали мешочек с краюшкой хлеба, просфорой, освященной вербой и свечой.

МАЙ – слово византийское, коренные славянские названия: ТРАВЕНЬ, ТРАВНЫЙ, ЦВЕТЕНЬ, МАЙНИК, ЖЕЛТОПУШНИК.

С первой майской росы выходили на посеы. Вступая в поле, засеивальщики молились на три стороны, кроме северной, и с низкими поклонами бросали на каждую сторону по горсти жита.

5 мая (18 мая) – рассадницы, в этот день начинали высаживать на грядки рассаду.

6 мая(19 мая) – горошники, с этого дня начинали сеять горох.

14 мая(27 мая) – прилетание птиц. С этого дня прекращались северные ветры, и, принося теплые ветры, прилетали стрижи,.

ВОЗНЕСЕНИЕ (*Вознесеньев день, Ушествие*) - двенадцатый праздник православной церкви Вознесение Господне, отмечаемый на сороковой день после Пасхи, в четверг шестой послепасхальной седмицы. Согласно Евангелию, сорок дней от Пасхи до Вознесения Христос провел на земле, являясь в разное время и в разных местах своим ученикам. На протяжении этого временного периода (число 40 используется в Библии для определения наиболее полного и достаточного срока) Христос рассказывал апостолам о Царстве Божием, готовил их к выполнению миссии по вселенскому рас-

пространению христианского вероучения, и, завершив этим свое земное служение, вознесся на небо.

По возвращении из церкви крестьяне весь день проводили в праздности. В тех же местах, где Вознесение было престольным праздником, в этот день устраивались ярмарки и гуляния, ходили в гости. Повсеместно существовавший запрет работать в день праздника в некоторых местах Новгородской губернии объясняли так: *«Иисус Христос, когда вознесся на небеса, сказал: «Я неделю работал с вами, а вы один день, чтобы не работали!» - поэтому работать грех»*.

Праздник, приходившийся на конец мая - начало июня, в средней полосе России совпадал с периодом созревания озимой ржи, формированием ее колоса, поэтому он стал одной из поворотных точек в сельскохозяйственном календаре. В этот момент предоставлялась возможность повлиять магическими средствами на вегетативную силу посевов, на процесс их роста, поэтому ко дню Вознесения был приурочен обычай ходить на поля смотреть посевы, сопровождавшийся трапезами, изготовлением яичницы и ритуальными действиями с пирогами, лепешками, печеньем в форме лесенок, блинами и т.д. В данном случае языческая традиция, придававшая большую роль хлебу в земледельческих ритуалах, тесно переплелась с христианской, так как лесенки пекли, чтобы помочь Христу подняться на небеса.

Обычно крестьяне шли в поле после церковной службы. В Ярославской губернии, прежде чем приступить к трапезе на озимом поле, семья в полном составе, молодые и старые, обходила все свои полосы с приготовленной заранее дома яичницей; при этом они время от времени останавливались и съедали по куску яичницы. После того, как все поля были обойдены, а яичница съедена, девушки катались по траве, приговаривая: *«Расти, расти, трава, к лесу, а рожь - к овину»*. Так делали для того, чтобы был хороший урожай, а во время жатвы не болела спина. В Ярославской губернии в поля ходили только молодые члены семей, отправляясь в поле с яичницей, они захватывали с собой березку, которую срубили рано утром и украсили ленточками, ее ставили на своей полосе перед началом трапезы. Также хозяйка снаряжала отправляющихся в поле детей и молодежь вареными крашеными яйцами. Во время угощения яичницей ребята подкидывали яйца вверх, чтобы рожь была высокой. В Угличском районе Ярославской области красное яичко во время трапезы на полосе разбивали, чтобы урожай был хорошим. Затем во ржи делали яичницу, после того, как ее съедали, ложки под-

брасывали как можно выше, а затем прятали и искали их во ржи, после чего участники трапезы катались по ниве.

В Сибири вечером в день праздника все мужское население собиралось на пригорках *«проводить Христа на небо»* холостой стрельбой из ружей. Поэтому многие от усердия клали увеличенный заряд пороха. Те, кто не принимал участия в стрельбе, находившиеся тут же на пригорке или у себя дома, молились вслух: *«О, батюшка, Иисус Христос! Помоги Тебе подняться на небо. Батюшко! Недолго пожил на земле с нами, грешными. Помоли за нас, грешных, и прости наши грехи. О, Боже мой!»*

Николин день - праздник православного календаря, установленный в память святителя Николая Мирликийского/ Николая Угодника, Николая Чудотворца, св. Николы, отмечаемый **9 мая (22 мая)** - Никола вешний, и **6 декабря (19 декабря)** - Никола зимний. Образ святителя Николая пришел на Русь вместе с принятием ею христианства и на протяжении многих веков занимал в религиозном сознании русского народа совершенно исключительное место. Почитание Николая Угодника приближалось к почитанию Богородицы и самого Христа. Многие крестьяне даже считали, что Троица состоит из Спасителя, Богоматери и Николы Угодника. Икона Святого Николая входила в состав домашнего иконостаса наряду с образами Спасителя и Божьей Матери.

Николай Угодник воспринимался в России как национальный святой, покровитель русского народа, а также как крестьянский святой и мужицкий заступник. Его называли *«святой великий святитель Христов, теплый заступник и скорый помощник»*. Принято было считать, что Николаю Угоднику можно молиться *«во всех нуждах»*, что он всегда и всем поможет, ибо добр и милостив. Русские считали, что Николай Угодник может защитить их от всякого зла: *«Спускается с небес Николай скорый помощник с двенадцатью учениками, садил Николае на три пещеры каменные, емлет Николае скорый помощник три лука золотые и три стрелы золотоперья, стреляет Николае и сберегает меня (раба) Божия (имярек) от порченика, от порченицы, от колдуна и колдуньи»*.

Николай Угодник - мужицкий Бог, выступал в поверьях русского народа как покровитель урожая, плодоношения, домашнего скота. Крестьяне считали, что его любит Матушка Сыра-Земля и что благодаря его заботам колосится рожь, цветет гречиха,

созревает ячмень. Существовало поверье, что во время жатвы он как рачительный хозяин ходит по полям, гордясь плодами земными:

*«Как Николушка-то по полю ездит,
Суслончики пересчитывает
Оржаные, пшеничныя».*

Николай Угодник рассматривался и как покровитель и устроитель свадеб. При благословении жениха на брак часто использовался вместо образа Спасителя образ Николая Угодника. Девушка, выходя замуж, просила благословения не только у Божьей Матери или Спасителя, но обязательно и у святого Николая. Ритуальное приглашение в дом свадебного дружки звучало так: *«От великого Николы канун (мед) пей, а от Пречистая Богородицы хлеб кушай»*. В Николины дни совершалось множество обрядовых действий, носивших ярко выраженный языческий характер.

В северных губерниях Европейской России, например, существовал обычай закладывать в честь Николая Угодника в зимний день его памяти бычка – *«микольца»*, которого специально три года откармливали всей деревней. Мясо бычка частично передавалось в церковь, частично съедалось во время коллективного пиршества, устраивавшегося в этот день мужчинами.

На Николу вешнего существовал обычай преподносить Николаю Угоднику яйца, окрашенные в красный, желтый, зеленоватый цвет, или яичницу. Для этого женщины и девушки разбивались на группы, уходили в лес и там съедали их в честь святого. Принято было также приносить крашеные яйца в церковь для святого Угодника. В северных губерниях Европейской России св. Николая Угодника старались задобрить рыбаки и мореходы. Так, например, известен обряд умилоствления озера Онего. Накануне зимнего Николы перед всенощной на берег озера собирались старики, делали из соломы чучело, сажали его в дырявую лодку и пускали по озеру. После этого они призывали Николая Угодника, просили его принять чучело соломенное в портах и рубахе, у которого нет ни жены, ни детей, по которому никто не будет плакать и причитать, и оставить в покое рыбаков и мореходов.

Олена-льняница - день святых равноапостольных Константина и Елены (*Олена - длинные льны, Олена-ленича (ленница), Олена-леносейка, овсянник, длинные льны - Еленины косы*), народное название христианского праздника, установленного в память равноапостольных царя Константина и его матери царицы Елены и отмечаемого **21 мая (3 июня)**.

В народной традиции день Олены-лняницы осмыслялся как важный этап в сельскохозяйственном календаре. К этому моменту заканчивали посев хлебов и начинали сеять лен и коноплю, а также позднюю пшеницу, овес, местами ярицу, просо, гречиху. На Тамбовщине на Олену-лняницу происходил второй посев льна и конопли. Крестьяне говорили: *«Посеешь лен на Олену - будут длинные льны»*. Если другие работы не позволяли начать сев с Олены, то следовало хотя бы положить начало этому делу: прийти на поле и бросить горсть льняных семян в землю. В ряде мест во время сева льна женщины раздевались донага. Этот обычай получил название *«обманывать лен»*. Его участницы считали, что лен, глядя на их наготу, сжалится над ними: *«Эта баба бедная - у нее даже рубашки на теле нет, надо будет пожалеть её и получше уродиться»*.

В день Олены-лняницы девушки исполняли песни, основной темой которых было сеяние льна; как правило, они звучали в период троицко-семицких праздников. Тексты песен имели магический характер и представляли собой заклинания на рост и урожай льна или конопли:

*«Посею я, младая, ленку
При дорожке, при толку:
Ты расти, расти, ленок,
Тонок, долог и высок,
В земелюшку корешок,
Что вниз коренист,
А вверх семянист!»*

29 мая (14 июня) - день памяти святой мученицы Феодосии. По народному наблюдению, в этот день начинает колоситься рожь. Совершались обряды величания ржи и молодежные гулянья. Народное наименование **Федосьи** (русский вариант имени Феодосии) **Колосяница** связано с наблюдениями крестьян над природой: в день ее памяти начинает колоситься рожь, выметывается колос. Чтобы осмотреть всходы, крестьяне отправлялись в поля. Молодежь участвовала в обряде *величания ржи*. Девушки водили хороводы и пели:

*«Ржица-матушка колосилася.
Во ржи свинушка поросилася.
Семьдесят поросят, да все свиночки,
Все свиночки, да все пестренькие,*

Хвостики у них востренькие».

Также устраивалось катание во ржи по земле; катаясь по злакам, парни и девушки приговаривали: *«Расти, расти, трава, к лесу, а рожь - к овину».*

До Федосьи-колосяницы земля считалась тяжелой, этим и объясняется запрет на прыганье и скакание, бытовавший до этого времени.

ИЮНЬ – в старой русской жизни месяц июнь был четвертым по счету, когда год начинался с сентября – десятым, а с 1700 года он стал шестым. Его коренные славянские названия – ЧЕРВЕНЬ, ИВАНЧИК, РОЗЕНЦВЕТ, ШЕСТНИК, КРЕСНИК.

8 июня(21 июня) – день памяти святого великомученика Феодора Стратилата. В русской традиции известен под именем **«колодезник»**: если в этот день рыть колодцы, вода в них будет *«и чиста, и пьяна»*. С этого дня крестьяне начинали пропалывать сорняки и вывозить в поле навоз.

В некоторых районах России навозница представляла собой коллективное мероприятие, организованное определенным порядком. Каждый хозяин созывал своих родственников и соседей, прося их о помощи в работе. Собравшись вместе, крестьяне сначала помогали одной семье, затем другой и так далее; очередность работы на полях устанавливалась заранее. В локальных традициях организованный совместными усилиями вывоз навоза на паровые поля мог длиться от одного до нескольких дней. В нем участвовали представители всех половозрастных групп; каждому определялась работа согласно его социовозрастному статусу.

На толоку собирались как на праздник, работа сопровождалась веселым молодежным гуляньем с непременно обливании водой и трапезой, устраиваемой хозяином. В Псковской губернии традиционное угощение на толоках включало кашу из ячневой крупы, заправленную толченой картошкой и постным маслом, сырницу и овсяный кисель. Кашу по обычаю женщины выкрадывали со стола и уносили в рожь, припевая:

*«Ради, Боже, жита, большого, густого,
Чтоб наша хозяйка у стоечку жала,
Серединку ни гбала».*

13 июня(26 июня) – **Акулина-гречишница** (Акилина-гречушница, Акулина - черные гречихи, Акулина - задери хвосты) - день памяти святой мученицы Акилины (в русской традиции - Акулина).

В ряде губерний России на Акулину-гречишницу из гречи было принято готовить мирскую кашу для нищих, странников и калик; этот день называли праздником каш. После угощения по традиции благодарили хозяев: *"Спасибо вам, хозяин с хозяйшкой, со малыми детками и со всем честным родом - на хлебе, на соли, на богатой каше! Уроди, Боже, вам, православным, гречи без счету! Без хлеба да без каши - ни во что труды наши."*

Предполагалось, что с Акулины-гречишницы начинается лето, поскольку именно с этого дня появлялись оводы и активизировались другие кровососущие насекомые. В народе говорили: *"Пойдешь лесом - комары взбесят"*.

Крещение и похороны кукушки – девичий и женский обряд весенне-летнего цикла, представляющий собой вариант троицкого кумления, в центре которого ритуальный предмет под названием «кукушка». Обычно устраивались в Вознесенье (**ко-нец мая – начало июня**) и в Петров день - **29 июня (12 июля)**. Кукушкой называли чаще всего куклу, имевшую антропоморфный, реже - орнитоморфный облик.

В ее основе обычно был растительный материал: трава «*кукушкин цвет*», известная в народе как «*кукушкины слезы*», «*заря*»; цветок ириса, ветви берез, солома. Собранные травы, нередко вырванные с корнем, специально обрабатывали, придавая им вид человеческой или птичьей фигуры. Количество используемых для изготовления «кукушки» травинок должно было быть четным. В ряде мест фигуру делали из пестрого платка, кусочков материи; такая кукла именовалась также Маринка, Марынка, Аринка. В районе Брянска она отличалась большими размерами и представляла здоровую девку из тряпок.

Куклу обязательно обряжали в яркие лоскуты и кружево, в одежду, снятую с одной из девочек-участниц, в специально сшитое платье. Последнее соответствовало девичьему наряду, бытовавшему в данной местности, в него входили рубаха, сарафан (иногда отсутствовал), пояс, платок, неизменными элементами были крест и украшения - ленты, бусы, мониста, косники; цветовая гамма костюма - розово-красная. Местами кукушку пеленали и перевязывали лентами как ребенка; наряжали в венчальное платье.

Основными участницами обрядового действия были молодые девушки 10-16 лет, иногда к ним присоединялись женщины, бывшие замужем не более одного года и не имевшие детей, присутствие которых в некоторых традициях считалось обязательным.

Руководила ходом обряда пожилая женщина, нередко вдова. В ряде мест зафиксировано участие в обряде женщин всех возрастов, даже старух. В этом случае женщины делились на группы в соответствии с возрастом и семейным положением, каждая из которых проводила обряд отдельно от других, иногда соединяясь с ними на одном из этапов ритуального действия. Так, в городе Болхове Орловской губернии одновременно, но в разных местах совершали «крещение» кукушки девушки и девочки. Обряд начинался с изготовления кукушки, в котором принимали участие все девушки. Каждой отводилось определенное место в обрядовом действии. Некоторые из них выполняли более важные функции, чем остальные. Так, делали кукушку только знающие девушки, хотя каждая участница приносила для изготовления куклы по лоскуту и ленте.

Специально выбирали девушек, которые отыскивали место, где впоследствии собирали необходимые растения - в рощах около полей или «на ржавчике» - на болоте, или крестили кукушку; замечали в лесах и садах нужные травы, срывали или вырывали их с корнем, придавали им форму, шили одежду для куклы, собирали в складчину деньги на покупку материала для куклы и продуктов для трапезы. В некоторых местах для заготовки древесных веток, используемых при изготовлении кукушки, девушки приглашали парней.

Кукушку снаряжали обычно в лесу, поле, реже в поселении - в доме или в саду у какой-нибудь женщины или девушки. В ходе обряда готовую куклу-кукушку нередко укрепляли на дереве, переплетенных ветвях берез или орешника, а также под деревом, покрывая сверху платками, полотенцами, тканями. В Орловской губернии на верхушку березы или на ее завитые ветви вешали вместе с украшениями кукушку в виде листьев столетника или подорожника. Тряпичную куклу иногда сажали в середину букета цветов, состоящего из березок и травы «кукушкины слезы». Кумление девушек и молодых, сопровождавшее почти во всех случаях обряд «крещения кукушки», могло проходить во время изготовления, «крещения», «погребения» ритуального объекта, а также до или после названных действий.

Время, место действия и ритуальный объект тщательно скрывали от мужской части населения. Для поведения парней характерно стремление найти и разорить кукушку, девушки старались не допустить этого и сохранить свои действия в тайне.

Через определенный промежуток времени, иногда на следующий же день, совершалась вторая часть обряда, которой соответствовало *раскумление*. Девушки от-

правлялись смотреть кукушку. Ее снимали с дерева, выкапывали из земли, разряжали, что и означало прекращение установленных в ходе кумления отношений; процесс дополнялся обычными для раскумления действиями и словами. В это время звучали и песни:

*«Кукушечка-рябушечка,
Пташечка плакучая,
К нам весна пришла,
Весна красна,
Нам зерна принесла,
Нам аржи на гумно,
В коробью холста,
Будет девкам красный лен,
Старым бабам конопель».*

Отличительной чертой праздника было гадание молодок, молодых женщин первого года замужества. По корню вырытого растения «кукушкины слезы» они гадали о поле будущего ребенка: если корень длинный, то будет мальчик, если круглый - девочка. Они также пили отвар этого корня, приговаривая: *«Кукушка, уроди мне сынушку-дочушку»*. Так же как и другие женские обряды троицко-семицкого цикла, *«крещение и похороны кукушки»* сопровождались обязательной ритуальной трапезой с непременной яичницей, молодежными гуляньями. Трапезу зачастую готовила женщина, руководившая обрядом; она же обычно предоставляла свой дом для гуляний. Повсеместно в них участвовали парни и мужчины.

Принадлежность обряда к ритуалам *«проводы-похороны»*, исполнение песен аграрной тематики позволяют говорить о его аграрно-магической направленности и возвести его к культу умирающей - воскресающей растительности. Устойчивый мотив заклипания урожая ассоциируется также с призывом дождя и влаги, необходимых для роста растений.

23 июня (6 июля) - ночь накануне праздника Ивана Купалы, самая короткая ночь в году. По народным поверьям это ночь разгула нечистой силы, лучшее время для порчи посевов и домашнего скота. В купальскую ночь собирали колдовские и лекарственные травы, совершали очистительные обряды. Рассказы о купальской ночи как о времени разгула нечистой силы бытовали повсеместно. Русские люди полага-

ли, что ночь накануне Ивана Купалы имела особое значение для представителей иного мира. Они так же, как и люди, ожидали этого срока, чтобы получить цветок папоротника, наличие которого обеспечивало сохранение их демонологической природы.

Колдуны, ведьмы, колдуньи, оборотни считали купальскую ночь своим праздником; чтобы отметить его, они, по поверью, собирались на Лысой горе в Киеве. Свои сборища они устраивали также на болотах или на деревьях.

Купальская ночь считалась лучшим временем для порчи посевов. В полях делали «*пережины*»- выстригали или сминали дорожку колосьев, шедшую обычно через все поле из угла в угол, вокруг поля, две дорожки, пересекавшиеся крестом – «*заломы*» и «*закрутки*», представлявшие собой горсть связанных или сломанных колосьев. Производство «*пережинов*» и «*заломов*» приписывали действиям лешего, полевого, нечистого духа. Но большинство крестьян считало, что этим занимаются колдуны, колдуньи, ведьмы, знахари, русалки; для их обозначения существовал определенный термин - *пережинщики, пережинальщики, спорыньевщики*.

В результате «*пережинов*» и «*заломов*» крестьянин лишался своего урожая, а его поле плодородия; «*пережинщики*» же, наоборот, все это приобретали. Перед тем, как идти в чужое поле, колдун открывал двери помещений, где обычно хранилось зерно, поскольку предполагалось, что во время колдовского действия хлеб с чужой полосы сам будет «*сыпаться в сусеки*». Чтобы хлеб никогда не переводился в житницах «*пережинщика*», ему следовало найти и пережать лучшие колосья; к ним относились споринки - стебли с несколькими колосками. Они имели особое значение - в восточнославянской традиции споринок (спорыш, спорынья) считался символом плодородия. Старааясь защитить свои посевы от посягательств ведьм, крестьяне зачастую проводили купальскую ночь в полях. Мужчины, возглавлявшие семьи, прятались во ржи с косами. При появлении колдуний-русалок, которые, по словам крестьян, носились вдоль поля, они выскакивали из засады и пытались подсесть их под ноги косой.

На следующий день смотрели, кто из деревенских женщин неожиданно захромает, та и объявлялась колдуньей. Ведьмы не решались приблизиться к полям и в том случае, если там всю ночь гуляла молодежь и жгли костры.

Оберегая хозяйство от нечисти, глава семьи вечером накануне Ивана Купалы совершал обход усадьбы, читая молитвы у каждого столба ограды и при закрытии ворот. С этой же целью чертили на воротах дегтем кресты, а перед воротами клали борону

вверх зубьями. «Подбежит колдовка, прыгнет и застрянет в зубьях», - так объясняло свои действия русское население Сибири.

В купальскую ночь по традиции собирали волшебные, колдовские и лекарственные травы, гадали на будущее, узнавая свою судьбу в основном с помощью ивановских трав. Именно в эту ночь желающие могли обрести магические знания и предметы. В ночь накануне Ивана Купалы некоторые из крестьян пытались получить заветную косточку, которая имела свойство шапки-невидимки. Для этого необходимо было достать черную кошку и сварить ее в котле в бане, топящейся по-черному. Кости кошки следовало внимательно перебрать: каждую протирали полотенцем и смотрели через нее в зеркало. Та кость, через которую человек, держащий ее, не увидит своего отражения в зеркале, и является предметом поисков - она дает возможность своему хозяину быть невидимым для других.

Купальские костры зажигали накануне праздника, в ночь на Ивана Купала. Обычно их раскладывали на краю деревни, за пределами поселения: на выгонах, перекрестках дорог, около водоемов, на холмах вблизи полей. Каждое поселение организовывало свой костер, иногда - несколько небольших костров. Для разжигания костра приглашали наиболее уважаемых в общине стариков, которые использовали для этого «живой огонь», получаемый путем трения. В ряде мест старика заменял парень, отличавшийся от своих сверстников ловкостью и удачей.

Для купальского костра свозили и приносили из домов старый хлам: ненужные бороны, метлы, колесные ободы и т.д. Как правило, центром костра служило дерево - сосна, ель, нередко с обрубленными сучьями или с отрубленной макушкой, - или шест, укрепленный в земле. На них вешали венки, старые веники, троицкие березки, цветы, старые лапти, прикрепляли к вершине свечки, обматывали ствол дерева лыком.

В некоторых случаях костер представлял собой сложенные столбиком дрова, обложенные хворостом. Около костров разворачивались гуляния, на которые обязательно сходились молодежь и молодые пары, поженившиеся минувшей зимой. Здесь обычно устанавливали качели, устраивали общую трапезу, водили хороводы, пели песни и плясали. Одним из важных обрядовых действий игрищ у костра было перепрыгивание через купальский огонь. Прыгали поодиночке и парами. По поверью, перепрыгнувший обретал крепкое здоровье и удачу на текущий год. Если девушка и парень

перескакивали через огонь не размыкая рук, то окружающие говорили, что они вскоре поженятся, а их брак будет счастливым.

У русских существовал обычай бросать в купальский костер сорочку больного ребенка. Считалось, что вместе с ней сгорала и его болезнь. В некоторых местах, где по традиции в поселении раскладывали несколько костров, матери переносили через огонь маленьких детей, страдающих каким-либо недугом, уповая на его очистительную и лечебную силу. Чтобы защитить домашнюю скотину от мора и эпидемий, крестьяне прогоняли ее через купальский огонь

В купальскую ночь искали также волшебные *«перелет-траву»*, *«одолень-траву»*, *«траву-невидимку»* – её использовали для того, чтобы стать невидимым.. Волшебными считались не только отдельные травы, но и целая копна скошенной в купальскую ночь травы. По мнению русских поселенцев Сибири, с ее помощью можно обрести счастье и богатство. По поверью, в ней обязательно должны поселиться черти. Чтобы заставить чертей повиноваться себе, следовало в одну из святочных ночей обойти копну с молитвой и очертить около нее круг огарком от первой лучины, зажженной осенью. Черти, живущие в ней, предложат исполнить все пожелания в обмен на обещание оставить их в покое.

В народе существовало представление, что любое растение, сорванное или выкопанное в день Аграфены Купальницы, Ивана Купалы, обладало чудодейственной силой; по словам сибирских крестьян, в это время *«любая травка полезна бывает»*. Лучшим, но и наиболее опасным временем для сбора ивановской травы считалась ночь на Ивана Купалу, а точнее - полночь. Как правило, в это время добывали растения, обладавшие целебными свойствами, а также используемые при ворожбе и колдовстве. Заниматься этим могли только знающие люди, к которым относились владеющие магической практикой, т.е. колдуны, знахари, ведьмы.

В ряде мест лекарственные травы собирали пожилые женщины, обычно вдовы, считавшиеся, по народным представлениям, чистыми, т.к. они уже не могли рожать детей.

В традиции существовали определенные правила сбора целебных и колдовских трав, обеспечивающие сохранение и увеличение их магической силы. Так, женщины, занимавшиеся заготовкой лекарственных растений, постились перед праздником в течение нескольких дней, а во время сбора снимали нательные крестики. Колдуны,

ведьмы, знахарки, отправляясь ночью в леса и поля, старались выйти из дома незамеченными. Принимаясь за дело, они нередко раздевались, сбрасывая с себя даже рубахи. Непременной частью ритуала заготовления трав были заговоры. Срывая растения, знахарки и колдуны обычно приговаривали: *«Рву я, раб (имярек) или раба от травки цветочки, от земли коренья; на что они полезны, на то их и рву»*.

В Сибири собранные ночью растения крестьяне специально клали под *«Иванову росу»*, полагая, что в этом случае их магические свойства увеличатся. С этой же целью травы, в основном лекарственные, носили в церковь для освящения.

Повсеместно в день Аграфены Купальницы и Ивана Купалы в лесах и полях собирали травы и цветы, ломали ветки, которые в течение праздника служили украшением поселений. Как правило, за ними отправлялись девушки, к которым зачастую присоединялись молодки - женщины, вышедшие замуж минувшей зимой.

Ритуальная ивановская зелень, а также изготовленные из нее букеты, венки и веники, использовавшиеся для украшения, после праздника обычно засушивали и хранили, используя в дальнейшем приписываемую им магическую силу. Повсеместно бытовало поверье, что эти травы способствуют сохранению и укреплению здоровья. На их основе готовили настои и порошки для окуливания, которые применяли во время болезни людей и животных. Букеты, венки, веники использовали в гаданиях, подобно троицким венкам. Их спускали на воду и гадали о замужестве, о жизни-смерти или о будущем: если утонет - к беде, поплывет - к счастью. Веники, по выходу из бани, кидали через плечо или на крышу бани; затем смотрели: куда веник комлем повернет - туда и замуж выйдешь. Такие же действия совершали и при гадании на смерть; в том случае если веник падал вершиной к погосту, считалось, что гадающая умрет. Букеты трав, составленные на каждого члена семьи, подвешивали вечером накануне Ивана Купалы к матице. Утром смотрели: завядший букет сулил неприятности, а свежий - счастье.

Традиционно в ночь на Ивана Купалу девушки и молодые женщины специально собирали траву для гаданий. Чтобы узнать о своем женихе, необходимо было сорвать в полночь 12 или 24 вида трав. Среди них чаще всего встречались подорожник, полынь, чертополох, папоротник, крапива, попутник, осока, пырей, мокрица, горлинка, лебеда. Собранные растения гадающая девушка несла домой, стараясь избегать встреч с кем-либо и не разговаривая. Этой же ночью она клала их под подушку, рассыпав или пред-

варительно связав в букет, в платок с кольцом, или вплетала в косу, приговаривая: *«Суженый-ряженный, приходи в мой сад гулять»*.

29 июня(12 июля) - ПЕТРОВ ДЕНЬ. Великий православный праздник памяти апостолов Петра и Павла, первых проповедников христианского учения. В народном мировоззрении эти святые являются хранителями ключей от рая и ада и управляют местами обитания душ умерших. Праздник предшествовал сенокосу и подготовке к жатве. В традиционном мировоззрении русского народа апостолы Петр и Павел занимали особое место. Петр относился к числу наиболее чтимых в России святых угодников. В сказаниях и быличках он фигурирует под именем апостола-ключаря. Считалось, что святой владеет ключами от Царства Небесного, закрывает и открывает врата рая. В некоторых поверьях оба апостола являются хранителями ключей; они стоят у дверей рая и ада.

По представлениям крестьян Калужской губернии, в функции Петра и Павла, кроме того, входит управление местами обитания душ умерших праведников и грешников. Этнографические материалы свидетельствуют, что в некоторых районах России Петров день отмечался и как праздник пастухов. В этот день с пастухами производился расчет: крестьянская община выплачивала деньги за прошедшую часть пастбищного сезона.

Роль девушек и женщин в обрядности Петрова дня, как и в предыдущий период, продолжает оставаться весьма значимой; их действия связаны с идеей плодородия. Они являлись главными исполнительницами аграрно-магических ритуалов. В Калужской губернии группы женщин, к которым в ряде мест присоединялись девушки, ходили в поля, засеянные льном, бросали там куски творога и втыкали в землю тычину (палку), приговаривая при этом: *«Дай Бог, чтобы лен был тверд, как смычина, длинен, как тычина, и бел, как этот творог!»*.

В большей степени Петров день сохранил значение праздника молодежи. Молодые люди надевали лучшие костюмы. Им отводилась ведущая роль в обрядово-игровых действиях, в то время как остальное население, как правило, активного участия в них не принимало, а выступало лишь в качестве наблюдателей. На время праздника снимались некоторые ограничения в отношениях между полами; кардинально изменялось поведение молодежи в целом: оно отличалось от традиционных повседневных норм. В молодежных обрядах четко просматривалась эротическая и свадебная символика. Это позволяет говорить о том, что в период летнего солнцестояния молодежи, обладавшей, по традиционным представлениям, мощной неизрасходованной энергетикой, со-

относимой с природной, приписывалась магическая сила, способствующая сохранению и преумножению жизненной потенции.

Типичной чертой праздника являлись молодежные гуляния. Начинались они обычно накануне праздника, вечером, и продолжались в течение ночи и последующих одного-двух дней. Девушки и парни, собравшись вместе, отправлялись в места традиционных гуляний, которые располагались в центре поселения или за его пределами - в лесу, на полянах, возвышенностях, вблизи водных источников. Здесь специально для петровских гуляний устанавливали качели, которые часто воспринимались в народе как символ праздника.

К наиболее распространенным среди молодежи действиям относится обычай устраивать в ночь на Петров день обрядовые бесчинства: забираться во дворы односельчан, уносить и растаскивать по округе, а иногда забрасывать на крыши или пускать на воду бороны, телеги, сани, кадушки, бревна и все то, что попадет под руку, рвать в чужих огородах и садах созревшие плоды (при общем запрете на вкушение плодов нового урожая), заваливать окна, двери, ворота, возводить из украденных вещей преграды на улицах поселений, пугать население шумом и криком.

Крестьяне, ожидая разгула молодежи, обычно не спали в течение ночи, сторожа свои усадьбы и стараясь не допустить большого ущерба хозяйству, однако активных действий не предпринимали. Утром следующего дня домохозяева занимались поиском своих вещей, разбором завалов, по традиции громко ругая и браня молодежь.

Гулянья молодежи, разворачивавшиеся в ночь на Петров день, составляли неотъемлемую часть широко распространенного в западных и южных губерниях России обрядового действия, известного под названием *«караулить солнце»*. Желая увидеть игру светила на рассвете в день праздника, девушки и парни накануне вечером, сделав запасы еды, направлялись к месту традиционных летних гуляний. Здесь разводили костры и варили на них кашу или жарили яичницу, затем устраивали совместную трапезу. Так же, как и в купальскую ночь, огни, горевшие до утра, символизировали центр праздничного веселья. Отмечен и более известный для Ивана Купалы обычай перепрыгивать через костры.

Петров день является и своеобразным рубежом, разделяющим виды хозяйственной деятельности крестьян. Новый цикл сельскохозяйственных работ включал сенокос, вывоз навоза на поля, подготовку к жатве. Заботы земледельцев в это время были

связаны с уборкой урожая, тогда как в период, предшествующий Петрову дню, все силы были направлены на рост, сохранение и преумножение урожая. Значение Петрова дня как границы в аграрно-магическом отношении отразилось в поверье о кукушке. По приметам кукушка перестает куковать не раньше, чем ячмень выколосится, что и происходит по наблюдениям народа в период от Ивана Купалы до Петрова дня.

В народной традиции Петров день осмыслялся и как последний день девичьих/женских гуляний. 12 июля местами еще совершались некоторые ритуальные действия, характерные для периода Семик-Троица: *завивание берез*, заключительные этапы обрядов *крещения и похорон кукушки, кумления*. К этому дню приурочивались последние девичьи гадания с использованием зелени. После Петрова дня повсеместно переставали водить хороводы, качаться на качелях. В локальных традициях праздник считался последним днем разгула русалок, в которых видели души умерших девушек.

ИЮЛЬ – коренные славянские названия – ЛИПЕЦ, ЧЕРВЕНЕЦ, СЕРПАН, СЕДМИК. В старой жизни он был пятым месяцем, а с 1700 года его считают седьмым.

1 июля (14 июля) - летние Кузьминки. К святым Косме и Дамиану (Кузьме и Демьяну) относились с особым почитанием во всех восточнославянских землях. На Руси им посвящались монастыри и храмы. Так, во всех городах, возникших до XVII века, были построены церкви во имя Космы и Дамиана.

В одном Великом Новгороде с XII по XVI век существовало пять таких церквей. Строились космодемьянские монастыри и церкви и в других городах - Москве, Твери, Холме, Владимире, Муроме, Суздале, Нижнем Новгороде, Пскове. На иконах Косма и Дамиан изображались с коробочками-аптечками в руках, говорившими об их врачебном искусстве. Помещались изображения Космы и Дамиана и на полях икон, посвященных Богородице и другим святым. Иконы с ликами Космы и Дамиана входили в деисусный чин и в двухрядницы, хранились во многих крестьянских домах. Кузьму и Демьяна связывали с кузнечным ремеслом, и народные легенды и сказки повествуют о том, как они куют сохи и плуги и раздают их людям, а в некоторых сказаниях даже учат людей земледельческому труду.

Кузьма и Демьян считались покровителями не только мужского ремесла (кузнечество), но и различных женских работ, недаром эти святые особо почитались женщинами и девушками, которые обращались к ним с просьбами о помощи: в летнее время,

когда начинали жатву: «*Кузьма и Демьян, идите с нами жать*». Но не только с работой связан для женщин и девушек день памяти Кузьмы и Демьяна; по всей России он относится к числу девичьих праздников.

Ритуальные блюда на Кузьминках, приготовленные из курицы, соотносятся с народным представлением о Кузьме и Демьяне как о «*куриных / курьих / богах*», охраняющих кур в курятниках. В деревнях этот день ознаменовывался служением молебнов в курятниках или около них, окроплением домашней птицы святой водой. Ко дню Кузьмы и Демьяна приурочивались домолотки; в деревнях, в основном, заканчивалась молотба и принято было варить кашу. Предание рассказывает, что Кузьма и Демьян были простыми работниками, которые охотнее всего нанимались молотить, но при этом никогда не требовали платы; просили только, чтобы хозяева вволю кормили их кашей.

5 июля (18 июля) – в этот день выходили смотреть на «*игру месяца*». Играть месяца обещало хорошие урожаи.

12 июля (25 июля) – с этого дня наступали **большие росы**. До этого дня старались убрать сено, так как росы могли сгноить его.

19 июля (1 августа) – **мокриды**. По погоде этого дня судили о погоде на осень.

АВГУСТ – в старой русской жизни он был шестым месяцем в году, с XV века – двенадцатым, а с 1700 года – восьмым. Наши предки его называли – ЗАРЕВ, СЕРПЕН, ЖЕНЧЬ, ЗОРНИЧНИК.

1 августа (14 августа) – в селах начинали защипывать горох, выезжали в поле пахать под озимы, отделявали овины и очищали гумно. С этого дня пчелы переставали вырабатывать мед. **Первый Спас** (*Спасовки, Спасов день, Происхождениев день, Маковей /Маккавей/, Медовый, Пчелиный, Мокрый, Водный, Калинник (сибирск.), Соломонида-бабушки (сибирск.)*) – народное название праздника православной церкви, посвященного Иисусу Христу – Спасителю (Спасу), который отмечается 1/14 августа. Согласно же древнему преданию, 1 августа святой благоверный князь Киевский Владимир крестился сам и крестил Русь. В этот день в память о Великом событии Крещения Руси совершается освящение воды.

Не только в городах, но и в деревнях и селах России церковью устраивалось торжественное вынесение креста, совершался крестный ход к водоемам (рекам, озерам,

прудам) и источникам воды (колодцам), где происходили молебны и освящение воды. В этот день отдавали дань воде, поэтому и называли в народе Первый Спас – *Спасом на воде, Водным* или *Мокрым*. После водосвятия принято было купаться, чтобы защититься от лихорадки и сглаза. Кроме людей, купали лошадей, а пастухи пригоняли с пастбищ домашнюю скотину и загоняли ее в реку, для того чтобы защитить животных от разных болезней.

Именовался Первый Спас и *медовым* - от обилия меда, который в этот день пчеловоды в первых вырезанных сотах носили освящать в церковь. Крестьяне считали, что с этого дня пчелы прекращают производить мед, поэтому необходимо было «*заломать соты*», иначе пчелы из соседних ульев заберут весь мед. После обедни священник освящал мед нового урожая, и только теперь его разрешалось есть. Часть освященного меда оставалась в церкви, затем угощались причт, нищие и дети. Пробуя первый мед, ребята приговаривали:

*«Дай, Господи, хозяину многие лета,
Многие лета - долгие годы!
А и долго ему жить - Спаса не гневить,
Спаса не гневить, Божьих пчел водить,
Божьих пчел водить, ярый воск топить –
Богу на свечку, хозяину на прибыль,
Дому на приращение,
Малым детушкам на утешение».*

С Первым Спасом связывались проводы лета, окончание летних хороводов, начало двухнедельного Успенского поста, считавшегося «осколком от Великого поста», поэтому его и почитали так же как и Великий пост. Отмечались и различные природные явления, считавшиеся народными приметами. Так, сибирские крестьяне называли Первый Спас первым Калинником и утверждали, что он влечет за собой инеи, которые губят хлебные злаки в период созревания. «*На Спаса инью не было - хлеба уйдут (дозреют)*». Говорили: «*Если за неделю перед Спасом аисты станут готовиться к отлету, то рано зима станет и будет морозная, а весна будет теплая*». Считалось, что накануне Первого Спаса ласточка в последний раз облетает деревню. А в сам Спас в некоторых губерниях после службы в церкви дети собирались на краю деревни – «*просить касаток*». Ребята играли в различные игры и при этом следили -

не полетит ли из деревни ласточка. Увидев вылетающую птицу, они бежали следом с приговором:

*«Ласточка - касатка!
А где ж твоя матка?
Где твои братцы,
Где твои детки,
Где ж твои сестрицы?
Испей Спасовой водицы!
Улетать - не отлетай,
До Спожинок доживай».*

В церковной традиции день 1 августа посвящен не только празднику Спаса, но и памяти семи ветхозаветных мучеников Маккавеев (отсюда - Маккавеев день) и их матери Соломонии. В народных представлениях произошло соединение созвучного имени семи мучеников и названия растения - мак, сбор семян которого приходился на это время. Говорили: *«Маковей или Макотрус собирают мак».*

В Сибири этот день называли днем *«Соломонида - ба(в)ушки»*. Соломонида почиталась матерями, беременными, а также знахарками и лекарицами, упоминавшими ее имя в наговорах от *«ветрянова перелому»* и когда парили в бане детей.

2 августа (15 августа) – в этот день поили лошадей через серебро, т.е. бросали в воду мелкую серебряную монету и поили лошадей. Наши предки верили, что от этого обряда лошади добрели, они не боялись сглаза и приходили в особую милость к домовому.

4 августа (17 августа) – **сеногнойники**. По замечанию сибиряков, с этого дня начинают идти дожди, вредные для сена.

6 августа (19 августа) – **яблочный Спас**. Первый урожай яблок приносили в храм для освящения и угощали ими бедных.

15 августа (28 августа) - **Успение Богородицы** (*Первая Пречистая, Большая Пречистая, Госпожа Первая, Госпожа Пречистая, Госпожин день, Вспожин день, Успенев день, Успленьё, Спленье, Успенщина, Дожинки, Первые Осенины*) - народное название великого двенадесятого богородичного праздника православной церкви Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, который отмечается 15/28 августа. Установлен в память ее преставления (вознесения).

Успенъев день широко праздновался на Руси. В честь Успения Богородицы написано множество икон, возведен не один храм, наиболее известный среди которых Успенский собор в Москве. В Московском Кремле особенно торжественно справляли храмовый праздник Успения Пресвятой Богородицы. В этот день цари приходили в собор *«во всем великолепии и пышности своего сана»*, сопровождаемые боярами, облаченными в золотые ферязи - распашную одежду с длинными откидными рукавами, застегивающуюся на несколько пуговиц». Также торжественно совершалось богослужение в новгородском Софийском соборе, когда Новгород был присоединен к Москве в 1478 г. Святитель в день Успения совершал омовение святой водою местночтимых икон в Софии, шапки на голове св. Никиты и мощей; собранную воду наливал в сосуды, сделанные из воска, и отправлял в Москву к Государю. После обедни приглашал к праздничной трапезе московского боярина, дьяков, представителей власти и нарочитых, т.е. именитых граждан.

В народном календаре праздник Успения Богородицы имеет несколько названий, часть из которых образована под влиянием церкви, часть основана на созвучиях, связанных с сельскохозяйственными работами. В первом случае, от наименования Девы Марии Госпожою, т.е. Владычицею, праздник Успения, связанный с Богоматерью, получил имя *Госпожинок, Госпожи, Госпожина дня*. Такое обозначение Успенъева дня упоминается уже в Никоновской летописи в 1132 году. В отличие от Госпожи Второй - Рождества Богородицы - Успение названо Госпожою Первою. Во втором случае, дню Успения соответствуют названия *Спожинок, Оспожинок, Дожинок*, характеризующие его причастность к окончанию жатвы хлебов.

В связи с этим ко дню Успения Богородицы приурочивался праздник собранного урожая, сопровождавшийся целым рядом ритуальных действий. С Успенъева дня лето окончательно поворачивало на осень.

В Сибири с Успением соотносились важные моменты, связанные с ловлей рыбы: общественным приговором, т.е. постановлением всего мира, общества, с Успения запрещался лов красной рыбы в общественных ямах на реке Ангаре в Кежеской и Пинчугской волостях Енисейской губернии; в Братской волости Иркутской губернии с этого же дня устанавливались «самоловы» - рыболовная переметная, шашковая (шашки - поплавки), голая (без наживы) снасть для ловли красной рыбы в осенний период. В Мелецкой инородной управе Ачинского уезда начиналться охота на медведя и сбор

кедровых орехов – «шишкование». Обычай «заповедывания кедровых орехов», т.е. запрещение сбивать кедровые шишки ранее 15 августа - времени полного созревания кедрового ореха - существовал в деревнях и селах Сургутского края.

В Успеньев день жители собирались группами, выходили в ближайшие кедровые рощи, где производился «шумный и веселый сбор шишек» для собственного употребления, т.к. сбор ореха на продажу (кедровый промысел) происходил на удаленных от селений кедровых островах в более поздние сроки.

С Успеньева разговенья в деревнях начинались осенние посиделки. С Покрова Богородицы наступал период свадеб, поэтому с Успения девушки приглядывали себе женихов. Первых сватов засылали не раньше, чем через две недели после Успенья, а «первый сват другим дорогу кажет». Вот и говорили девушкам: «С Успенины не успеешь присмотреть - зиму тебе в девках просидеть!»

День Успения считался траурным днем: в знак кончины Богоматери в некоторых деревнях пожилые женщины одевались в темные и черные одежды, поминая таким образом Богородицу.

16 августа (29 августа) – Третий Спас (*Малый Спас, Нерукотворный образ, Спас на полотне, Холщовый Спас, Хлебный, Ореховый, Третий Калинник* (енисейск.), *Бороздень, Брязже* (смоленск.) - народное название праздника православной церкви, посвященного Иисусу Христу - Спасителю (Спасу), который отмечается 16/29 августа. Установлен церковью в честь перенесения из Едессы в Константинополь Нерукотворного образа (Убруса) Господа Иисуса Христа.

В народе Третий Спас носил наименование *Спас на холсте* либо *Холщовый Спас*, так как в данный праздник происходили ярмарки, на которых торговали полотном и холстами. Особенно знаменитой была ярмарка в селе Зеленые Горы Нижегородского уезда. Говорили: «*Первый Спас - на воде стоят; Второй Спас - яблоки едят; Третий Спас - на зеленых горах холсты продают*».

В день Третьего Спаса или около него крестьяне совершали «досевки», т.е. сеяли озимую рожь. После общей домашней молитвы хозяйки провожали мужей на поля с хлебом и солью; при этом на телегу укладывали три снопа, а сверху помещалась предназначенная для посева рожь в мешках. На поле засеивальщиков встречали ребята с гречневой кашей. После посева озимого хлеба пирог и каша съедались всей семьей.

Называли Третий Спас и ореховым, так как к этому дню поспевали лесные орехи и начинался их сбор. В назначенный день в лесу расстилали ковер и «веретья», от которых все крестьянские бабы, дворовые люди, горничные девушки расходились для сбора орехов, последние складывались в фартуки, а позже высыпались на разостланные предметы. Работа по сбору орехов могла продолжаться и несколько дней. По народным представлениям, урожай орехов предвещал на будущий год урожай ржи.

16 августа (29 августа) - Дожинки (дожин, дожни, пожинки, пожиналки, выжинки, обжинки, обжатки, оспожинки, спожинки, вспожинки, Спожиница, Спожин, Госпожинки, Госпожки, Успенщина) - последний день жатвы. Чаще всего, дожинки приурочивались к Успению Богородицы или к Третьему Спасу, в который совершались ритуально-магические действия, знаменующие собой завершение уборки урожая. Таким же образом называлась праздничная трапеза в честь этого события.

Дожиночные (жатвенные) обряды исполнялись как после окончания озимой, так и яровой, жатв, иногда при уборке других растений (например, льна). Основные элементы дожиночного обряда были широко распространены у всех восточных славян и заключались в следующем. В самом древнем и распространенном варианте стебли растений надламывали и сгибали дугой таким образом, чтобы колосья соприкасались с землей. Иногда пучок прижимали к земле камнями. В некоторых случаях закапывали концы колосьев в землю, иногда вместе с куском хлеба. Сгибание колосьев до земли могло сочетаться с закручиванием в жгут. «Завивать бороду» и означало скручивать жгутом, сгибать, придавать круглую форму. В последнем случае делать венок, не срезая растения. Известно завивание бороды в одно или несколько колец. В более поздних вариантах обряда несжатый пучок стеблей связывали узлом (реже - тремя узлами), перевязывали наверху, около колосьев, стеблями, травой, поясом, красной ниткой или лентой. Несжатые стебли образовывали круг, стебли из середины которого сжинали для ритуального последнего снопа. Несжатые стебли, связанные наверху, представляли собой беседку. Иногда колосья поверх узла срезались и клались в последний сноп. Ритуальное «завивание бороды» выполняла старшая из жниц либо женщина, пользующаяся всеобщим уважением. Происходило это магическое действие в торжественной обстановке с соблюдением определенных правил. Не разрешалось дотрагиваться руками, поэтому ее заламывали, обернув руку рукавом рубахи или передником,

чтобы сила зерна не исчезла от прикосновения, а осталась в самих колосьях. Прикрытая рука служила символом богатства и изобилия, а голая – бедности.

Сюда же включались разнообразные действия с серпами. Их могли разложить вокруг «*бороды*», т.е. магически заключить в круг; полить водой. Если серп не резал рук во время жатвы - его «награждали». Награждение серпа заключалось в том, что его «женили». Обычай «*женитьбы серпа*» совершался по-разному. Серп, начиная от рукояти, обматывали колосьями ржи или пшеницы так, чтобы они, примыкая к острию серпа, как бы с него стекали. После этого серпом несколько раз покалывали землю. В другом варианте в последнюю сжатую горсть заматывали либо все серпы, участвующие в жатве, либо серп самой старшей жницы, которая его и заматывала. Когда обматанный в колосья серп оказывался вплотную прижат к земле, жница выдергивала колосья с корнями, подымала высоко над головой и говорила: «*Родись и водись, на тот год не переводись!*»

Завершался комплекс дожиночных обрядов праздничной трапезой в доме хозяина жатвы. Иногда это сопровождалось внесением в дом последнего снопа и подношением хозяину венка, сплетенного из колосьев. Основными обрядовыми блюдами на дожинках были: густая каша из овсяной муки с салом и маслом, которая по народным представлениям, содействовала плодородию хлебов будущего года; толокно, замешенное на кислом молоке или воде; пироги с кашей, ячница (у северорусских - пожинальница), блины, пиво, вино и мед.

Обряд «*завивания бороды*» напоминал ритуальное завивание берез. Изготовление венка сохраняло находящуюся там плодородящую силу зерна, а пригибание колосьев к земле, их закапывание, сев семян из «бороды» служили возвращению земле тех сил, которые из нее ушли в зерновые колосья. Зарывание в землю хлеба с солью виделось дополнительным кормлением земли для прибавления ей сил при выращивании будущего урожая. В оставлении хлеба на камне или ткани внутри колосьев «бороды» заметна подготовка к трапезе, жертвоприношению.

Весь комплекс дожиночных обрядов был направлен на сохранение растительной силы снятого урожая на поле, что обеспечивало непрерывность урожаев, соединение уже выращенного с урожаем будущего года, т.е. на обеспечение плодородящей силы земли.

С дожиночным снопом совершались различные обрядовые действия. Его использовали для гаданий: девушка собирала срезанные для последнего снопа «пясточки»

(горсти) и складывала в общий дожиночный сноп, если все гости собирались парами, то считалось, что девушка в этом году выйдет замуж, если же «пять» была лишней - то и девушка останется незамужней.

Гадали не только по количеству пяток срезанного хлеба, но и на снопе, связанном из последних сжатых колосьев, что делали, в основном, беременные женщины и незамужние девушки. Женщины, ожидавшие ребенка, садились на сноп и смотрели, кто подползет: если жук - то родится мальчик, мурашка - девочка. Девушки, сидя на снопе, тоже следили, если подползет какое-нибудь насекомое, это означало замужество. По зернам из дожиночного снопа гадали о посеве: из него брали три колоса, отдельно из каждого вылущивали зерна и зарывали в землю в укромном месте. Если быстрее всходили зерна первого колоса, это означало, что лучший урожай даст в будущем году ранний сев; если зерна второго - средний, третьего - поздний.

Дожиночный сноп, вносимый в дом, вешали над умывальником, из которого жницы мыли руки, вернувшись после дожинок. Верили, что руки, вымытые таким образом, не будут болеть. Затем сноп помещали либо в самой избе - в передний угол, либо вне избы - на поветь, где он хранился до Покрова Богородицы, когда им «закармливали скотину с осени», т.е. с этого начиналось зимнее кормление скотины в хлевах: сноп раздавали по горсточке всем домашним животным и птицам: коровам, лошадям, овцам, свиньям, курам и т.д. с целью уберечь скотину от возможной зимней бескормицы, болезни и других бед и напастей.

Происходило это следующим образом: хозяйка вставала рано утром и накрывала на стол: стелила скатерть, приносила холодец и хлеб, садилась и ела, так как закармливать скотину можно было только на сытый желудок. Затем отрезала по кусочку хлеба каждой скотине, брала с собой последний сноп и шла в хлев, где раскладывала хлеб по четырем углам, вставала на середину хлева и просила: *«Хозяюшко - батюшко, хозяюшка - матушка, ставлю я милова живота - скотинку на всю студеную зиму. Вы ее поите и кормите, теплом обогревайте и спать местечко давайте!»* Произносила эти слова три раза, кланялась в четыре угла, после чего молча раздавала по горсточке из дожиночного снопа каждому животному.

Здесь, как и в случае срезания колосьев для дожиночного снопа, сохранялся запрет на разговор. Иногда последний сноп раздавался скоту в рукавицах, чтобы скот зимою

не мерз. В некоторых местах дожиночный сноп хранили в сусеке до посева; зерна с этого снопа примешивали к семенам, которыми производился первый весенний сев.

18 августа (31 августа) - день памяти святых мучеников Флора и Лавра. В народе святые считались покровителями лошадей, в этот день отмечали **конский праздник**, лошадей не использовали для работы, купали и кормили. Совершали молебны от падежа и для приплода скота. По народным представлениям и в православной иконографии эти святые угодники являлись защитниками и покровителями лошадей, им молились о конском здоровье и благополучии. Иконы этих святых находились не только в часовнях и церквях, но и в красных углах крестьянских домов. В черноземных губерниях, например, в Пензенской, образ Флора и Лавра висел в конюшнях с правой стороны, над яслями, и никто не решался осквернить это место.

В этот день лошадей не использовали для работы, какой бы важной она ни была, давали им отдых, даже на скачках седлать лошадей было не принято; до дня Флора и Лавра не разрешалось выжигать тавра (клейма) на молодых лошадях. Любая работа, производимая лошадьми в конский праздник, по представлениям крестьян могла повлечь за собой их падеж.

Для лошадей выпекалось обрядовое печенье в форме конского копыта, этим печеньем закармливали лошадей и отдавали священнику; лошадей кормили круто посоленным яичным хлебцем или фроловской (ржаной) просфорой, которую каждый хозяин нес из церкви за пазухой, чтобы дома, разломив на несколько частей, дать по кусочку каждой дворовой скотине - от коня до поросенка. В муку или толокно, замешанные на масле, добавляли сметану, яйцо и сахар. Из теста раскатывали жгуты, которые разрезали на части и скатывали небольшие шарики, пекли в печи на противнях или сковородах.

Вся обрядность, совершаемая в день Флора и Лавра, была направлена на обеспечение здоровья, приплода и благополучной жизни лошадей. К святым Флору и Лавру и в другие дни обращались за помощью в уходе за скотом.

День святых Флора и Лавра заканчивал сезон полевых сельскохозяйственных работ. Это был срок завершения сева озимых, поэтому Фролов день называли «досевками». Считалось, что кто будет сеять после того дня, тот не жди и урожая; посев ржи после «Фролов» определялся, как запоздалый. Окончание сева отмечали праздничной трапезой и гуляньем.

СЕНТЯБРЬ – наши предки его называли - ВРЕСЕНЬ, ГРУДЕНЬ, ДЕВЕТНИК, МИХОЛЧАК, РЕВУН.

1 сентября (14 сентября) - Семенов день. В народе его называли – *бабьим летом*. По погоде бабьего лета судили об осени. В селах с этого времени начинались осенние хороводы.

Согласно преданиям и житиям святых, преподобный Симеон, родом киликиец, был пастухом и пас овец своего отца в Каппадокии. Затем ушел в ближайший монастырь, где семь дней просил принять его. Получив разрешение, он стал послушником, а в восемнадцать лет - иноком. Прославился аскетическим образом жизни, направленным на служение Богу. Так, Симеон сделал себе пояс из древесных ветвей, которые, высохнув, впились ему в тело; переселялся на дно высохшего колодца (озера), затем в покинутую хижину, при подошве горы, в каменную пещеру, чтоб никто не мешал его молитвам и общению с Богом.

На Руси с днем памяти святого Симеона Столпника совпадало окончание старого лета (года) и начало нового, отчего преподобный Симеон и получил название летопроводца. На I Вселенском Никейском соборе в 325 году было принято решение перенести начало нового лета - нового года с 1 марта на 1 сентября. В связи с этим с XIV века по 1700 год, до известного Указа Петра I, перенесшего празднование нового года на 1 января, день святого Симеона был первым днем нового года.

Этот день отмечался на Руси по-особому. Наибольшей торжественности празднество достигало в Москве. Люди приходили друг к другу в гости и не расходились до утра. Эти вечера носили семейный характер: встречать новое лето было принято у старшего в роде. С семейных посиделок ходили в церковь к заутрене. На Руси день Симеона - летопроводца имел большое значение и как «судный день». В Москву съезжались «ставиться на суд» в присутствии государя и бояр. Местом суда на Семенов день назначался Приказ Большого Дворца. Государь разрешал все спорные вопросы, которые не удалось решить на местах. Суд царя приравнивался к Божьему, поэтому в приговорах объявлялось: *«Пойманы вы есте Богом и Государем Великим»*. Иногда вершил суд и патриарх. Кто не приходил к Семенову дню на срочный суд, тот считался виновным. Челобитчик же получал по суду «правовую грамоту» и считался правым.

Кроме того, ко дню Симеона приурочивался обряд *«постригов»* и *«сажания на коня»*. Его совершали над мальчиками, чаще всего первенцами, «при переходе от мла-

денчества», обычно по исполнении им трех лет, т.е. на четвертом году жизни. Летописные свидетельства об этом обычае сохранились с XII века, одно из первых приходится на 1191 год. Обряд совершался не только над крестьянскими, но и великокняжескими детьми. В последнем случае ритуал происходил в церкви и совершался епископом.

Бояре и простые люди исполняли обряд дома, в присутствии родных; производил постриг крестный отец. Волосы, выстриженные у младенца, передавались матери, которая зашивала их в ладанку; их принято было хранить до самой смерти. Кум и кума выводили крестника во двор, где их ждал отец с обьежженным конем. Отец сажал сына на коня и придерживал рукой, а кум водил коня под уздцы. У крыльца отец снимал ребенка с крыльца и передавал куму, который вручал крестника куме с поклонами. Кума отводила его к матери, произнося приветствия в адрес последней. Отец с матерью одаривали кума с кумой, а те, в свою очередь, вручали подарки крестнику. За обедом кум с кумой разламывали на голове крестника пирог с пожеланиями богатства и счастья.

С Семенова дня начинались *засидки*, т.е. работа в избах при огне. При этом было принято накануне Семенова дня погасить весь огонь, кроме лампадного, а на утренней заре зажечь новый огонь. Раньше существовал обычай добывать новый огонь из сухого дерева. Делалось это так: пожилые люди терли сухое дерево о дерево, а молодые парень или девушка зажигали спицею новый огонь, которым топили печи в избах и банях, а на засидках зажигали лучину и свечи.

Бабье лето считалось и бабьим праздником, и временем, когда начинались осенние женские работы: мяти и трепали пеньку, мочили коноплю, мыли в воде и расстилали по лугам лен. В Семенов день начинали прясть и *затыкать кроссна*, т.е. подготавливали основу на ткацких станах, чтобы ткать холст.

8 сентября (21 сентября) – двенадесятый церковный праздника **Рождества Богородицы и Приснодевы Марии** в память рождения Пресвятой Девы Марии. В народной традиции Богородица избавляла от скорбей и несчастий, облегчала боль, покровительствовала роженицам, была заступницей детей и девушек на выданье.

День Рождества Богородицы отмечается торжественным молебном; пением величания на утрени: *«Величаем Тя, Пресвятая Дева, и чтим святых Твоих родителей и всеславное славим рождество Твое»*.

Богородица считалась покровительницей рожениц, что вытекает из материнского начала в ее образе. По русским поверьям, мать, «заспавшая» своего ребенка, т. е. придавившая его во время сна, должна была несколько ночей подряд одна молиться в церкви в очерченном кругу. Тогда в первую ночь Богородица показывала матери ее ребенка, находящегося в крови, во вторую ночь крови становилось меньше и так далее до полного очищения.

К Рождеству Богородицы или к Аспосову дню приурочивались **Осенины** - вторая встреча осени - Осены (первая происходила в Преображение Господне или в Семенов день). Женщины собирались рано утром и выходили на берег рек, озер и прудов встречать Матушку Осенину. Для этой встречи специально выпекался овсяный хлеб, который держала старшая из женщин, а молодые пели песни, стоя вокруг нее. Затем хлеб разламывался на куски по числу собравшихся, и им кормили домашний скот.

Осенины справлялись в течение целой недели (в церковной традиции на празднование Рождества Богородицы отводилось 6 дней, так как этот праздник имел день предпразднества - 7 (20) сентября и четыре дня попразднества). За один-два дня до праздника родители посылали детей к родственникам с приглашением в гости; старались позвать тех, которые тоже смогут пригласить на угощение. Тесть и теща обязательно приглашали молодых зятьев вместе со свекром и свекровью, чтобы установить добрые отношения между семьями сватов; родителями мужа и невесткой. Внуки оставались в доме бабушки и дедушки на несколько дней после праздника, чувствуя себя в гостях полными хозяевами.

Особым обычаем было посещение новобрачных родней и знакомыми. Родственников угощали праздничным обедом; после чего молодая хозяйка показывала свое хозяйство, а хозяин водил гостей на двор, демонстрировал конскую упряжь в сарае и жито в амбаре. Сопровождался показ похвалами гостей и поднесением им пива.

День Рождества Богородицы часто совпадал с днем осеннего равноденствия, и как в день весеннего равноденствия в Богородицын день обновляли в избах огонь – гасили старый и зажигали новый.

14 сентября (27 сентября) - великий двенадесятый праздник **Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня**, установленный в честь обретения святой равноапостольной Еленой Честного Креста Христова. В этот день поднимали кресты на строящихся храмах и ставили кресты придорожные. Мать визан-

тийского императора Константина Великого св. Елена нашла на Святой земле место распятия и погребения Христа - Голгофу и пещеру Гроба Господня. Здесь были поставлены храмы Юпитера и Венеры. Раскопав холм, она обнаружила три креста. Определить крест Иисуса Христа удалось после исцеления больной, приложившейся к нему. По другому преданию, от соприкосновения с этим крестом воскрес умерший, которого несли для погребения.

Так как крест представляет собой символ страданий, то день Воздвижения Креста Господня считался в народе постным: *«Хоть на воскресный день придись Воздвижение, а все на него - пятница-среда, постная еда»*.

К Воздвижению завершалось бабье лето, происходила третья встреча осени: *«Вздвигенье лето замыкает, ключи сизая галочка с собой за море уносит»*. К наступлению зимних холодов готовились заранее, поэтому говорили: *«Воздвигенье кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет»*. Замирание жизни зверей и птиц также не оставалось без внимания крестьянина: *«На Воздвигенье птица в отлет двинулась»*; *«В Воздвигенье медведь залегает в берлогу»*. Особо отмечалось замирание змей, которые забираются в норы. В народе считалось, что они и другие пресмыкающиеся животные уходят в неведомые теплые страны. По другим народным представлениям, змеи и ужи сползались в одно место, под землю, к своей матери, где и проводили зиму. Сигналом к их возвращению служил первый весенний гром, разрешающий им жить на воле. Опасаясь, что змеи, двигаясь к своей матери, заползут на двор, крестьяне запирали ворота и двери, чтобы змеи не спрятались под навозом или в соломе. Тем не менее, в народе верили, что, начиная с Воздвижения, змеи не кусаются, так как если змея ужалит кого-нибудь, то ей не уползти вместе с остальными змеями; в наказание она остается мерзнуть в холодные дни.

К Воздвижению заканчивалась уборка овощей, льна, конопли; происходила обработка льна. Начинали рубить капусту и заготавливать ее на зиму, поэтому Воздвижение называли капустным праздником: *«На Воздвигенье - чей-чей праздничек, а у капусты поболее всех»*. Сопровождалась рубка капусты песнями и угощением по вечерам.

С Воздвижения начинался ряд осенних девичьих вечеринок, называемых «капустниками». Капустницы происходили не только в деревнях, но и в городах, и продолжались две недели. Девушки, надев нарядные одежды, ходили из дома в дом с песнями -

рубить капусту. Приготовлялся особенный стол с закусками. Парни-женихи приходили с гостинцами и высматривали невест.

В Сибири на капустенские вечерки приглашались соседки. Капустницы, входя в дом, поздравляли хозяев с урожаем капусты, как с праздником. Для гостей варилось пиво и готовилось угощение с главным блюдом – «хлебальным пирогом». Вечер оканчивался плясками и играми.

*«В кругу молодец гуляет,
Себе пару выбирает:
Лизавету - по совету,
А Настасью - по согласью.
Я Алenuшку люблю,
Шелковый платок куплю,
Сто рублей заплачу.
Сто рублей нам нипочем –
Гуляй девка с молодцом!»*

ОКТАБРЬ – слово пришло из Византии. Коренные славянские названия – ЛИСТОПАД, РЖЕНЬ, ОБРОЧНИК, ГРЯЗНИК.

1 октября (14 октября) - церковный праздник **Покрова Пресвятой Богородицы** в память явления Богородицы в храме в Константинополе в середине X века. В народной традиции праздник связан с завершением полевых работ и началом зимы, с первым снежным покровом земли. Считался девичьим праздником и покровителем свадеб. С этого дня молодежные гулянья переносили с улицы в избу, скот ставили на двор, охотники уходили на зимние промыслы.

На Руси праздник был установлен при князе Андрее Боголюбском около 1164 года. В его основе лежит предание о явлении Богородицы в церкви во Влахернах - императорской резиденции в Константинополе, где хранилась риза Богоматери, ее головной покров и часть пояса.

Пограничное положение праздника Покрова Богородицы между осенью и зимой обозначило его как день, по которому определяли погоду на предстоящую зиму, так как для крестьян всегда представляло важность, сурова ли будет приближающаяся зима. «На Покров до обеда осень, а после обеда зимушка-зима»; «С Покрова зима zaczyna-

ется, с зимних Матрен - 6(19) и 9 (22) ноября зима встает на ноги, налетают морозы».

Около Покрова выпадал первый снег, покрывая все вокруг, поэтому в народном сознании Покров Богородицы связывался со снежным покровом земли при наступлении зимы. Но снег, выпавший на Покров, часто быстро таял, а для крестьянина серьезной проблемой было окончание осенней распутицы и установление санного пути, поэтому следили: *«Если в Покров выпал снег, то и в Дмитриев день (26/8 ноября) будет непременно то же»*. Девушки особенно верили в силу праздника Покрова, поэтому к нему были приурочены различные действия, помогающие им найти суженого и выйти замуж. Накануне этого дня девушки гадали в овине: для совершения гадания они пекли небольшой ржаной хлеб, а также мяли и трепали пучок льна. Вечером хлеб и лен относили в овин и ставили на колосники - положенные горизонтально жерди, на которые ставили для просушки снопы хлеба, при этом говорили: *«Мой суженый, мой милый, приходи сегодня в ригу, на работу насмотришься, из окошка покажись»*. При этом девушка должна была молча дожидаться появления суженого, стоя посредине гумна и смотря в окно, через которое бросают снопы в овин. Чаще всего, девушки боялись оставаться ночью одни в овине и, положив хлеб и лен на колосники, шли спать, а утром, когда раздавался благовест к утрени, забирали хлеб и лен из овина, которые имели чудодейственную силу привораживать сердца. Если девушка тайно даст съесть кусочек хлеба и положит в карман нитку из «вороженного» льна, то понравившийся ей парень полюбит ее.

Ложась спать перед днем Покрова, девушки произносили молитву, обращенную к Богородице: *«Ты, Покров - Богородица, покрой меня, девушку, пеленой своей - иди на чужую сторону! Введение - Мать - Богородица, введи меня на чужую сторонушку! Сретенье - Мать - Богородица, встреть меня на чужой сторонушке!»*, а утром вставали рано и шли в церковь - поставить свечу перед иконою Покрова Богородицы, при этом просили: *«Мать-Покров! Покрой землю снежком, меня, молодую, платком»*. Существовало поверье: кто раньше поставит свечу, тот раньше и замуж выйдет. Да и момент для свадеб был подходящим - к этому времени заканчивались все сельскохозяйственные работы, образуя достаток в крестьянских хозяйствах.

Девушки старались провести праздник Покрова весело, так как считалось, что *«если Покров весело проведешь, дружка милого найдешь»*. Кроме танцев и песен устраивались игры. Иногда устраивалось угощение, часто оно носило характер складчин. Так,

на Алтае девушки сходились на общий ужин, имеющий название – «*петухов варить*». Для чего собирали по всему селению различные продукты: молоко, масло, муку, пшено. Пекли блины, варили пшеничную кашу и петухов. Взрослые говорили: «*Теперь девки женихов будут ждать*». На Покровскую вечерку к девушкам часто приходили парни, приносили конфеты, пряники, орехи. На подобных вечерках замечали, какой парень за какой девушкой ухаживает. Удачливой считалась та девушка, которая получала в праздник Покрова от парня какой-нибудь подарок, за исключением ножниц и иголки.

В день Покрова старались совершить ряд охранительных действий. Так, молодые женщины сжигали в овине свои старые соломенные постели, таким образом молодухи старались уберечь себя от «*призора недоброго глаза*». Для предохранения от зимней простуды маленьких детей обливали на пороге дома водой сквозь решето. Старухи сжигали изношенные за лето лапти, считая, что, исполнив это, они «*прибавят себе ходу на зиму*». С Покрова крестьяне начинали подготавливать свои избы к зиме: утеплять и конопатить их.

К Покрову заканчивалась уборка хлеба - увозились последние снопы и складывались в риге или овине; завершалась уборка овощей с огородов: «*Пречистая Мать (Успенье Богородицы) засекает, а Покров собирает*». Во многих местах начинались Покровские ярмарки: «*Приспей, товарищ, к Покрову, сдам на Покровской ярмарке*».

14 октября (27 октября) – день Преподобной Параскевы Сербской, прославившейся в середине XI века.

28 октября (10 ноября) - день Великомученицы Параскевы Пятницы. Народное название дней памяти святых Параскев, которых в православной традиции насчитывается четыре. У восточных славян особо почиталась Параскева Пятница, покровительница одноименного дня недели. Девушки и женщины считали ее своей заступницей: она помогала при родах, покровительствовала браку, дому, женским занятиям, прежде всего прядению. Параскева исцеляла от душевных и телесных недугов, покровительствовала земле, скоту и воде, была заступницей торговли. С наибольшим уважением к Параскеве Пятнице относились девушки и женщины, отчего этот день и получил название «бабьего» праздника.

Параскеву, наряду с Покровом Богородицы, считали покровительницей брака и родов, а дни Покрова и Пятницы виделись тождественными и заменяющими друг друга. В день святой Параскевы девушки гадали о женихах, подобно тому, как гадали в день

Покрова. Происходило органичное соединение образов Параскевы и Богородицы, что отразилось в фольклорном материале, где в духовном стихе о милостивой жене дева Мария именовалась и Богородицей, и Пятницей:

*«Стояла милослива жена да милосердна
Во край пути да край дорози.
Во сне ей и Пятница явилась,
Сама пресвятая Богородица...»*

14 октября (27 октября) – грязнихи. Так назывались осенние грязи. Если в этот день будет грязь, то грязь будет до появления зимы.

26 октября (8 ноября)– крестьяне отмечали, что если этот день будет без снега, то и Пасха будет теплая.

29 октября (11 ноября) – овчарь. С этого дня начинали стричь овец.

НОЯБРЬ – коренные славянские названия: ЛИСТОПАД, ГРУДЕНЬ, ГНИЛЕЦ.

1 ноября (14 ноября) - крестьяне отмечали, что с этого дня начинались морозы. Девичий праздник, отмечаемый в день памяти Космы и Дамиана (Кузьмы и Демьяна). В этот день девушки - невесты становились полными хозяйками дома. Устраивались девичьи *«кузьминские вечеринки»*, готовились специальные ритуальные блюда, проводились смотрины невест. В этот день девушка-невеста становилась хозяйкой дома. Она готовила еду для семьи и угощала всех; основным блюдом, подаваемым на стол, была куриная лапша. Вечером (реже - в течение трех дней) девушки устраивали «кузьминскую вечеринку». Для чего заранее снимали избу, собирали по деревне продукты - картофель, масло, яйца, крупу, муку и т.д., готовили обрядовую еду, среди обязательных блюд была каша, варили козьмодемьянское пиво. Зачастую девушки продавали кашу парням за несколько копеек, накладывая в разных размеров чашки, а полученные деньги делили между собой. Девушки-подростки варили кашу в нескольких горшках; после чего ели в определенном порядке: сначала съедали блюдо каши с постным маслом, затем со скоромным маслом, а в конце - блюдо каши со свиным салом. После угощения начинались игры молодежи, среди неперенных так называемые *«поцелуйные»*. Кроме игр, на «кузьминских вечеринках» принято было танцевать и петь песни:

*«На Кузьму, Кузьму-Демьяна,
На девичий праздник
Тут и девушки играли,
Ванюшку увидали.
Он не в шубе, не в кафтане,
В белом балахоне».*

Вечером в последний день Кузьминок исполнялся обряд *«свадьба и похороны Кузьмы-Демьяна»*, который заключался в следующем: девушки изготавливали чучело - набивали соломой мужскую рубашу и штаны, приделывали к ним голову. Надевали на чучело *«чапан»* (верхнюю одежду из сукна), опоясывали его кушаком, обували в старые лапти. Затем происходило *«потешное венчание»* - чучело усаживали посреди избы и *«женили Кузьку»* на одной из девушек; затем укладывали его на носилки, уносили в лес, за территорию деревни или села, где его раздевали, разрывали на части, плясали на соломе, оставшейся от чучела, а потом сжигали ее.

Первоначально этот обычай имел магический смысл, подобно обрядовому сожжению чучела масленицы; уничтожению троицкой березки, похоронам Костромы и Ярилы, видны общие черты и с *«похоронными играми»* во время Святков. Солома, из которой изготавливалось антропоморфное существо, олицетворяя зрелый знак будущего урожая, использовалась для обеспечения плодородия; чучело представляло собой растительную силу земли; его уничтожение, сожжение, потопление или придание земле символизировало возвращение силы земле, а веселье, смех, пляска девушек на *«соломенном теле Кузьмы-Демьяна»*, входя в число признаков Кузьминок, влияли на природу через оживление умерщвленных антропоморфных изображений, воскресающих в травах и злаках будущего урожая, что символизировало стремление человека к плодородию и новой жизни, особенно в тот период, когда все замирало в предчувствии зимы.

12 ноября (25 ноября) – замечали, если на этот день выпадет снег, то оттепель продолжится до Введения.

21 ноября(4 декабря) – Введение. Праздник в честь приведения в церковь господню Пресвятой Девы Марии в Иерусалиме. В народе был связан с началом зимы. Праздник Введения предвосхищает событие Рождества Христова; с этого дня в храмах начинают петь: *«Христос рождается, славите!»*. Продолжается праздник Введения пять дней; его отдание совершается 25 ноября (8 декабря). Согласно преданию, пра-

ведные Иоаким и Анна, родители Пресвятой Девы, будучи до старости бездетными и узнав о дарованном им ребенке, дали обет посвятить его Богу. Посвящение Богу заключалось в исполнении определенного обряда, состоявшего во введении посвящаемого в Иерусалимский храм. Введение Пресвятой Марии во храм произошло, когда ей исполнилось три года. Пресвятая Мария и ее родители подошли к храму, к ним навстречу вышел сам первосвященник Захария, отец Иоанна Предтечи, который и ввел Марию во храм.

С этого дня устраивались санные выезды. Первые санные выезды взрослых сопровождались особой торжественностью. К их началу приурочивался обряд *«казать молодую»*. Родные и знакомые собирались в доме, где были молодожены, чтобы *«смотреть как поедет молодой князь со своею княгинюшкой»*, т.е. на выезд молодых. Перед выездом новобрачных происходило небольшое угощение пришедших гостей, которое прерывалось *«на полустоле»*, чтобы завершиться при возвращении молодоженов. Отправляясь на гулянье, молодые переступали порог своего дома по вывороченной шерстью вверх шубе. Таким образом они защищались от неожиданных бед и напастей, которые могли повстречаться им во время санного катания. Свекор со свекровью, провожая невестку с молодым мужем на гулянье, просили *«остальных поезжан-проводимых уберечь ее от беды встречной и поперечной»*.

Для подобного выезда подбирались легкие сани, украшенные резьбой и росписью. Если молодые были из богатой семьи, то они сидели на медвежьей шубе, одетые в самую нарядную одежду. За санями молодых ехали гости в празднично украшенных санях, составляющих *«санный поезд»*. Молодожены кланялись по сторонам, показывая себя. При этом пелись песни, пился мед и выкрикивались здравицы в честь молодых. Возвратившихся с гулянья встречали свекор со свекровью, принимали невестку из рук молодого и кланялись поезжанам за то, что уберегли ее *«ото всякого глаза, ото всякой притки, ото всякой напасти»*. Заходили молодые в дом, также наступая на шубу, положенную на пороге дома, где продолжалось праздничное угощение.

Этот обряд показывает, что праздник Введения недаром оказывался среди дней, особенно почитаемых женщинами, вместе с днем Покрова Богородицы; Параскевы (14/27 октября; 28 октября/10 ноября); Екатерины, Варвары (4/17 декабря) и др., поэтому о Введении говорят: *«Введение - праздник баб»*.

К празднику Введения приурочивались первые зимние ярмарки и торги.

ДЕКАБРЬ – наши предки называли этот месяц СТУДЕН, ЗИМСКИЙ, ВОЛЧИЙ, ВЕЛИКОБОЖНИЧАК.

1 декабря (14 декабря) – с этого дня наши предки начинали учить своих детей грамоте.

6 декабря (19 декабря) - Николин день. Святой Николай, по преданию, совершил множество добрых дел: спас от гибели впадшую в нищету семью, заступался за несправедливо осужденных, избавлял от гибели мореплавателей и утопающих, вызволял из темниц пленников, воскресал умерших, помогал голодным и сирым. В Николины дни совершалось множество обрядовых действий, носивших ярко выраженный языческий характер.

12 декабря (25 декабря) – поселяне говорили, что с этого дня *«солнце поворачивает на лето, а зима на мороз»*. Старики замечали – с какой стороны подует ветер, с той стороны будет дуть он до весеннего равноденствия.

16 декабря (29 декабря) – селяне верили, что если на деревьях иней, то Святки будут теплые.

24 декабря (6 января) – 6 (19 января) - СВЯТКИ - главный зимний праздник в крестьянском календаре, знаменующий собой переход от старого года к новому. Святки длились две недели, начинаясь в рождественский сочельник (24 декабря/6 января) и завершаясь в день Крещения.

Корни большинства святочных обрядов, совершаемых в связи с наступлением нового солнечного года, восходят к глубокой древности и имеют ярко выраженный языческий характер. Вместе с тем, на архаичную основу праздника сильное влияние оказало христианство, поскольку к святочному периоду церковью были приурочены события жизни Иисуса Христа.

Основными праздниками в рамках Святки являлись Рождество Христово, Новый год (Васильев день) и Крещение Господне. В кануны этих дней вечером в каждой крестьянской семье совершались торжественные обрядовые трапезы, характеризующиеся наличием ритуальной пищи, остатки которой после ужина оставляли на столе для приходящих в святочное время душ умерших и ставили на окно или порог для угощения мороза. Полагали, что и умершие предки, и природная стихия, вкусив обрядового блюда, будут способствовать хорошему урожаю в новом году.

В традиционной культуре вкушение ритуальной пищи осмыслялось не как обычное насыщение, а как приобщение к жизненным силам, приписываемым этой пище мифологическим сознанием, и, соответственно, к вечному круговороту жизни.

Весь святочный период был чрезвычайно насыщен разнообразными обрядами и ритуализованными действиями, к которым были причастны все члены деревенской общины. Так, в первый день Рождества группы детей, парней и девушек, а иногда и взрослые мужчины совершали обряд *славления Христа*: они ходили по всем домам деревни с рождественской звездой и пели специальные песни, в которых славили праздник и поздравляли с ним своих односельчан. Рано утром в Рождество и в Новый год маленькие мальчики совершали в каждом доме магический обряд *посевания*: зайдя в избу, посевавший разбрасывал зерна разных культур, исполняя при этом песню с поздравлением хозяев с Новым годом. Этот обходный обряд был направлен на обеспечение урожая в новом сельскохозяйственном сезоне. С этой же целью в рождественский сочельник или рано утром в Рождество и в день Нового года по деревне ходили *колядовщики* и исполняли поздравительные песни хозяевам домов, за что вознаграждались обильным угощением.

В народе Святки считались молодежным праздником. Взрослое население деревни на третий день после Рождества возвращалось к своим повседневным заботам и хлопотам, за исключением тех видов работ, которые, по народным представлениям, нельзя было совершать в Святки. Молодежь же полностью была освобождена от какой-либо трудовой деятельности и все время посвящала разнообразным развлечениям.

Святочный период можно назвать временем активного формирования брачных пар нового года, чему способствовало проведение почти каждый вечер, кроме сочельников, игрищ молодежи. Здесь парни и девушки имели возможность внимательно приглядеться друг к другу. К тому же Святки являлись одним из принятых в традиции периодов гостения девушек у родственников или подруг, живущих в более крупных деревнях или селах, где вероятность найти брачного партнера была значительно реальной. Девушки старались привлечь к себе внимание с помощью ярких праздничных нарядов, умения петь, танцевать, поддерживать беседу, а также демонстрируя свой характер, веселый и бойкий, но в то же время и скромный, что в народных представлениях считалось эталоном девичьего поведения. Несмотря на то, что весь святочный период считался в народе временем «*без креста*», то есть временем, когда только что

родившийся Иисус еще не был крещен, особый разгул нечистой силы связывался именно со *«страшными вечерами»*, что отразилось в соответствующем названии. По народной легенде, *«в эти страшные вечера Бог на радостях, что у Него родился Сын, отомкнул все двери и выпустил чертей погулять. И вот, черти, соскучившись в аду, как голодные, набросились на все грешные игрища и придумали на погибель человеческого рода бесчисленное множество развлечений, которым с таким азартом предается легкомысленная молодежь»*.

В Святки посредническая функция стариков реализовалась в разных формах: и на уровне слова, и на уровне обрядового действия. Именно старики и пожилые люди святочными вечерами на игрищах и дома загадывали загадки, рассказывали сказки и былички детям и молодежи. Им же принадлежала ведущая роль в исполнении некоторых обрядов, в руководстве молодыми в обрядовой ситуации, в трактовке и разъяснении примет и гаданий и т.п. В быличках, события которых относятся к святочному периоду, знание пожилых оказывается жизненно важным.

24 декабря(6 января) и 5 января (18 января) – Сочельник (сочевник) - народное название кануна праздников Рождества Христова и Крещения / Богоявления. В эти дни обязательно соблюдение строгого поста до обрядовой трапезы в полночь. Время девичьих святочных гаданий. Слово *«сочельник»* восходит к словам сочиво и сочень, которые в свою очередь произошли от «сок». Сочивом у русских называли сок или молоко из семян а также кушанье, состоящее из зерен, то есть кашу. Такую постную кашу ели в рождественский и крещенский сочельники. Сочнями же назывался вид лепешек на конопляном масле, а также сдобные выпечные изделия с начинкой сверху (шаньги, ватрушки) или без нее (пряженики). Сочни или тесто для них нередко использовались девушками для святочных гаданий, в ночь на Рождество или в день самого праздника: с сочнем спрашивали имя суженого на улице; в проделанные в тесте дырочки смотрели через подворотню на проходящих и по внешнему виду первого встречного судили о будущем.

25 декабря(7 января) - РОЖДЕСТВО. Великий двенадесятый праздник христианской церкви, когда отмечается рождение Иисуса Христа. По крестьянскому календарю знаменовал наступление Святков и начало роста светового дня. В этот день церковь отмечает рождение Иисуса Христа, воплощающего в религиозно-мифологической системе христианства образ богочеловека, в котором присутствуют

одновременно и вся полнота божественной природы: Иисус Христос являет собой второе лицо Троицы (Бог-отец, Бог-сын, Дух Святой) и как Бог, соответственно, вечен и абсолютен, - и вся конкретность человеческой природы: иудей, рожденный в Вифлееме в начале современного летоисчисления, выступивший с проповедью в Галилее и казненный в возрасте 33 лет. Празднованию Рождества Христова предшествует сорокадневный пост, являющийся подготовкой христианина к этому событию.

26 декабря(8 января) - Бабы каши. Праздник повивальных бабок и рожениц. Одаривание и общественные трапезы в этот день являлись актом благодарности повитухам от крестьянской общины за всех принятых ими детей. Уважительное отношение к повивальным бабкам, выражаемое, в частности, в день «бабьих каш», основывалось на народных представлениях о том, что между повитухами и детьми, которых они приняли, на всю жизнь устанавливались духовно-родственные отношения. С одной стороны, повивальная бабка несла ответственность за повитого ею ребенка, с другой, - занимала почетное место в ряду родственников этого ребенка в обрядах, относящихся к важнейшим событиям его жизни: во время крестин, свадьбы, проводов в армию.

ВО ЧТО ВЕРИЛИ НАШИ ПРЕДКИ

Народ более двух тысяч лет согласовывает свою жизнь с общими законами природы. Жизненное пространство предков подчинялось строгим рамкам: жилище – хлев – поле – лес – вода. Чтобы выжить, надо было все это сберечь. Поэтому наши далекие предки искали способы защитить свой мир с помощью заговоров, оберегов. В глубокой древности родились в народе заклички, приговорки, песни (все, что мы зовем сегодня устным народным творчеством), обращенные к дождю, солнцу, ветру, грому. В те далекие времена, как мы знаем, люди верили во множество богов и обращались к ним и Природе, как к живым Существам, способным услышать и понять крестьянские заботы и радости. Это нашло отражение в литературе: от древнерусской до современной. В «Слове о полку Игореве» Ярославна обращается за помощью к реке. А царевич Елисей из «Сказки о мертвой царевне...» просит Солнце и Ветер помочь ему найти свою нареченную. В школах большое внимание отводится изучению египетской, греческой, римской мифологии и почему-то почти ничего славянской мифологии.

Предки, в отличие от нас, относились к Земле-матушке с величайшей любовью, и все сказания говорят о том, что она платила им тем же. У Земли, как и у людей, были

именины (10 мая), когда Земля отдыхала. Земля была свидетельницей торжественных клятв. Считалось, что если поклялся Землей, то ложь делалась невозможной: Земля не станет носить обманщика. Некоторые ученые считают, что имя Земли – Макошь.

На земле у Матери – Земли много помощников, маленьких божеств. Среди них Домовой, Овинник, Банник, Полевик, Леший, Водяной.

Познакомим вас с некоторыми из них. Итак, первый, самый главный и самый добрый – это **Домовой**. Он живет бок о бок с человеком, поэтому больше других похож на человека, точнее, на своего хозяина. За порогом дома мир становится чужим и враждебным. Дворовый – хозяин двора – считался уже менее доброжелательным, чем Домовой. **Овинник** – хозяин овина – еще менее, считалось, что от него зависело, будет ли скотина водиться во дворе, а **Банник**, дух бани, стоящей на отшибе, на краю двора, а то и за его пределами, на границе неосвоенного пространства – попросту опасен.

Полевик был по значимости ближе всех к Макоши – Земле. Недаром в день именин Земли наши предки в поле не выходили. «*Земля отдыхает*», – говорили они. Зато потом с поля домой приходили только к ночи, а часто и вообще оставались на своем земельном наделе.

Лесовик (или всем известный Леший) – лесной хозяин, хранитель леса. Уважительное отношение к Лесовику способствовало бережному отношению к природе. Лес для крестьянина был спасителем от холода и голода. Прежде чем что-то взять в лесу или срубить дерево, надо было попросить у него прощения и задобрить Лесовика.

Много примет и поверий связано с другой геометрической фигурой – **кругом**. Круг, кольцо, обруч, пояс защищали человека от недобрых сил, были охраной и оберегом. От нечистой силы наши предки чертили белым круг и вставляли в середину его. Недаром гоголевский Хома, спасаясь от Вия и всей нечисти, очерчивал вокруг себя такой магический круг.

Часто встречается **пояс** в произведениях устного народного творчества. В сказке «Иван-крестьянский сын и чудо-юдо» Иван после победы над змеем рано утром идет подслушивать разговор чудо-юдовых жен. Братьям он объясняет, что потерял пояс. Новый он покупать не хочет, старый кушак ему дорог, так как он в трех битвах его оградил. Нельзя его врагу оставлять. И братья его понимают, верят ему. В сказке «Аленушка и братец Иванушка» читаем: «*Аленушка обвязала козленочка шелковым*

поясом и повела с собой». Много горя вынесли сестрица Аленушка и братец Иванушка, но шелковый пояс, повязанный сестрицей, стал оберегом для братца, спас его и сестрицу. Но не только в сказках мы встречаемся с поясом. Существовало такое поверье: *«Не подпоясав мальчика, на улицу не пускать»*. Недоброе могло легче пристать к человеку, не надевшему пояс. *«Распоясался!»* – говорят про человека, в которого словно бес вселился.

Много поверий и примет связано с **веником**. Вероятно, он ассоциировался у славян с представлениями о древе жизни, обнимающем собой весь мир. Именно поэтому, наверное, и советуют бабушки ставить веник вверх метелкой: крона дерева должна быть наверху, ствол на земле. А если в доме был больной, то вообще мести было нельзя. То есть, веник (метла) был важным атрибутом многих русских обрядов: свадебных, погребальных, родильных.

А вот приметы, связанные с поведением животных: мухи кусаются сильнее – к буре; коровы поднимают морды кверху и жадно вдыхают воздух – к дождю; скот ложится под кровлю – к ненастью; свинья чешется – к теплу; собака валяется на земле – к ненастью; кошка царапает ножки стола – к ненастью; кошка моется и лижет лапы – к теплой погоде, а прячет мордочку в лапках – к морозу; куры не прячутся от дождя – к затяжным дождям; голуби разворковались – установится хорошая погода; пчелы сидят кучей на стенках улья – к сильной жаре; дождевые черви перед длительным ненастьем выползают наружу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционная русская культура всё больше осознается как духовно-нравственная основа воспитания человека в силу присущей ей способности формировать базовые ценностные характеристики личности. Процесс приобщения к традиционной русской культуре может осуществляться через включение детей в художественно-образную систему народной культуры с целью овладения ее нормативно-ценностными категориями посредством проведения специально разработанных комплексных музыкально-фольклорных занятий; организации народных праздников на традиционной основе; использования семейно-групповых форм освоения традиции: посиделки, чаепития, встречи для игр, гостевания и др.

Народное творчество является не только неиссякаемым источником мудрости и красоты, но и неоценимым средством воспитания, приобщения современного подрастающего поколения к сокровищам культуры. Предки наши поклонялись живительной, благотворящей силе Солнца, и в наше время необходимо прилагать все усилия, чтобы в собственных душах и душах детей непременно победило светлое, солнечное, жизнеутверждающее начало, пробудить в детях яркие, радостные, необычные ощущения, всегда сопутствующие народным празднествам. Образный поэтический язык этих праздников является одним из средств народной педагогики, этики, эстетики, которые всегда просто, мудро и ненавязчиво передавали от поколения к поколению святыне, всем понятные истины, традиционно сложившиеся человеческие отношения. Для ребенка каждая встреча с фольклором — реализация внутренне присущей ему потребности «исканий высокой радости». Сама же народная культура, будучи «оптимально сбалансированной моделью мира», системой духовно-нравственных, эстетических и бытийно-практических ориентиров, предстает перед детьми не суммой отдельных произведений, а целостно, как способ миропонимания, мироощущения, отношения к жизни.

Традиционная русская культура многими трактуется и как одна из форм проявления национального самосознания и, что особенно важно, как средство и механизм его стимулирования, как способ возвращения утраченных духовных ценностей, нравственно-эстетических норм поведения, межличностных и межпоколенных отношений, традиционных форм хозяйствования, уклада семейной и бытовой жизни. Открытость современной России привела к нарушению оптимального баланса между «своим» и «чужим» в культуре, традициях, образе жизни. Мы имеем дело с утратой этнического своеобразия, размыванием культурно-самобытного основания, на котором базируется

национальная культура России.

Главная задача педагога направлять усилия на сохранение культурно-воспитывающей среды, традиций, так как это является необходимым условием духовной жизни человека, его социализации, отобрать все самое лучшее, самое ценное, созданное народом, и на основе этих исторически сложившихся ценностей, учитывая реалии современной жизни, внести в содержание эстетического воспитания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Уланова Л.С. Праздничный венок. – М.: ТЦ Сфера, 2001 – 160с.
2. Гладких В.Н., Мальцева Н. В. Мы призваны сохранить русскую историю, культуру, традиции. Дополнительное образование, 2002, № 6 – 39-44 с.
3. Сахаров И.П. Сказания русского народа. . – М.: Советская Россия, 1990 – 175с.
4. Петров В.М., Гришина Г.Н. , Короткова Л.Д. Летние праздники, игры и забавы для детей. . – М.: ТЦ СФЕРА, 2001 -- 128с.
5. Абрамова О.А. Традиционная культура «поляков» и «каменщиков» Рудного Алтая. Барнаул: ДЮФЦ Песнохорки, 1997 – 238с.
6. Новоселова Н.А., Соколова С.В. Пришла коляда накануне Рождества. Красноярское книжное издательство, 1995 — 256с.
7. Рыбаков Б.А, Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987—164с.
8. Антонова Ю.Е., Розова О.В., Левина Л.В. Как научить детей любить Родину. – М.: АРКТИ, 2003 – 168с.
9. Панкеев И.А. Полная энциклопедия быта русского народа. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 1998 – 688с.
10. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991 -- 446с.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	1
1. Традиционные русские забавы.....	2
1.1. Гуляние.....	2
1.2. Качели.....	4
1.3. Троицкая зелень.....	9
1.4. Троицкая берёзка.....	11
1.5. Русальная неделя.....	12
1.6. Русалка.....	14
1.7. Семик.....	15
1.8. Похороны Костромы.....	18
1.9. Ряженье.....	20
1.10. Посиделки.....	26
1.11. Пляска.....	28
1.12. Чаепитие.....	31
1.13. Вертеп.....	33
1.14. Кулачный бой.....	35
1.15. Рассказывание сказок.....	37
1.16. Загадывание загадок.....	37
2. Народный календарь.....	39
2.1. Январь.....	39
2.2. Февраль.....	63
2.3. Март.....	81
2.4. Апрель.....	85
2.5. Май.....	102
2.6. Июнь.....	107
2.7. Июль.....	117
2.8. Август.....	118
2.9. Сентябрь.....	127
2.10. Октябрь.....	131
2.11. Ноябрь.....	134
2.12. Декабрь.....	137
3. Во что верили наши предки.....	140
Заключение.....	143
Библиография.....	145
Содержание.....	146

Редактор:

доктор педагогических наук В.Н. Куровский

Рецензенты:

кандидат педагогических наук, доцент Т.Б Черепанова

заведующая отделением народного хорового пения ТОККИ

А..Л. Букина

заслуженный работник культуры РФ,

директор Центра сибирского фольклора Н.М.Леонова

Сборник подготовлен к печати сектором по издательской деятельности информационно-методического отдела ОГУК «ДНТ «Авангард».

Корректор: Н.Н. Бодюл

Обложка, дизайн, верстка: И.Н. Филимонова

Адрес: 634063, г.Томск, ул. Бела Куна,20

☎(382-2) 64-65-90

e-mail: avangard@trecom.tomsk.ru

